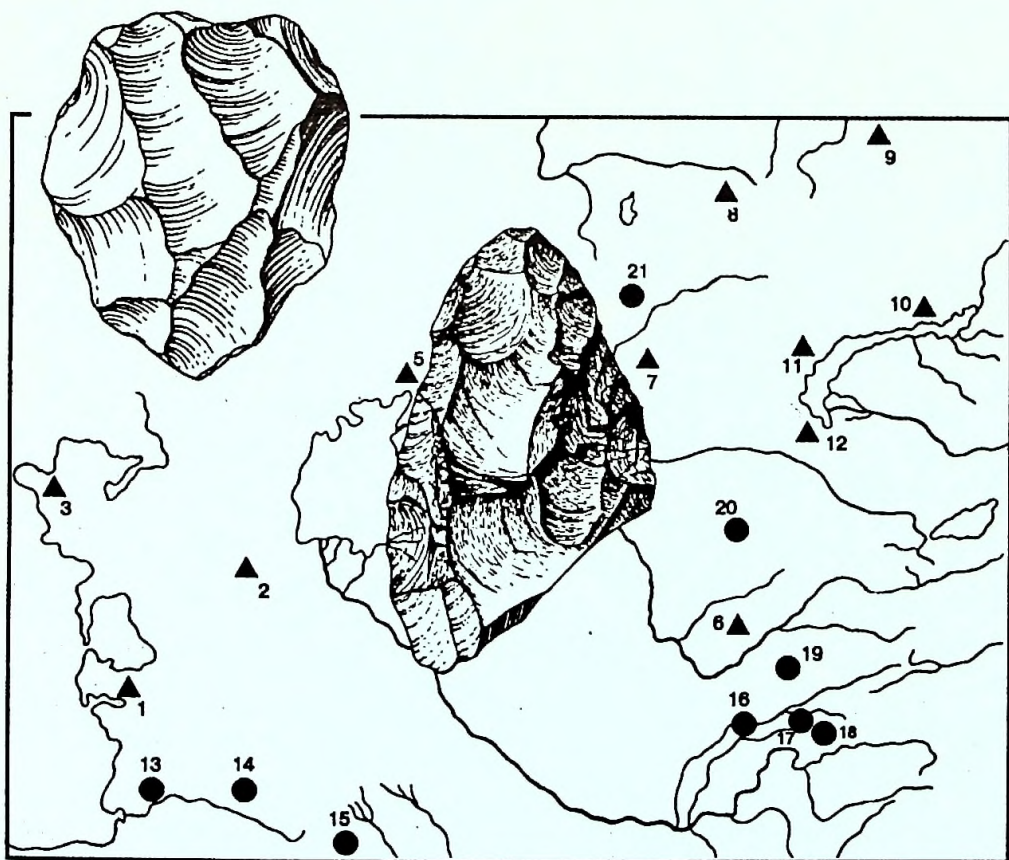

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА
БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ВИШНЯЦКОГО

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

L. B. VISHNYATSKY

**THE PALEOLITHIC
OF CENTRAL ASIA
AND KAZAKHSTAN**

EVROPEISKIY DOM

**ST. PETERSBURG
1996**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

**ПАЛЕОЛИТ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1996**

ПЕЧАТАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА

96—01—16255

Вишняцкий Л. Б.

Палеолит Средней Азии и Казахстана. —
С. Петербург: Изд-во “ЕВРОПЕЙСКИЙ
ДОМ”. 1996. — 213 с.

ISBN 5—85—733—055—6

© Л. Б. Вишняцкий, 1996

© Российская Академия Наук, 1996

© Издательство “Европейский Дом”, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Палеолит огромного среднеазиатско-казахстанского региона, простирающегося от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке и от предгорий Урала на севере до Памира и хребтов Иранского нагорья на юге, изучен пока крайне неравномерно (рис. I). Всего на территории Казахстана и среднеазиатских республик зафиксировано сейчас уже более 300 местонахождений (от пещерных стоянок до пунктов сбора подъемного материала), давших находки, относимые к палеолиту, но при этом в некоторых районах памятников пока нет вообще, в других они крайне редки, в третьих хоть и многочисленны, но малоинформативны. Сравнительно неплохо изучен лишь юго-восток региона (отроги и предгорья Памира и Тянь-Шаня), хотя и здесь еще немало белых пятен.

Если учесть, что примерно две трети от общего числа местонахождений - это пункты, давшие единичные находки, то получится, что на площади в без малого 4 миллиона квадратных километров имеется всего около 100 памятников, откуда происходит более или менее массовый материал, т. е. в среднем 1 на 40000 кв. км (территория Нидерландов или Швейцарии). Из этого числа лишь два десятка являются стратифицированными, причем почти все они сосредоточены в юго-восточной горной части Средней Азии. Естественные научные данные (абсолютные датировки, фаунистические определения по слоям, палинологические характеристики разрезов и т. д.) во многих случаях отсутствуют или очень скудны, а часто и сами археологические материалы остаются на протяжении десятилетий неопубликованными. Таким образом, и в количественном и в качественном отношении существующая сейчас фактологическая база оставляет желать много лучшего.

Тем не менее, усилиями, главным образом, энтузиастов-одиночек, положение, хоть и очень медленно, но меняется. Продолжаются и приносят интересные результаты разведки и раскопки, совершенствуется методика исследований, появляются профессионально сделанные публикации как недавних, так и старых находок. Новой информации становится все больше, и, соответственно, все больше ощущается потребность в новом обобщении имеющихся фактов, в сводной работе, где бы излагались и суммировались накопленные материалы и хотя бы кратко формулировались и рассматривались основные вопросы, связанные с их осмыслением и интерпретацией. Такого рода сводки выходили в середине 60-х (Окладников, 1966), 70-х (Ранов, Несмея-

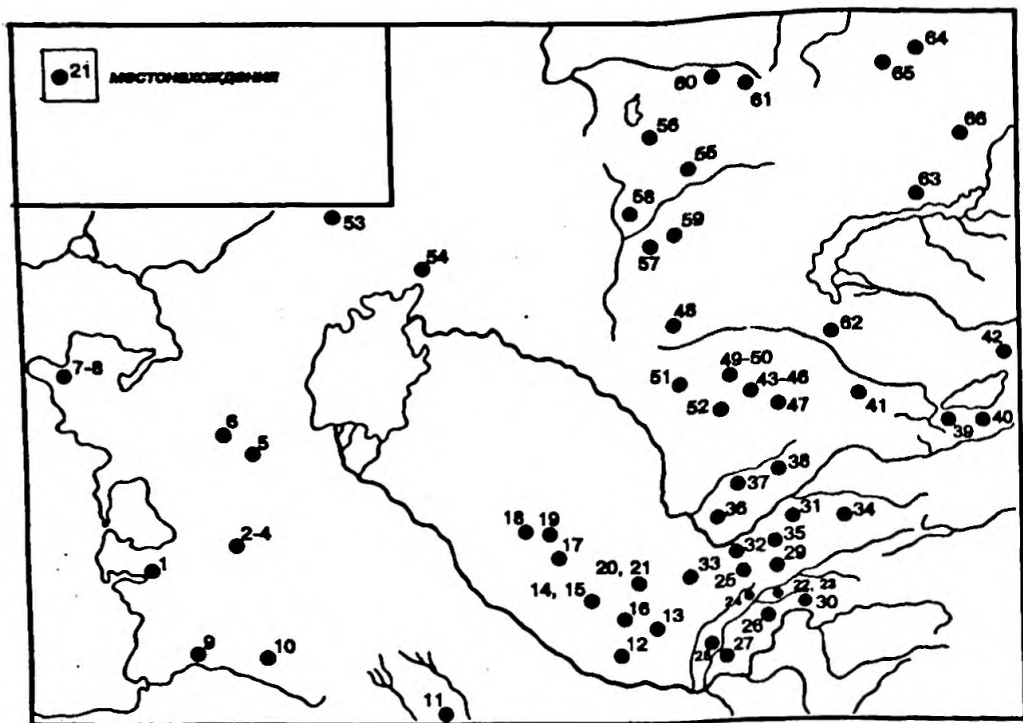

Рис. 1. Основные палеолитические памятники Средней Азии и Казахстана:

- 1 – Янгаджа-Каратенгир; 2-4 – Га-Куш, Кызыл-Бурун, Алам-Куль; 5 – Есен 2; 6 – Каракудук; 7-8 – Шахбагата, Кумакапе; 9 – местонахождения юго-западного Копетдага; 10 – местонахождения Центрального Копетдага; 11 – Пинхан; 12 – Балахана; 13 – Тешик-Таш; 14, 15 – Кутурбулак, Зирабулак; 16 – Аман-Кутан; 17 – Учтут, Вауш, Иджонт; 18 – Кызылнура 15, 16; 19 – Кызылнура 1; 20 – Самаркандская, Сиабча; 21 – Ходжамазгиль; 22, 23 – Кульдара, Лахути 1; 24 – Каратау 1; 25 – Худжи; 26 – Огзи-Кичик; 27 – Кара-Бура; 28 – Ак-Джар; 29 – Семиганч; 30 – Шугноу; 31 – Сель-Унгур; 32 – Кайрак-Кумы; 33 – Джар-Кутан; 34 – Капчигай; 35 – Ходжа-Гор; 36 – Кульбулак; 37 – Ходжакент I, II; 38 – Оби-Рахмат; 39 – Саламат-Булак; 40 – Тоссор; 41 – Георгиевский Бугор; 42 – Актогай 1-4; 43-46 – Борыказган, Танирказган, Акколь, Кзылкиндык; 47 – Кемер I-III; 48 – Казангап; 49-50 – Токалы I-III, Жанатас и др.; 51 – Кошкурган; 52 – Карасу (им. Ч. Валиханова); 53 – Жалпак; 54 – Аральск; 55 – Тюемайнак 1; 56 – Ак-Кошкар; 57 – Жаман-Айбат 4; 58 – Музбель 1; 59 – Айдарлы 2; 60 – Вишневка; 61 – Батпак; 62 – Хантау; 63 – Семизбугу; 64 – Таскудук 1; 65 – Ангренсор; 66 – Чингиз.

нов, 1973) и 80-х (Абрамова, 1984) годов, и в этой книге, продолжая установившуюся традицию, я пытаюсь подвести итоги тому, что сделано к середине 90-х годов, то есть, фактически, за советский период изучения палеолита Средней Азии и Казахстана.

Первый вариант этой работы был написан в 1990 г. в качестве раздела одного из томов серии "Палеолит мира", который остался неопубликованным. При подготовке настоящего издания старый текст был в значительной мере дополнен и переработан, но структура книги, особенно описательной ее части, не претерпела существенных изменений и отражает стремление дать, прежде всего, сводку основных данных по палеолиту Средней Азии и Казахстана. Естественно, несколько подробнее описываются при этом материалы, находящиеся в непосредственном распоряжении автора, и потому главы, посвященные памятникам юго-западной части региона (Туркмения), занимают в работе, возможно, непропорционально большое место.

Историографический раздел в книге отсутствует, но при характеристике главных памятников даются сведения о том, кто и когда их открыл и изучал. Более подробную информацию на этот счет можно найти в ряде специальных статей, где освещается история полевых исследований палеолита Средней Азии и Казахстана (Джуракулов, 1966; Ранов, 1968; Таймагамбетов, 1989а) и история основных подходов к выявлению и интерпретации сходств и различий между местными индустриями (Вишняцкий, 1989а).

Со значительной частью описываемых ниже материалов мне удалось в разные годы ознакомиться — иногда очень бегло, иногда детально — благодаря любезности коллег из Санкт-Петербурга (З.А. Абрамова, В.П. Любин, В.Е. Щелинский), Душанбе (В.А. Ранов, А.Г. Амосова, А.Х. Юсупов), Алма-Аты (О.А. Артюхова, Б.Ж. Аубекеров, Ж.К. Таймагамбетов), Самарканда (Т.Ю. Гречкина, У.И. Исламов, Р.Х. Сулейманов) и Нукуса (Е.Б. Бижанов, В.Н. Ягодин). Всем им приношу самую искреннюю благодарность. Я благодарен также Г.А. Кузнецовой и Г.Г. Сорокиной, выполнявшим графические работы, и В.В. Питулько, подготовившему макет книги.

ЧАСТЬ I. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ГЛАВА I. ПАЛЕОЛИТ АРАЛО-КАСПИЙСКИХ ПУСТЫННЫХ ПЛАТО

Обширные засушливые территории, лежащие на западе Средней Азии и Казахстана, между Каспийским и Аральским морями, имеют сходное в общих чертах геологическое строение и близки по рельефу. Это пластовые денудационные плато, бронированные толщей неогеновых морских пористых известняков. Однообразие равнинных ландшафтов нарушается здесь повсеместно либо глубокими карстово-солончаково-дефляционными котловинами, либо холмогорьями и низкогорьями. При геоморфологическом районировании Арало-Каспийские пустынные плато обычно выделяются в качестве некоторого единства, куда как составные части входят Мангышлакские, Устюртские и Заузбойские плато, низкогорья и котловины.

Поскольку на пространстве между Каспием и Аралом процессы эрозии и денудации явно преобладают (и преобладали в плейстоцене) над процессами аккумуляции, здесь не известно пока стратифицированных палеолитических памятников. Более того, для большей части этой территории подъемный материал и в будущем, скорее всего, останется если не единственным, то главным источником информации о местных древнейших культурах.

1. Палеогеография.

Природная история западных районов Средней Азии и Казахстана в плейстоцене тесно связана с историей Каспийского моря. Чередование морских трансгрессий и регрессий и соответствующих им отложений легло в основу геологической периодизации позднего кайнозоя этой территории.

Плиоцен завершился в бассейне Каспия крупной трансгрессией, получившей наименование акчагыльской. В период ее максимума

воды Каспия доходили на севере до среднего Урала, на западе сливались с черноморскими, а на востоке, где их распространению препятствовали чинки Мангышлака и Устюрта, проникали через Балханский залив до Предкопетдагского прогиба, покрывая также и пониженную часть Краснодарского полуострова. Впоследствии море никогда уже не занимало той площади, которой оно достигло в акчагыле [Леонтьев и др., 1977; Варущенко и др., 1987; Долуханов, 1988]. Апшеронская трансгрессия, которую можно сопоставлять с эоплейстоценом, по распространению соответствующих отложений примерно в полтора раза уступает акчагыльской, бакинская, нижнеплейстоценовая, так же уступает апшеронской, хазарская — бакинской, и лишь раннехвалынская (верхнеплейстоценовая?) трансгрессия нарушает установившуюся тенденцию, сравнявшись по масштабам с апшеронской [Шадрухин, Токарский, 1985]. Что касается береговой линии в Восточном Прикаспии, то в северной части она мало изменялась, будучи близка к современной, и лишь к югу от Краснодарского полуострова море заливало в периоды трансгрессий низменные участки и ингрессировало по Балханскому коридору в Кемаль-Узбойскую ложбину, примерно до меридиана Казанджика. Сток каспийских вод в черноморский бассейн в послеплейстоценовое время неоднократно возобновлялся [Федоров, 1988].

Акчагыльское время, по существующим оценкам, началось около 3.3 млн. лет назад и продолжалось примерно полтора миллиона лет: подошва нижнего апшерона соответствует палеомагнитному рубежу 1.8 млн. лет. На верхний апшерон прихлится эпизод прямой намагниченности Харамильо (0.9-1.0 млн. лет), а заканчивается эта эпоха около 700 тысяч лет назад с наступлением тюркянской регрессивной фазы. В середине тюркянского горизонта проходит граница эпох Брюнес-Матуяма и, таким образом, он знаменует собой переход от эоплейстоцена к плейстоцену [Ушко, 1982; Трубихин, 1985, 1987]. С бакинскими отложениями связан горизонт пелпа, датированный по трекам возрастом около 600 тысяч лет [Ганзей, 1987]. Подошва нижнего баку имеет возраст не древнее 690 тыс. лет, возможно, 620-630 тыс. лет [Трубихин, 1987]. Хазарская эпоха, судя по уран-иониевым и торий-урановым датировкам, начинается более 300 тысяч лет назад [Каплин и др., 1977; Арсланов и др., 1988]. Ее, видимо, можно в целом сопоставлять со средним плейстоценом и началом верхнего. Раннехазарские отложения в разрезах Нижнего Поволжья коррелируются с ливинскими и днепровскими [Жидовинов и др., 1982], а верхнехазарские опоставляются с изотопной стадией 5 [Шкатова, Арсланов и др., 1989].

Гораздо больше расхождений возникает при датировании раннехвалынских отложений. Есть данные что они стратиграфически коррелируют с калининскими отложениями [Жидовинов и др., 1982; Васильев, Додонов, 1989]. Этому отвечают и даты, полученные термомюмини-

сцентным методом: они дают для ранней хвалыни возраст от 70 до 40 тысяч лет. Вместе с тем, результаты радиоуглеродных и торий-урановых датировок совершенно иные — от 11 до 24 тысяч лет [Каплин и др., 1977; Варущенко, Варущенко, Клиге, 1987; Арсланов и др., 1988]. Последнее обстоятельство, наряду со скепсисом относительно возможностей термолюминисцентного метода, побуждает некоторых исследователей относить нижнюю хвалынь ко времени от 20 до 11 тысяч лет назад [Свиточ, Янина, 1983; Свиточ, Янина, Парунин, 1987; Свиточ, Парунин, Янина, 1992]. Другие специалисты в эти хронологические рамки заключают верхнехвалынскую трансгрессию [Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977, с.185; Карпычев, 1992], для которой разными методами получено множество дат, укладывающихся в диапазон от 22 до 7 тысяч лет назад [Каплин и др., 1977; Мамедов, Алескеров, 1985; Пашалы и др., 1985; Арсланов и др., 1988]. Преобладающим пока является мнение о ранне-верхнеплейстоценовом или средневерхнеплейстоценовом возрасте нижнехвалынской трансгрессии — это, как считается, лучше соответствует общим палеогеографическим представлениям [Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977, с. 181; Долуханов, 1988, с. 55], а также и некоторым палеомагнитным данным [Трубихин, 1985, 1987].

Для археологии плейстоцена аридного Арало-Каспийского региона особое значение имеет вопрос о колебаниях увлажненности на этой территории, об их ритмичности, хронологии, влиянии на флору и фауну. Самое непосредственное отношение к этому вопросу имеет комплекс проблем, связанных с определением причин трансгрессий и регрессий, их соотношения с ледниковьями и межледниковьями, зависимости от климатических, тектонических и иных природных факторов. Несмотря на то, что исследования по этой тематике ведутся давно и достаточно интенсивно, каких-либо общепринятых положений здесь выработать не удалось. Существует несколько разных точек зрения [Герасимов, 1937; Туголесов, 1948; Доскач, 1980; Зубаков, Борзенкова, 1983 с. 118-119; Варущенко, Варущенко, Клиге, 1987; Свиточ, 1991, с.91]. Господствующим является объяснение чередования трансгрессий и регрессий изменениями режима увлажненности и температуры [Свиточ, Янина, 1996], но спектр суждений относительно конкретных механизмов воздействия климата на эвстатические колебания очень широк.

Согласно весьма распространенной версии, трансгрессии Мирового океана и Каспия противоположны по фазе [Клиге, 1982; Зубаков, Борзенкова, 1983]. Максимумы каспийских трансгрессий должны, таким образом, соответствовать ледниковым эпохам Северного полушария, а в голоцене — периодам похолодания [Карпычев, 1992; см., однако, Велиев и др., 1989; Мамедов, Алескеров, 1989]. Какие бы причины ни влекли за собой повышение уровня моря (увеличение поступления талых вод во вторую половину межледниковий, изменения в

атмосферной циркуляции осадков, изменение водосборного бассейна, уменьшение испарений в периоды похолоданий и т. д.), обращает на себя внимание тот факт, что, судя по споропыльцевым данным, и в плейстоцене, и в голоцене трансгрессии развивались в условиях увлажнения и похолодания и сопровождалась расширением площадей, занятых древесной растительностью [Мальгина, 1961, 1964; Абрамова, 1980, 1985]. О том, что увлажнение в бассейне Каспия было выше в холодные эпохи, говорит и сравнение колебаний его уровня с ходом температуры до изотопному составу гренландских ледников [Дроздов, 1986]. Анализ данных по замкнутым водоемам юга умеренной зоны и севера субтропической (Ван, Конья и т.д.) также приводит к выводу, что для них во время, по крайней мере, позднеплейстоценового оледенения был характерен пльвиальный режим [Мурзаева, 1988], хотя последнее может объясняться уменьшением испарения в периоды похолоданий, а не ростом количества осадков в регионе [Робертс, 1982].

Если общее повышение увлажненности в Арало-Каспийском регионе действительно происходило, как правило, в периоды трансгрессий и понижения температуры, то допустимо все же и существование исключений из предполагаемой закономерности. Одним из них могла быть позднехвалынская трансгрессия, когда масштабы поздневалдайского похолодания или какие-то иные причины привели, как считают некоторые исследователи, к тому, что в аридной зоне сложились не только холодные, но и гиперзасушливые условия [Дэвис, 1980; Мамедов, 1980, 1981; Долуханов, 1985, 1987, 1989; Davis, 1990]. Впрочем, для Восточного Прикаспия этот вывод построен, как кажется, не столько на естественнонаучных данных, сколько на факте отсутствия или редкости верхнепалеолитических памятников, тогда как некоторые палинологические исследования, напротив, дают свидетельства увлажнения на этой территории в период ледникового максимума около 20 тысяч лет назад [Лазаренко и др., 1990]. Кроме того, следует учитывать, что для плиоцена-плейстоцена Арало-Каспийского региона, как и для Средней Азии в целом, вообще характерна прогрессирующая аридизация климата, четко проявляющаяся в пыльцевых спектрах (обеднение дендрофлоры, ксерофитизация растительности [Валуева, 1971, 1973; Пахомов, 1973, 1982]).

Возможности для конкретных палеогеографических реконструкций для плейстоцена Восточного Прикаспия очень ограничены: соответствующих фактов крайне мало. О данных споро-пыльцевых анализов уже кратко говорилось выше, что же касается остатков животных, то в регионе известны лишь единичные находки, которые к тому же мало что дают для палеогеографического анализа. Можно отметить лишь появление в хазарское время в западной Туркмении палеолоксодонтного слона (*Palaeoloxodon Turkmenicus* Dubrovo), который считается обитателем лесов [Дуброво, 1960]. Видимо, с ростом общей увлажнен-

ности увеличивалась и обводненность разных территорий, заполнялись бессточные впадины, возобновлялся сток по древним долинам. Во всяком случае, такие данные для хазарского и раннехвалынского времени есть [Клейнер и др., 1976, с. 77; Мамедов, 1980, с. 25 и т. д.].

Таким образом, можно полагать, что, несмотря на прогрессирующее иссушение аридной зоны, в определенные периоды пустыни запада Средней Азии были вполне пригодны для заселения их палеолитическими охотниками и собирателями. Археологические исследования подтверждают этот вывод.

К началу 90-х годов палеолитические находки в зоне Арало-Каспийских пустынных плато концентрировались в следующих четырех районах: (1) на Красноводском полуострове, (2) в Заузбойском районе, (3) на Устюрте, (4) на Мангышлаке.

2. Красноводский полуостров.

Красноводский полуостров ограничен на западе Каспийским морем, на юге — Красноводским и ныне высохшим Балханским заливами, на севере — заливом Кара-Богаз-Гол. Большую часть территории полуострова занимает Красноводское плато, с которым и связаны все известные в регионе находки палеолитических изделий.

Средняя высота Красноводского плато — 200 м, наивысшие точки на юге достигают 320 м, на севере — 260-280 м. На юге, юго-западе и севере плато обрывается высокими чинками, а на северо-западе его поверхность постепенно спускается к приморской низменности, занимающей западную окраину полуострова, большая часть которой покрыта грядово-котловинными песками Октумкум. Сложено Красноводское плато горизонтально залегающими пластами акчагыла, подстилаемыми более древними третичными отложениями [Берг, 1929, с. 27; Мурзаев, 1957, с. 42].

Наиболее значительные работы, проведенные на Красноводском полуострове до настоящего времени, связаны с деятельностью А.П. Окладникова, разведки которого, предпринятые в 1947, 1949, 1950 и 1952 гг., позволили значительно дополнить и уточнить имевшиеся разрозненные сведения о каменном веке Западной Туркмении. Правда, еще в 1947 г. попытка обобщить эти сведения была сделана в двух статьях П.И. Борисковского, но он мог опереться лишь на немногочисленные и относящиеся преимущественно к заключительным этапам каменного века материалы из сборов геологов В.В. Шумова и Н.П. Луппова [Борисковский, 1947, 1947а]. После работ А.П. Окладникова в исследовании палеолита Красноводского полуострова примерно на четверть века наступил перерыв, и лишь в конце 70-х годов и в 80-е годы разными исследователями было проведено несколько кратковременных разведок [Долуханов, 1977; Любин, 1984; Вишняцкий, Хамра-

кулиев, 1986; Вишняцкий, 1989; Vishnyatsky, 1989].

Большая часть полученных к настоящему времени материалов происходит из местности, именуемой Кюрянын-кюре (высота из высот). Кюрянын-кюре — это обрыв и склон южной окраины Красноводского плато, протянувшийся параллельно Куба-Дагу от соленого родника Каскыр-Булак на западе до мыса Иртык-Бурун у станции Белек на востоке. Абсолютные высоты Кюрянын-кюре колеблются от 130 до 310 м, сложен он акчагыльскими и меловыми осадками. Лучше всего здесь исследован участок примерно между меридианами станций Янгаджа и Кара-Тенгир, точнее между 33-м и 43-м километрами шоссе Красноводск — Ашхабад [Вишняцкий, 1989].

На обследованном участке поверхность склона плато резко расчленена густой и разветвленной сетью сухих саев, опускающихся к приморской низменности. Между ними почти параллельно друг другу тянутся в направлении север — юг останцы размыва, имеющие вид пирамидальных возвышений с плоскими площадками наверху и, как правило, крутыми склонами. По обрыву обнажаются отложения так называемой “красноцветной толщи”, представляющей собой древний пролювий, снесенный с существовавших и ныне существующих горных массивов. В нижней части эта толща, залегающая на песчаника среднего миоцена, сложена конгломератом из мелких галечек изверженных пород и известняков, выше состоит из плотных коричневатожелтых песчаников, а в кровле ее находятся зеленовато-коричневые, тонкие, рыхлые глинистые пески. Эти пески, слагающие и поверхности описанных останцов, покрыты сверху россыпями гальки и щебня. Преобладают гальки изверженных пород: граниты, диориты, порфириды [Никитюк, 1932, с. 29]. Среди них в огромном количестве рассеяны кремни серых и реже коричнево-красных тонов, как естественные куски и обломки, так и артефакты. Кремни происходят частью из третичных галечников, а частью из стяжений в юрских известняках гряд Борджоклы и Иртык-Бурун.

Почти все артефакты связаны с поверхностями останцов. Останцы поднимаются к плато несколькими четко выраженными абразионными уступами. Локализуются находки неравномерно. Отдельные разрозненные изделия залегают повсеместно, местами же плотность артефактов резко возрастает, и они образуют более или менее выделяющиеся скопления. Границами скоплений служат, как правило, края площадок останцов, хотя в некоторых случаях с одной останцовой поверхностью связано несколько скоплений, представляющих собой пятна сгущения искусственно расколотых кремней. Площади скоплений варьируют от 3-4 кв. м до десятков и даже сотен квадратных метров. Таким образом, по существу, всю территорию склона Кюрянын-кюре между 33-м и 43-м километрами шоссе можно рассматривать как одно гигантское местонахождение (обозначим его **Янгаджа-Каратенгир**), на котором

сосредоточены десятки, если не сотни скоплений разной величины и тысячи отдельно залегающих кремневых изделий.

На местонахождении представлен разновозрастный материал. Об этом можно судить по морфологии изделий и физическому состоянию их поверхностей, прежде всего, по наличию или отсутствию следов пустынного загара. Его нет ни на одном кремне, происходящем с неолитических стоянок, находящихся на низких останцах в пределах местонахождения. Нет его также на тех изделиях, морфология которых свидетельствует об их сравнительно позднем, скорее всего, послепалеолитическом возрасте. Абсолютно свежие, незатронутые загаром поверхности имеют скребки и наконечники неолитических типов, подпризматическые нуклеусы, немногочисленные пластинки с параллельной огранкой спинок. Напротив, крупные бифасы, нуклеусы с параллельной или радиальной системой снятий — все несут корку загара. Таким образом, наличие на поверхности артефактов интенсивных следов пустынного загара свидетельствует об их довольно древнем, во всяком случае, плейстоценовом возрасте. Установить хронологию этих находок в пределах плейстоцена значительно сложнее. Несмотря на то, что склон Кюрянын-кюре хорошо террасирован, и возможно, есть способы определять возраст не только аккумулятивных террас, но и абразионных уступов, которые здесь преобладают [Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977, с. 172] и с которыми, главным образом, связаны палеолитические находки, надежды на получение сколько-нибудь точных геологических датировок, как кажется, весьма эфемерны. Археологический материал распределяется по разным уровням хаотично и выявить какую-то общую тенденцию в геоморфологической приуроченности изделий разного возраста трудно.

Особый интерес представляет собранная на одном из участков местонахождения Янгаджа-Каратенгир коллекция из 20 бифасов. Это рубила, а также незавершенные и потому типологически точно не определяемые двусторонне обработанные изделия.

У одного рубила утрачено основание, видимо, в результате неудачной попытки уплощения медиальной части изделия. Дистальная часть обработана весьма тщательно двусторонней оббивкой, дополняемой на некоторых участках края ретушью (рис. II: 1). Второе рубило (рис. II: 2) также имеет слом на проксимальном конце, но слом этот был использован затем в качестве ударной площадки для уплощения основания изделия, что позволяет рассматривать это орудие как целое. Это рубило — одно из немногих законченных изделий среди бифасов местонахождения. Кроме него в коллекции имеется лишь фрагмент еще одного, несомненно, завершеного орудия — тщательно обработанное с обеих сторон, линзовидное в сечении и симметричное в плане основание рубила (рис. III: 3). Близки по форме и характеру обработки к рубилам и два других, более мелких по размерам бифаса (рис. IV: 1, 2), но явная

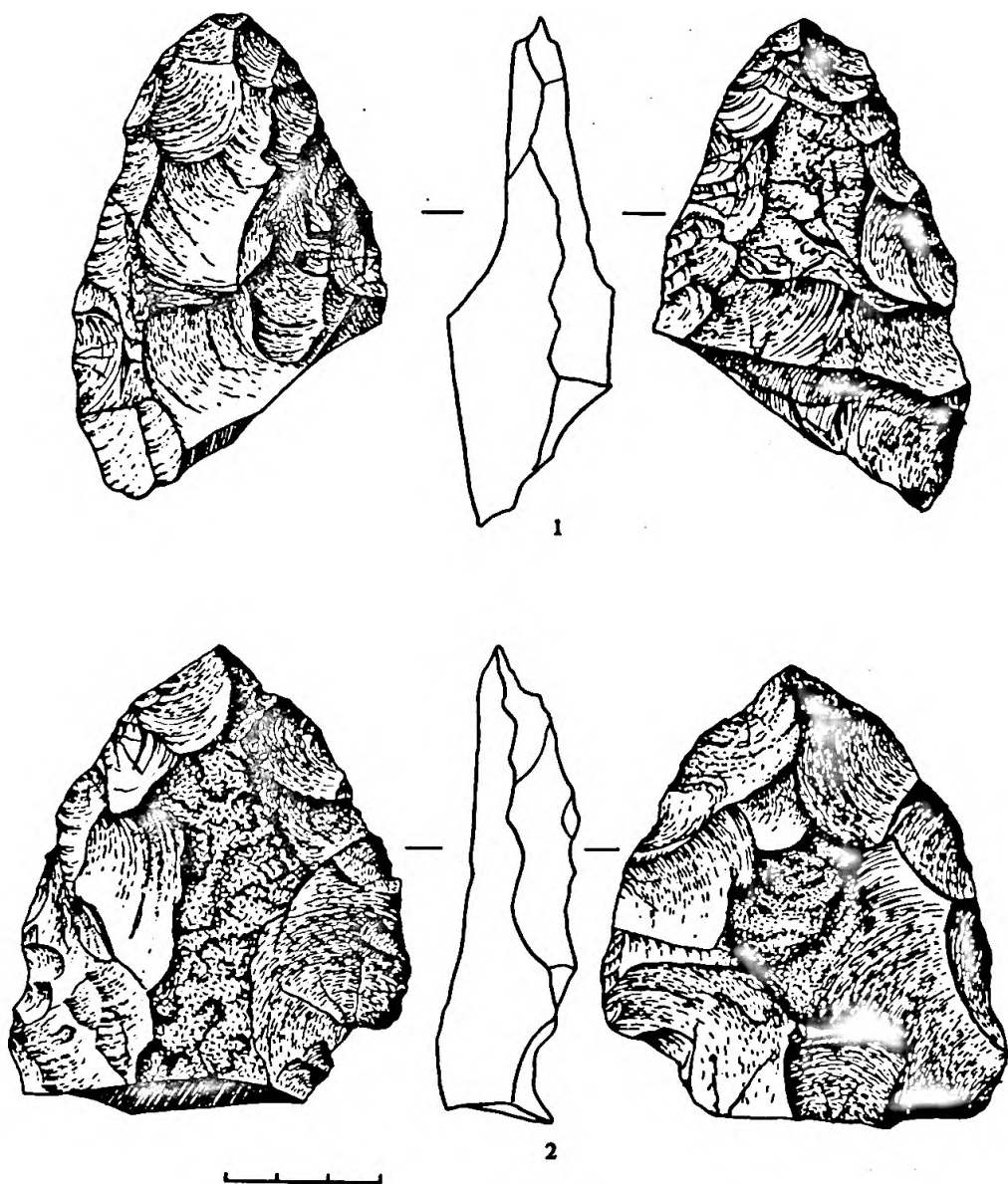

Рис. II. Краснодарское плато. Рубила.

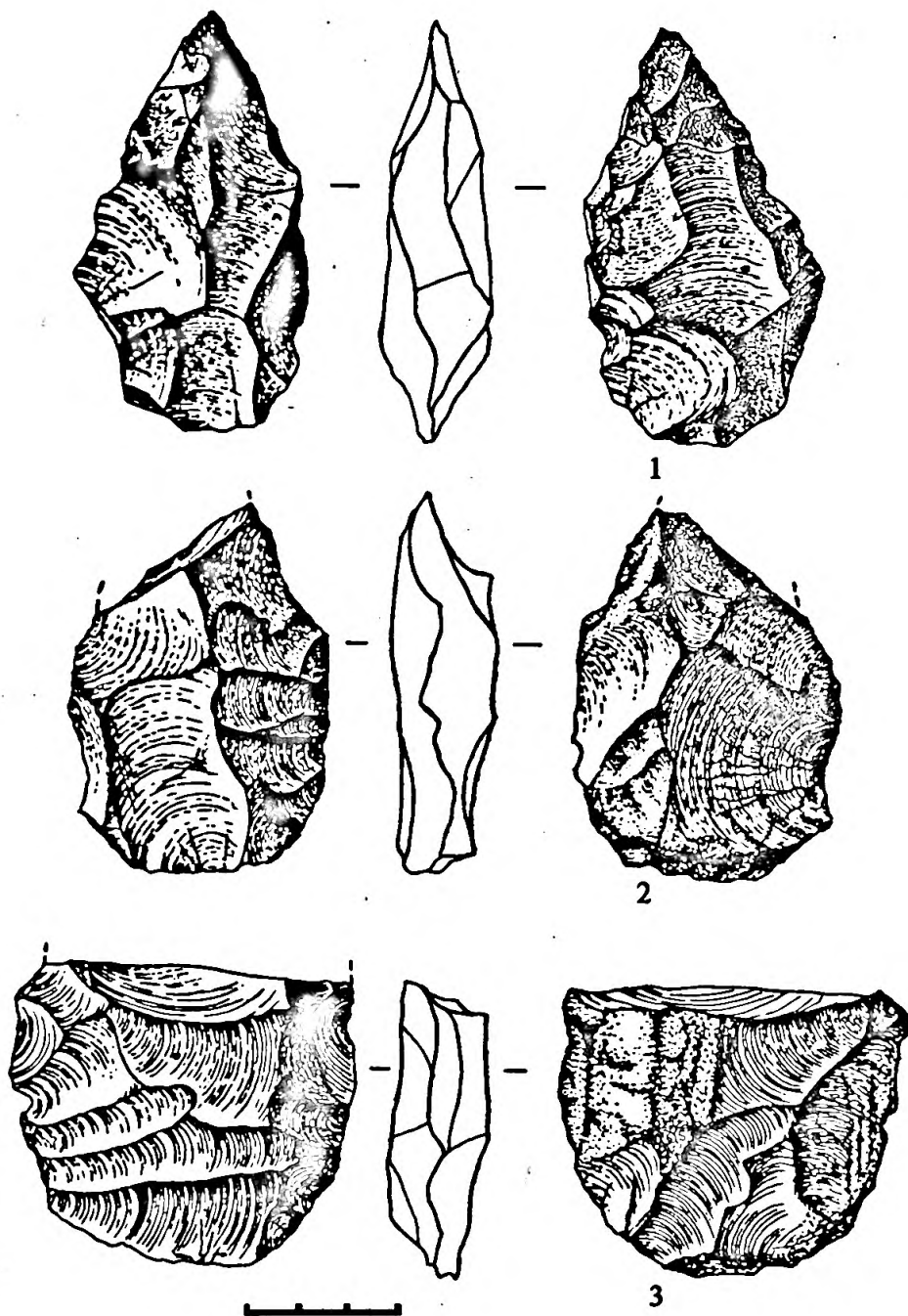

Рис. III. Красноводское плато. Бифасы.

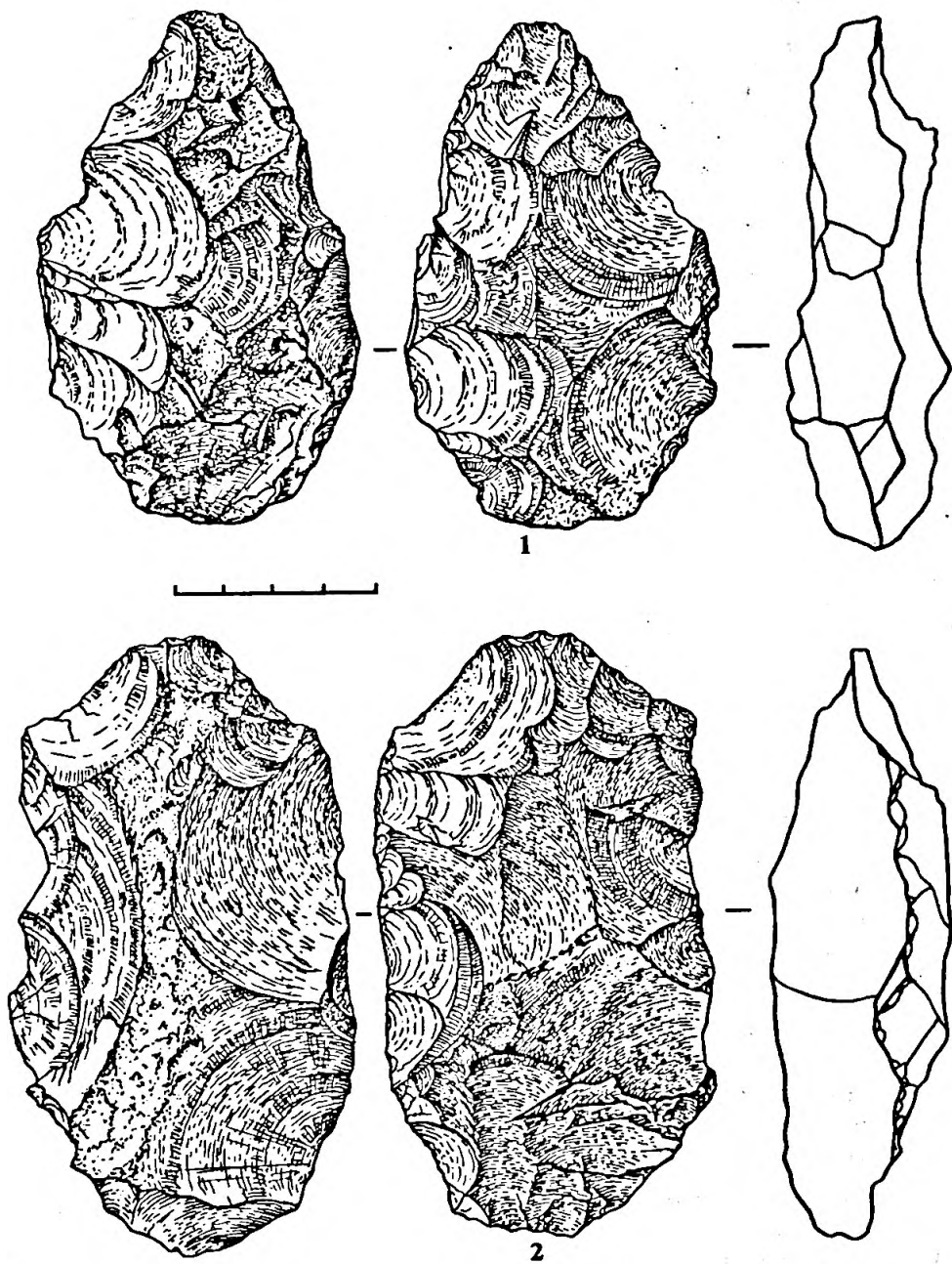

Рис. IV. Красноводское плато. Бифасы.

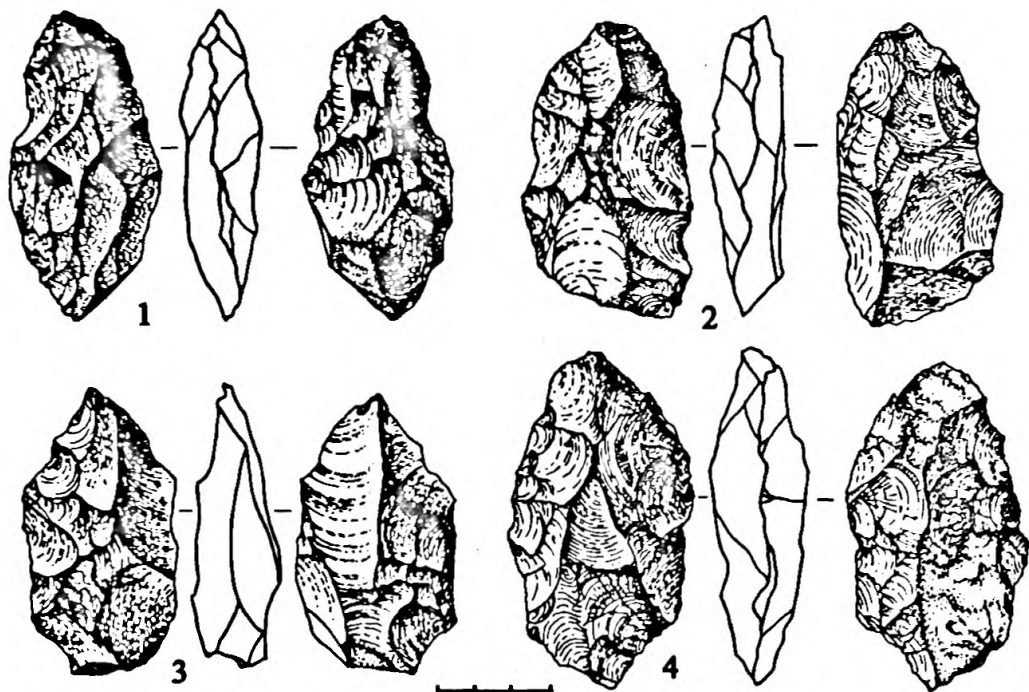

Рис. V. Красноводское плато. Бифасы.

незавершенность одного из них (о чем свидетельствует, в частности, сохранение вдоль края изделия несработанных ударных площадок) и сильная поврежденность другого заставляют воздерживаться от точных типологических определений. Остальные бифасы, имеющиеся в коллекции, представляют собой заготовки рубил и, возможно, каких-то иных, пока не найденных в готовом виде, орудий (рис. IV; V).

Место, где были найдены описанные бифасы и сопровождающий их материал (в основном это сколы, в половине случаев первичные, а также исходные предметы расщепления в начальных стадиях обработки и изделия промежуточные между последними и уже оформленными бифасами) следует, видимо, рассматривать как мастерскую, которая, по крайней мере в один из периодов ее функционирования, служила в основном для изготовления двусторонне обработанных орудий. Рубила, судя по их морфологии и принимая во внимание отсутствие аналогичных форм в стратифицированных мустьерских памятниках Средней и Передней Азии, могут быть отнесены к ашелю, хотя, имея дело с подъемным материалом, трудно быть уверенным в одновозрастности находок.

В пределы местонахождения Янгаджа — Каратенгир попадают и некоторые пункты, где проводил сборы А.П. Окладников, а именно пункты, обозначенные им как 39-41 км железной дороги Красноводск — Ашхабад. Все находки здесь были сделаны А.П. Окладниковым у подножия описанных выше останцов [Окладников, 1951, с. 93]. Для нескольких изделий, собранных на 39 километре, постулировался ашельский возраст. Два из них А.П. Окладников определил как рубила миндалевидного и микокского типов [Окладников, 1956, с. 186; 1966, с. 17]. Долгое время датировка А.П. Окладникова была практически общепринятой в советском палеолитоведении и подвергалась сомнению лишь зарубежными археологами [Klein, 1968, с. 36], а также исследователем голоценовых культур Средней Азии С.П. Толстовым, который призывал к осторожности “в отношении нижнепалеолитического возраста... находок на Красноводском плато... Не будет ничего невероятного”, — писал он, — “если они окажутся хронологически близкими к нижнеузбойской (неолитической) культуре” [Толстов, 1958, с. 44]. Впоследствии В.П. Любин, ознакомившийся с материалами 39-го км, прежде всего, с “рубилками”, пришел к выводу, что одно из двух изделий “вообще не является бифасом”, а второе “действительно, является не большим сердцевидным бифасом, но скорее всего мустьерского типа” [Любин, 1984, с. 35]. Однако, для последнего орудия возможен и более поздний возраст. Близкое ему по размерам и морфологии изделие, найденное в 1985 г., имеет абсолютно свежую поверхность [Вишняцкий, Хамракулиев, 1986, рис. 1, А-1]. Не исключено, что обе этих вещи являются послепалеолитическими.

Напротив, мустьерские, по А.П. Окладникову, находки на 40-41 км, а также в долине сая **Джанурпа** и в окрестностях колодца **Каскыр-Булак** (два последних пункта не входят в местонахождение Янгаджа — Каратенгир), очевидно, вопреки критике С.П. Толстова [Толстов, 1958, с. 43], следует действительно считать среднепалеолитическими. В пользу этого говорят и немногочисленные рисунки изделий, попавшие в публикации [Окладников, 1951, рис. 1-1, 2; 6-1, 2]. Среди находок дисковидные нуклеусы, остроконечники, скребла.

Небольшая коллекция предположительно среднепалеолитических изделий была собрана в 1976 г. П.М. Долухановым близ поселка **Белек** [Долуханов, 1977]. О мустьерском возрасте этих находок писал В.П. Любин [1984, с. 23].

Наиболее сложен вопрос о верхнем палеолите. В двух статьях П.И. Борисовского обосновывался верхнепалеолитический возраст части материалов, собранных на Красноводском плато геологами В.В. Шумовым и Н.П. Лупповым [Борисовский, 1947, 1947а]. А.П. Окладников не принял этих датировок. Он считал, что они нуждаются в пересмотре [Окладников, 1951, с. 102], хотя более подробно свои взгляды на этот счет не излагал. В свою очередь, А.П. Окладников считал

верхнепалеолитическими материалы, собранные им на 39-40 километрах [Окладников, 1956, с. 196-200], а также предположительно материалы сборов у колодца Куртки [Окладников, 1949, с. 68; 1951, с. 102].

Что касается находок В.В. Шумова и Н.П. Луппова, то все без исключения вещи, изображенные на рисунках в статье П.И. Борисковского [1947а], имеют несомненные аналогии в 5, 5а и 6-м слоях грота Джебел. Слои же эти содержат, как известно, неолитический материал, в том числе керамику [Окладников, 1958]. Такой же материал с аналогичной керамикой обнаружен и на местонахождении Кизыл-Лай [Окладников, 1949, с. 69]. Таким образом, для находок, описанных П.И. Борисковским наиболее вероятен неолитический возраст.

Не представляется пока возможным столь же однозначно решить вопрос о возрасте находок А.П. Окладникова на 39-40-м км и у колодца Куртки. Для этого просто нет надежной основы: неизвестно, как может выглядеть верхний палеолит запада Средней Азии и как отличить верхнепалеолитическую каменную индустрию. В самом деле, инвентарь некоторых слоев того же Джебела, не будь в них керамики, вероятно, вполне сошел бы за палеолитический. Материалы мастерской на 39-40-м км сам А.П. Окладников сближал с материалами иранской пещеры Хоту, но сейчас последние рассматриваются большинством исследователей как мезолитические [Ранов, 1978, с. 224; Sadek-Kooros, 1974, с. 58] или эпипалеолитические [Smith, 1986, с. 32]. В.А. Ранов сопоставлял материалы мастерской с "3-4-й фазой переднеазиатского верхнего палеолита" [Ранов, 1973, с. 62], а конкретно — с третьим слоем афганской пещеры Кара-Камар [Ранов, 1964, с. 4], отмечая, однако, условный характер этих сопоставлений.

Кроме рассмотренных материалов на Красноводском полуострове, возможно, находили и другие палеолитические изделия. Во всяком случае, некоторые непроверенные и неподкрепленные публикацией находок сообщения такого рода встречаются в литературе. Н.А. Береговая со ссылкой на устную информацию А.А. Марущенко пишет о находке им в 1943 г. дисковидных кремневых нуклеусов и ручного рубильца близ станции Джебел [Береговая, 1960, с. 40]. Она же упоминает и пункт Красноводск-Джебел. Здесь, на 73-м км от станции Джебел по железной дороге к Красноводску, в 50-80 м к югу от полотна дороги, по устному сообщению А.П. Окладникова, найдены в 1950 г. "грубый отщеп на галечном возвышении и далее на песке, граничащем с солончаком, среди кремневых изделия эпохи неолита... диск, остроконечник и отщеп, расположенные отдельным скоплением" [Береговая, 1960, с. 40]. В работах самого А.П. Окладникова эти материалы не упоминаются.

3. Заузбойский складчатый район.

Для обозначения этого района иногда служит еще название "Джанак", введенное в литературу Н.И. Андрусовым [Андрусов, 1889, с. 128] и использовавшееся впоследствии Л.С. Бергом [Берг, 1929] и рядом других исследователей, в том числе археологов [Любин, 1984, 1984а]. Речь идет о многообразной по своей орографии территории, расположенной между Кемаль-Узбойской ложбиной и впадиной Кара-Богаз-Гол на западе, чинками Устюрта на севере и Узбоем на юге и юго-востоке. Этот район, представляющий собой разрушенное денудацией громадное структурное поднятие, бывшее некогда окраинной частью плато Устюрт, по сложности рельефа выделяется среди окружающих территорий. Для него характерны узкие моноклиальные гряды, высокие крутые чинки, замкнутые котловины и останцовые возвышенности [Мурзаев, 1957, с. 43]. Горы Ирсарыбаба и Туаркыр превышают по высоте 300 м, а Бегарсландаг и Аккыр поднимаются до 400 м и выше, местами же, на пониженных участках, высоты падают до 100 м и даже менее. Ландшафт района в целом носит горно-пустынный характер. Единственным действенным фактором денудации является химическое выветривание, которое создает большие скопления рыхлого материала и щебенки на поверхности. Рыхлые накопления легко поддаются эоловому переносу.

Впервые палеолитические материалы были обнаружены в районе 1962 г. А.М. Мандельштамом, собравшим небольшую коллекцию кремневых изделий у подножия гряды Бегарсландаг [Мандельштам, 1962, с. 9; Абрамова, Мандельштам, 1977].

А.М. Мандельштам еще в отчете о своих полевых работах 1962 г. отметил, что местность, где им были проведены сборы кремневых изделий, "заслуживает дальнейшего специального исследования, т. к. может дать важные материалы о древнейшем этапе заселения данной области" [Мандельштам, 1962, с. 9]. Такое исследование, предпринятое в 1981 г., полностью подтвердило эти ожидания. Разведка, проведенная В.П. Любиным, и затронувшая не только район Бегарсландага, но и более северные районы, дала новые интересные материалы, бесспорно, доверхнепалеолитического возраста [Любин, 1984, с. 36-42]. В 1984 г. были проведены новые сборы подъемного материала, существенно увеличившие имевшиеся коллекции.

Собранные в районе материалы происходят в основном из его юго-восточной части. Небольшая коллекция получена также несколько севернее, в местности, примыкающей к гряде Коймат. Юго-восточный участок Заузбойского района, выделяемый иногда как Бегарслан-Текеджикское низкогорье (рис. VI), отличается от всего района некоторым своеобразием рельефа. Здесь две дуги гряд Текеджик и Бегарсландаг, полого снижающиеся к востоку, возвышаются лестницей над

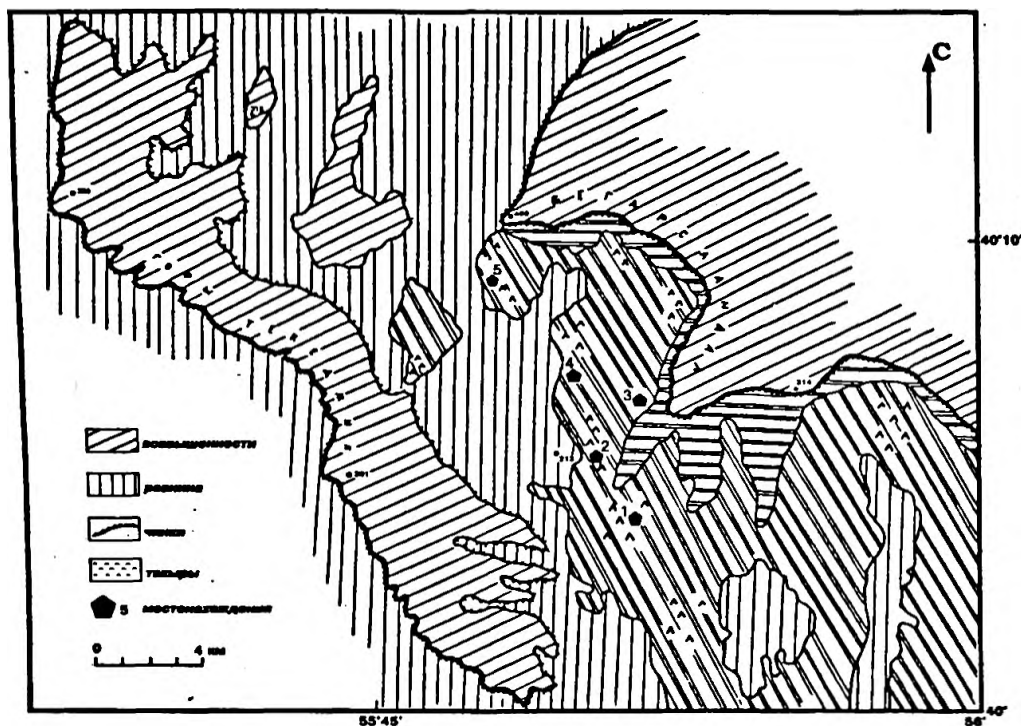

Рис. VI. Местонахождения Бегарслан-Текеджикского низкогорья. 1 - Га-Куш, 2 - Кызыл-Бурун, 3 - Кызыл-Бурун А, 4 - Алам-Куль, 5 - Бегарсландаг.

окружающими пониженными пространствами. Гряда Бегарсландаг имеет на западе отвесный чинк высотой до 460 м и пологий восточный склон, расчлененный глубокими каньонами. Поверхность восточного склона Текеджика расчленена слабо, а его обрывистый западный склон является бортом Кемаль-Узбойской ложбины.

В настоящее время в районе Бегарслан-Текеджикского низкогорья известно 4 палеолитических местонахождения (рис. VI). Происходящий с них подъемный материал залегал в весьма схожих условиях. Все коллекции были собраны в пределах неоген-четвертичной пролювиальной равнины, так что геоморфологическая и гипсометрическая позиция находок не несет в данном случае никакой информации об их возрасте. Трудноопределимы и пространственные границы скоплений. Хотя пункты находок разделены участками, где артефакты обнаружены не были, это в ряде случаев может объясняться не действительным отсутствием последних, а лишь разной степенью развеянности песков, покрывающих многие участки пролювиальной равнины у подножия Бегарсландага. Следует также учитывать, что кремневые изделия были рассеяны среди множества кусков и обломков естест-

венного происхождения (их, по В.П. Любину, до 93% [Любин, 1984, с. 37]), очень часто встречаются псевдоартефакты или же вещи, об искусственном происхождении которых трудно говорить с уверенностью. Много таких вещей попало в коллекции и при обработке материала они, наряду с малоинформативными обломками и осколками, были выделены в особую группу неидентифицируемых предметов.

На всех известных местонахождениях Бегарслан-Текеджикского низкогорья использовалось, насколько это можно установить визуально, в основном одинаковое сырье. Это кремень серо-розовых тонов, хорошего качества, в изобилии встречающийся между Бегарсландагом и Текеджиком в виде обломков или, реже, целых желваков. Кремневые стяжения довольно широко распространены в известняках Заузбойского района. Связаны они чаще всего с отложениями датского яруса (верхний отдел меловой системы мезозоя), а изредка встречаются также в оксфордских (юрских) слоях, — Геология СССР, т. 22, 1972, с. 193]. Одно из наиболее крупных месторождений кремня в регионе приурочено как раз к северо-западному выступу Берарсландага, то есть к месту, в непосредственной близости от которого проводил сборы подъемного материала А.М. Мандельштам, отметивший “многочисленные скальные выходы кремня желвачного характера” [Абрамова Мандельштам, 1977, с. 111]. Кремневые стяжения связаны здесь датским ярусом. Если учесть, что местность в целом имеет некоторый уклон к юго-востоку, то можно считать, что именно из описанного месторождения происходит большая часть кремневого обломочного материала, встречаемого на местонахождениях.

Помимо обычных серо-розовых кремней, происходящих из ближайшего места их коренного залегания, на ряде местонаждений изредка встречаются цветные, иногда полупрозрачные кремни, явно приносившиеся человеком. О последнем свидетельствует то обстоятельство, что кремень такого рода встречается всегда в виде изделий и никогда не встречается в виде естественных обломков или желваков. Приносной кремень, судя по морфологии изготовленных из него артефактов, появился на местонахождениях Бегарслан-Текеджикского низкогорья в относительно поздние археологические эпохи — не раньше конца палеолита, а скорее всего, даже в послепалеолитическое время.

Местонахождение **Га-Куш** [Любин, 1984; Вишняцкий, 1987] приурочено к северо-восточному борту одноименного урочища и находится примерно в 23-25 км от пос.Бургун по дороге на Коймат и в 5 км к западу от обрыва Бегарсландага. В коллекции 148 предметов, из них 15 отнесены к неидентифицируемым.

Более представительна коллекция местонахождения **Кызыл-Бурун** [Любин, 1984]. Под этим названием объединены два пункта находок, давших различный в количественном и качественном отношениях

материал. Собственно местонахождение Кызыл-Бурун расположено на 27-м км дороги Бургун-Коймат. Оно приурочено к плоской такыровидной поверхности в 3-4 км от обрыва кряжа Бегарсландаг, где вдоль дороги тянется сухое русло глубиной до 3-4 м и шириной 8-12 м. По обеим сторонам этого русла рассеяно большое количество естественных обломков кремня. Артефакты же происходят в основном с площади размерами примерно 200 x 200 кв. м, хотя отдельные изделия встречаются и за пределами основного скопления. Всего в коллекции основного местонахождения Кызыл-Буруна 284 предмета, в том числе 137 неидентифицируемых. Второй пункт (Кызыл-Бурун А), где было собрано 20 предметов, находится в 3-х км северо-восточнее основного местонахождения, примерно в 1 км от подножия Бегарсландага у мыса Кызыл-Бурун. Здесь совершенно отсутствуют естественные обломки кремня и встречаются лишь единичные, рассеянные на значительном расстоянии друг от друга (до нескольких десятков метров) артефакты.

В местности Алам-Куль [Любин, 1984], находящейся в 30 км от Бургунна по дороге на Коймат, собрана коллекция, включающая 670 предметов, из них 216 неидентифицируемых. Основной материал происходит с нескольких пунктов, приуроченных к выдувам среди полужаросших бугристых песков и располагающихся на площади не более полутора квадратных километров. Кроме того, по всей обследованной площади рассеяны единичные, не составляющие каких-либо скоплений артефакты, связанные как с выдувами среди песков, так и с такырообразными поверхностями.

Местонахождение Бегарсландаг [Абрамова, Мандельштам, 1977], судя по описанию А.М. Мандельштама, находится в 5-6 км севернее Алам-Куля, у северо-западного выступа кряжа Бегарсландаг, близ места выходов кремня. Сборы проводились на площади примерно 150 x 70 кв. м. Коллекция включает 89 предметов, в том числе 25 неидентифицируемых.

Во всех коллекциях, происходящих из Бегарслан-Текеджикского низкогорья, имеются, и часто в большом количестве, вещи, типологически трудносоевместимые в рамках одного комплекса, вещи, морфология которых говорит о существовании известной хронологической дистанции между ними (по крайней мере, от среднего палеолита до неолита). Помимо морфологии изделий, о том же свидетельствует и резко различающееся состояние поверхностей разных артефактов. Таким образом, не приходится сомневаться в смешанности имеющих комплексов. Чтобы выделить в их составе группы находок, обладающие большей гомогенностью, нежели каждая отдельно взятая коллекция в целом, использовался, наряду с анализом морфологии изделий, анализ различий в физическом состоянии их поверхностей [Вишняцкий, 1986, 1990]. В процессе этой работы пригодился опыт ряда аналогичных исследований, проводившихся в других регионах [Вино-

градов, Мамедов, 1969; Коробков, 1971; Stapert, 1976; Медведев, Складчиков, 1982; Mrazek, Falk, 1983].

Как оказалось, наблюдения над состоянием поверхностей артефактов, будучи сопоставленными с наблюдениями над их морфологией, и вкуче с последними, в данном случае не только убедительно свидетельствуют о хронологической неоднородности коллекций, но и позволяют выделять в составе последних различные хронологические группы материала. Изделия с гладко заполированными, часто блестящими поверхностями и заглаженными гранями (результат коррозии — шлифующего воздействия песчано-пылевых ветров) составили древнюю группу. Все они без исключения достаточно архаичны по своей морфологии, так что в данном случае естественные критерии четко коррелируют с типологическими. Артефакты, сохранившие свежие, практически лишенные каких бы то ни было признаков естественных повреждений поверхности и острые грани, выделились в позднюю группу. Морфология почти всех таких вещей также ясно свидетельствует об их гораздо более позднем, по сравнению с изделиями древней группы, возрасте. Наконец, те артефакты, относительный возраст которых по принятым критериям невозможно было оценить однозначно, составили промежуточную между двумя первыми группу, названную спорной. В нее включались морфологически архаичные изделия со сравнительно свежими поверхностями, а также изделия сильно патинизированные, но не подвергшиеся или почти не подвергшиеся коррозии.

Следует отметить, что при расчленении материала в соответствии с изложенными принципами, как правило, морфологические признаки хорошо коррелировали с признаками внешнего физического износа. Поэтому собственно археологические характеристики выделенных групп оказались в итоге различными. Это, как можно думать, свидетельствует о допустимости осуществленного подхода и позволяет надеяться, что полученная картина, пусть грубо и в чрезвычайно общем виде, но все же отражает хронологическое соотношение артефактов.

Поскольку все коллекции собраны в сходных условиях залегания, являют в каждом случае один и тот же набор следов естественных повреждений и обрабатывались по одной методике, то можно уверенно считать, что любая поздняя группа значительно уступает по возрасту любой древней группе. Это не значит, конечно, что хронологические рамки всех групп одного статуса (например, древних групп всех коллекций) абсолютно совпадают, но они, вероятно, перекрываются между собой и не перекрываются с такими же рамками групп другого статуса (последнее не касается лишь спорных групп). Таким образом, общую характеристику материалов в данном случае вполне правомерно давать по выделенным хронологическим группам, начиная с древней. Всего в ней 344 изделия (древняя группа имеется лишь в коллекциях Алам-Куля и Кызыл-Буруна).

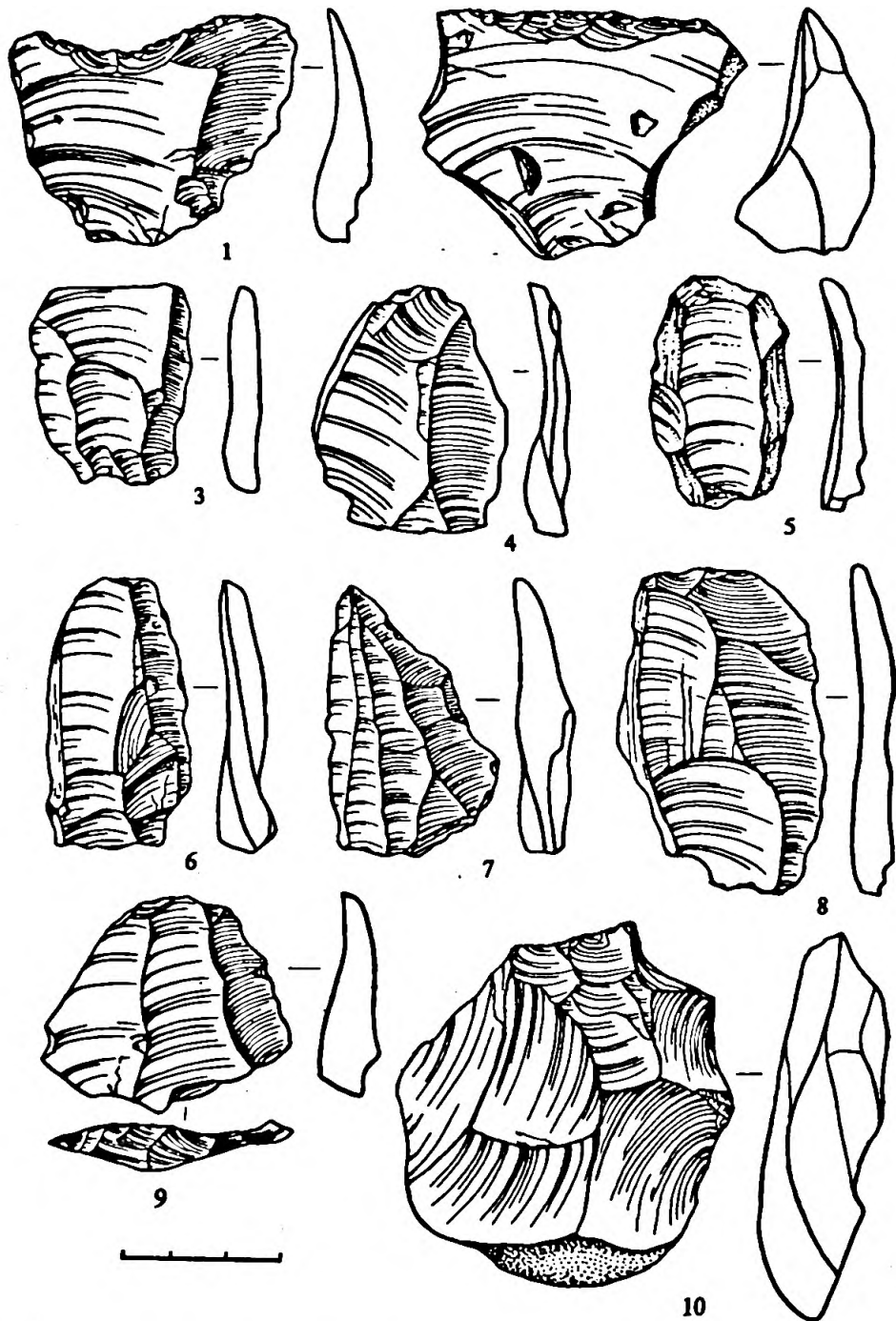

Рис. VII. Бегарлан-Текеджикское низкогорье. Орудия (1, 2), сколы (3-9) и нуклеус (10) древней группы. 1, 2, 9 - Алам-Куль; 3-8, 10 - Кызыл-Бурун.

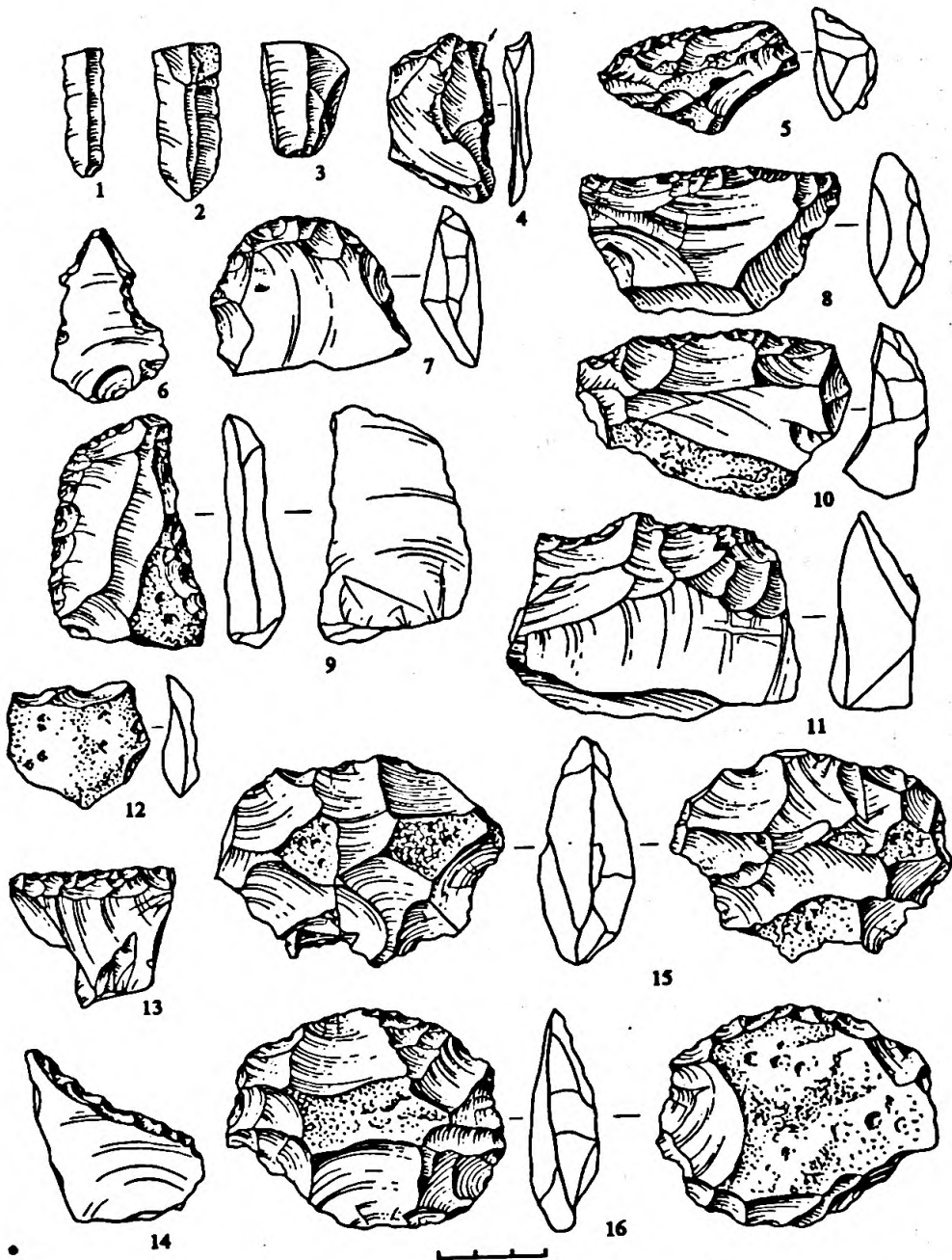

Рис. VIII. Бегарлан-Текеджикское низкогорье. Орудия (4-14), сколы (1-3) и нуклеусы (15, 16) древней (7, 9-14, 16), средней (5, 6, 8, 15) и поздней (1-4) групп. 7, 9, 11, 13-16 - Алам-Куль; 5, 6, 8, 10, 12 - Кызыл-Бурун; 1-4 - Бегарсландаг.

Среди нуклеусов (их 32) преобладают одноплощадочные параллельного скалывания и дисковидные односторонние радиального скалывания (рис. VII: 10; VIII: 16). Единичными экземплярами представлены шаровидные нуклеусы, двухплощадочные продольно-поперечного скалывания, двухплощадочные двухсторонние и некоторые другие формы. Преобладанию нуклеусов параллельного скалывания и дисковидных соответствует характер огранки спинок большинства отщепов (рис. VII: 3-9), для которых, кроме того, характерны крайне низкие индексы фасетирования (общей подправки 8.6; тонкой 5.5) и пластинчатости (1.6).

Изделия со вторичной обработкой (их 64) представлены скреблами (рис. VII: 2; VIII: 7, 9-11, 13; X: 1, 2) разных типов (простые прямые, простые выпуклые, двойные прямо-выпуклые, двойные выпукло-вогнутые, зубчатые на плитках или массивных сколах и кусках породы), выемчатыми (с ретушными выемками) и выемчато-клювовидными орудиями (рис. VII: 1; VIII: 12), тронкированными отщепами (рис. VIII: 14), диском, ножом с обушком и рядом ретушированных отщепов и обломков. Имеется, кроме того, несколько типологически точно не определимых макроорудий. Орудия древней группы обладают рядом общих, сближающих их особенностей. Эти особенности таковы: (1) у большинства орудий имеется противоположащий рабочему краю, четко выраженный (хотя, как правило, естественный) обушок; (2) кромка рабочего края большинства орудий в той или иной степени зубчатая (особенно эта черта выражена на скреблах и скребловидных изделиях); (3) ретушь грубая, разновеликая, почти исключительно односторонняя, со спинки; (4) в качестве заготовок для большинства орудий послужили не отщепы, а целые желваки, плитки, их естественные обломки и морозобойные сколы.

Археологический возраст инвентаря древней группы в целом определяется как среднепалеолитический. Наличие мустьероидного компонента в данном случае достаточно очевидно. Вопрос же о наличии в древней группе ашельского компонента более сложен и не может сейчас быть решен сколько-нибудь определенно. Возможны лишь некоторые осторожные предположения на этот счет.

Известно, что туркменскими археологами (Х. Юсупов) в Заузбойском районе было найдено несколько рубил, длиной 10-13 и шириной 5-7 см, по форме приближающихся к копьевидным и других типов. Эти находки типологически сопоставимы с ашельскими бифасами. Учитывая это, а также наличие в инвентаре древней группы ряда вполне вписывающихся в ашель форм орудий (клювовидные, некоторые скребла и др.), крайне низкие индексы фасетирования и пластинчатости, грубость, невыработанность заготовок для орудий и ретуши на многих из них, можно допускать (но не более того) представленность в ней ашельского компонента или, точнее, технико-типологических элементов, тяготеющих к ашелю.

Основные черты инвентаря древней группы свойственны и для

материалов спорной группы (всего 271 изделие). Отличия, которые существуют между ними, имеют скорее количественный, чем качественный характер. Так, для нуклеусов эти различия выражаются, практически, только лишь в том, что в спорной группе место односторонних дисковидных нуклеусов занимают двухсторонние (рис. VIII: 15; IX: 7). Среди сколов несколько увеличивается доля пластин: в объединенной спорной группе они составляют 8.9% (против 1.6% в древней группе). Среди изделий со вторичной обработкой наиболее многочисленны по-прежнему скребла (рис. VIII: 5, 8; IX: 4-6) и выемчатые (ретушные) изделия (рис. VIII: 6; IX: 2), но почти исчезают массивные формы и орудия, обработанные высокой ретушью. Большее распространение получает пологая и мелкофасеточная ретушь. Появляются некоторые новые типы, представленные, правда, единичными экземплярами, в том числе конвергентное скребло, очень близкое по форме к остроконечнику (рис. X: 3), скребло полу-кина (рис. VIII: 5), двустороннее скребло (рис. X: 4), скребок (рис. X: 3). Появляется также больше орудий, изготовленных на отщепях, хотя скребла на плитках столь же обычны, как и в древней группе (рис. IX: 4-6). Археологический возраст спорной группы в целом, несомненно, должен быть определен как среднепалеолитический. Эта группа, представленная мустьероидным материалом, является, по-видимому, несколько более поздним в целом проявлением той же традиции обработки камня, к которой принадлежит и древняя группа. Несколько особняком стоит лишь спорная группа Бегарсландага, в которой отсутствуют выемчатые и зубчатые изделия, но это может быть результатом малой численности коллекции, случайности выборки или каких-то иных, внекультурных факторов.

В поздних группах (всего они включают 172 изделия) представлен очень пестрый материал, разнородный как в хронологическом, так, возможно, и в культурном плане. В основном он имеет, несомненно, послемустьерский, а вероятнее всего, и послепалеолитический возраст (рис. VIII: 1-4; IX: 1).

Местонахождение **Коймат II**, которое В.П. Любин рассматривает как ашельскую мастерскую по первичному расщеплению камня [Любин 1984], расположено несколько севернее Бегарслан-Текеджикского низкогорья, к западу от гряды Койматдаг. Оно приурочено к выходам средне-мелкозернистого кварц-палевошпатового песчаника [Любин, 1984, с. 42]. Эта порода и использовалась в данном случае в качестве сырья. Коллекция, собранная на местонахождении, невелика (80 предметов) и в типологическом отношении невыразительна. Она состоит в основном из сколов и обломков, а также неидентифицируемых предметов (последних 36). Нуклеусы все бессистемного скалывания, отсутствуют пластины, нет отщепов с фасетированными площадками, почти половина сколов — первичные. Все это свидетельствует в

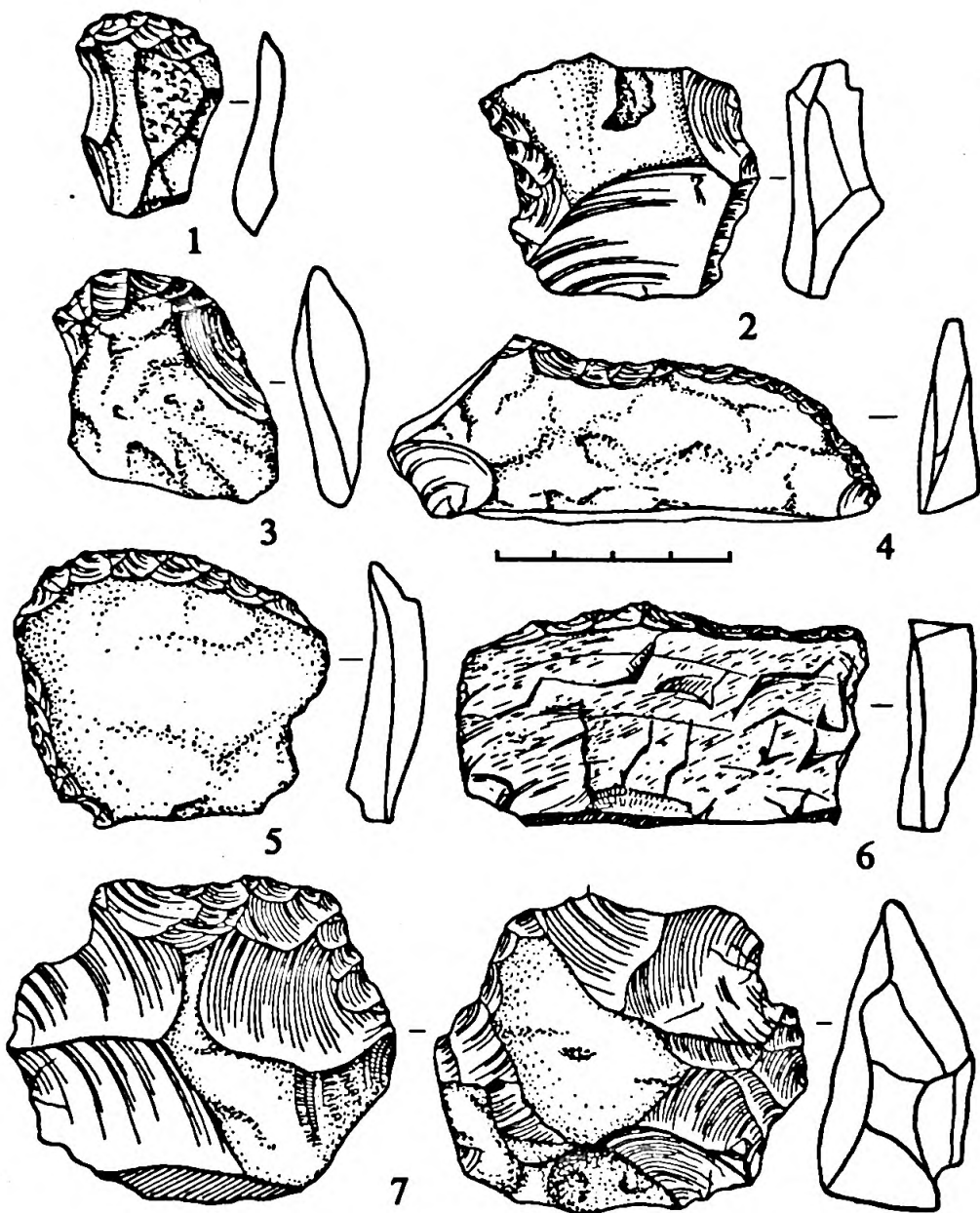

Рис. IX. Бегарслан-Текеджикское низкогорье. Орудия (1-6) и нуклеус (7) спорной (2-7) и поздней (1) групп. 1, 2, 5-7 - Алам-Куль; 3, 4 - Га-Куш.

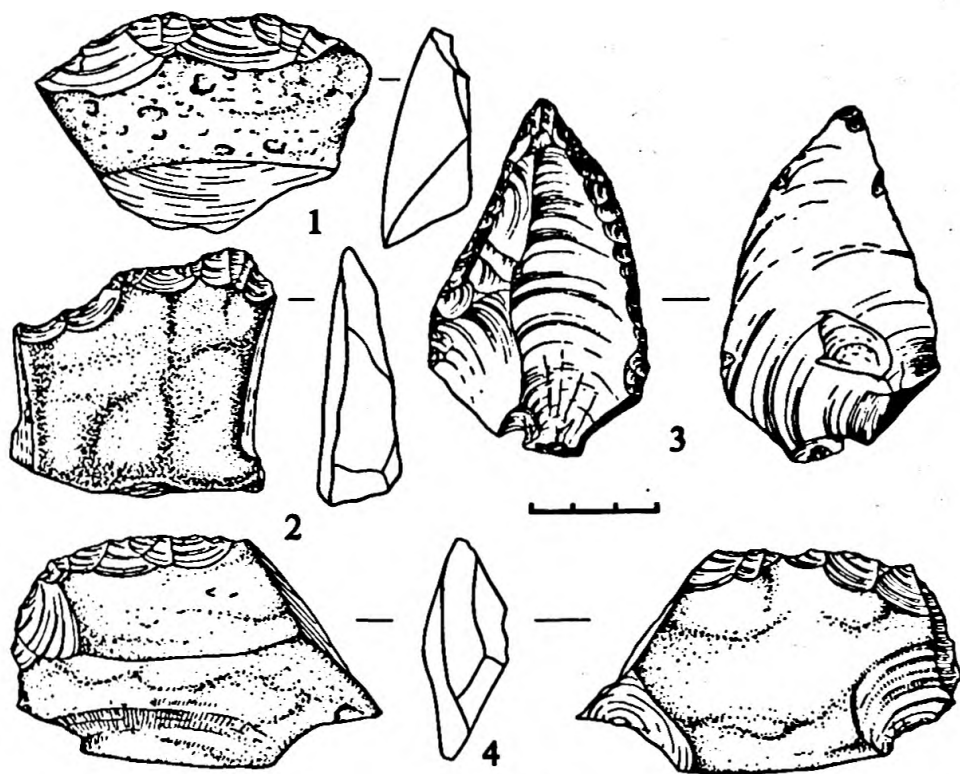

Рис. X. Бегарслан-Текеджикское низкогорье. Орудия древней (1, 2) и спорной (3, 4) групп. 1, 2, 4 – Алам-Куль; 3 – Бегарсландаг.

пользу данного В.П. Любиным определения функций местонахождения в древности, убеждает, что здесь действительно производилось в основном первичное раскалывание камня. Более дискуссионным является вопрос об археологическом возрасте материала. Невыработанность, грубость форм нуклеусов и сколов не может в данном случае служить аргументом в пользу ашельской атрибуции памятника, во-первых, потому что она есть неизбежное следствие уже одного только его функционального характера, а во-вторых, потому, что она отчасти предопределена качеством сырья. Последнее, несомненно, оказывает архаизирующее влияние на облик артефактов. Изделия со вторичной обработкой, которых всего 5 (выемчато-клювовидное орудие, орудие, определяемое как чоппинг, и скребловидные изделия), также в силу их малочисленности и недостаточной выразительности, не могут рассматриваться как надежный показатель возраста мастерской. Таким образом, строго говоря, древность материала с местонахождения Коймат II неопределима.

4. Устюрт.

Устюрт — это обширное аридно-денудационное плато, генетически единое с Мангышлакским, но отделенное от последнего замкнутой котловиной Карынжарык. На востоке оно выходит к Аральскому морю, на северо-западе к Прикаспийской низменности, на юго-западе к Кара-Богаз-Голу. Со всех сторон плато ограничено вертикальными, часто нависающими чинками. Характерным элементом равнинного в целом рельефа Устюрта являются бессточные впадины (Барсакельмес, Ассак-Аудан и др.). С этими впадинами и связаны практически все, открытые до сих пор на Устюрте, палеолитические местонахождения.

Пункты, давшие наиболее богатый материал, расположены в районе впадины Барсакельмес. На ее южной оконечности, в районе возвышенности Есен, находится местонахождение Есен 2 [Бижанов, 1979; Виноградов, 1981, с. 54-56] — наиболее известный палеолитический памятник Устюрта. Оно было открыто Е.Б.Бижановым и А.В. Виноградовым в 1977 г. [Виноградов, Бижанов, 1978]. Местонахождение приурочено к плоской поверхности невысокого бугра площадью 90 x 40 кв. м, где имеются выходы разрушающихся пластов сильно окремененного известняка. Среди россыпей естественных обломков этой породы собрана коллекция, насчитывающая около 200 предметов. В коллекцию попало и некоторое количество вещей, не имеющих признаков искусственной обработки, но их немного, не более полутора десятков. Остальные предметы, несомненно, являются артефактами.

При знакомстве с коллекцией Есена 2, прежде всего, бросается в глаза отсутствие в ней настоящих нуклеусов. Здесь наличествуют лишь два крупных, аморфных куска породы, несущих негативы разрозненных бессистемных снятий. А.В. Виноградов, правда, усматривает в материалах памятника 2 дисковидных нуклеуса и 3 одноплощадочных призматических, но в первом случае правильнее, видимо, говорить об обломках бифасов (в этом, кстати, убеждает и приводимый А.В. Виноградовым рисунок [1981, рис. 14, 11]), а во втором речь идет о тех самых кусках породы с бессистемными сколами, которые упомянуты выше (рис. 14, 10 в книге А.В. Виноградова не совсем точно отражает морфологию соответствующего предмета).

Примерно половину коллекции составляют сколы и их обломки. В основном это отщепы мелких и средних размеров, с гладкими или естественными ударными площадками, с бессистемной огранкой. Полтора десятка сколов имеют пластинчатые пропорции, длину 5-7 см и ширину 1.5-2.5 см. Почти все они треугольного сечения, в 50% случаев полупервичные. Собственно пластин лишь 3 [см. Виноградов, 1981, рис. 14, 2, 5]. Ни один из сколов не несет ретуши. Последняя наличествует в единичных случаях лишь на обломках, на которых

оформлены 2-3 скребка, а также 2 выемчатых изделия — одно с ретушной выемкой, а второе, клювовидное, со смежными клэктонскимл [Бижанов, 1979, рис. 3, 5].

Самой важной для понимания индустрии Есена 2 группой изделий являются бифасы. Они составляют чуть менее одной третьей части коллекции. Бифасов в начальной стадии изготовления около 20, а близких к завершению 42. К сожалению, о последних приходится судить в основном по обломкам: в 16 случаях сохранились лишь дистальные части, в 10 проксимальные (основания) и в 6 медиальные и боковые фрагменты [Виноградов, 1981, рис. 14, 14]. Есть, однако, и целые экземпляры. Изготавливались бифасы, как правило, на отдельностях породы. Там, где дистальный конец сохранился целиком, он неизменно приострен, основания могут быть как выпуклыми, так и прямыми. Судя по немногочисленным почти целым и почти законченным бифасам, а также по наиболее показательным обломкам, изготовители этих вещей стремились получить орудия сколь можно более уплощенные в сечении, но притом широкие и довольно крупные (длина не менее 10-12 см). Края острые по всему периметру, в отдельных случаях подправлялись ретушью, но в основном использовались крупные плоские снятия, покрывающие всю поверхность изделий или большую ее часть.

Вопрос о датировке коллекции Есена 2 решался по разному. Первоначально она была отнесена к верхнему палеолиту, основанием для чего послужило сопоставление с неопубликованными материалами из Центрального Казахстана [Виноградов, Бижанов, 1978]. Затем Е.Б. Бижанов пересмотрел свою позицию и стал датировать описанный комплекс поздним ашелем или ранним мустье [Бижанов, 1979, с. 71; 1988, с. 68]. А.В. Виноградов выдвинул ряд возражений против столь чрезмерного, по его мнению, удревнения возраста памятника, отнеся его к самому концу среднего или же началу верхнего палеолита [Виноградов, 1981, с. 56-57]. Характер обработки отдельных бифасов, уплощенных до предела, строго симметричных в плане, дает основания усомниться в возможности датировки всей коллекции Есена 2 ашелем; в то же время и предположение о верхнепалеолитическом возрасте памятника не может быть пока обосновано ничем, кроме сомнительных аналогий с неопубликованными, территориально отдаленными и, главное, не датированными точно подъемными материалами. Сложность проблемы усугубляется в данном случае еще и тем обстоятельством, что Есен 2 — это мастерская, причем, судя по составу инвентаря (отсутствие нуклеусов, крайняя малочисленность сколов с ретушью, обилие бифасов), мастерская ориентированная именно на производство двусторонне обработанных орудий. Как и на любой мастерской, здесь представлен, преимущественно, бросовый материал (сколь бы интересным и важным он для нас не был), т. е. вещи сломанные, не

получившиеся, не законченные. Кроме того, нельзя с уверенностью сказать, как долго функционировала мастерская, насколько комплекс монолитен в хронологическом плане. Одинаковость состояния поверхностей всех изделий, практически некоррозированных, несущих лишь следы патины, а в ряде случаев также негативы морозобойного раскалывания, свидетельствует в пользу близкого возраста основной массы артефактов, но всех сомнений это наблюдение устранить не может. В свете сказанного ясно, сколь сложна в данном случае проблема датировки. Сейчас вряд ли возможно ее сколько-нибудь убедительное решение. Наименьшее число возражений и противоречий возникает, как кажется, при отнесении материалов Есена 2 к среднему палеолиту, но и это весьма расплывчатое определение выглядит безусловным.

Все сказанное в значительной мере относится и к местонахождению **Каракудук** [Бижанов, 1979], находящемуся на северном скате впадины Барсакельмес, в 1.5-2 км к северу от одноименного колодца. Этот памятник открыт Е.Б. Бижановым в 1978 г. Находки были распространены на площади 200 x 100 кв. м. В коллекции более 900 предметов. Половина из них — это желваки сильно окремненного известняка с единичными, как правило, негативами, а другая половина — сколы с них. Желваки некрупные, — длина их редко превышает 10 см (в основном 5-10 см), толщина составляет в среднем 1.5-2 см. Длина основной массы сколов 2-3 см, отдельные экземпляры достигают 5 см. Сколы почти все первичные, ни один из них не несет несомненных следов намеренной ретуши. Это явно не заготовки, а отходы. Среди желваков выделяются несколько изделий с краем, обработанным двусторонними сколами, а также с долотовидным лезвием, но в подавляющем большинстве своем они несут лишь единичные, разрозненные, не связанные между собой негативы. Выделяются 12 бифасов. Все они в разных стадиях обработки, законченных орудий нет. Состояние поверхностей артефактов, входящих в коллекцию Каракудука, неодинаковое. Отдельные предметы сильно коррозированы, приближаясь в этом отношении к изделиям “древней группы” Джанака, другие вещи коррозированы слабее, наконец, есть и изделия с абсолютно свежими, не затронутыми ни коррозией, ни патиной поверхностями.

Каракудук — это, несомненно, мастерская. Мнение, что сырье сюда приносили с Есена — ошибочно. В Каракудуке представлен, видимо, разновременный материал не древнее среднего палеолита.

Трудно сказать что-либо определенное о возрасте бифаса из небольшой впадины **Шапахты** [Бижанов, 1983], находящейся примерно в 20 км к северу от впадины Ассак-Аудан. Е.Б. Бижанов датирует его поздним ашелем [Бижанов, 1983, с. 89; 1988, с. 69], но убедительных аргументов в пользу столь значительной древности пока не приведено.

Верхнепалеолитический возраст предполагается для материалов

местонахождений **Есен 3** и **Чурук 12** [Бижанов, 1988, с. 69]. Первое из них находится в 1 км к югу от Есена 2. Здесь, на ровной такырообразной поверхности площадью 30 x 20 кв. м Е.Б. Бижановым в 1973 г. собрано более 1000 кремневых изделий. В основном это отщепы и обломки, но есть и несколько орудий, в том числе скребло на морозобойном сколе, обработанное по всему периметру. Местонахождение Чурук 12 [Бижанов, 1981], открытое Е.Б. Бижановым в 1977 г., дало гораздо меньше находок. В коллекции 42 изделия: обломки нуклеусов, пластин (в том числе ретушированных), отщепы, осколки и 10 скребков, из которых пять обработаны по всему периметру. Поверхности кремней свежие, на некоторых патина отсутствует полностью. И для Есена 3, и для Чурука 12 нельзя с уверенностью исключить и послепалеолитический возраст, хотя, возможно, что, по крайней мере, для части этих материалов датировка Е.Б. Бижанова справедлива.

Предположительно палеолитический материал, наряду с более поздними находками, происходит с местонахождения **Карын-Ярык**, находящегося на западном чинке Устюрта над одноименной впадиной (которая относится уже к Мангышлаку), в 42 км к северо-востоку от спуска Кызылсай [Праслов, Настюков, 1972; Настюков, Праслов, 1973]. Здесь на площади примерно 50 x 40 кв. м Н.З. Настюковым в 1970 г. было собрано более 500 кремней, среди которых преобладали отщепы мустьерского типа, часто с зубчатой ретушью. Авторы публикации обращают внимание на частичный бифас, напоминающий, по их мнению, мустьерские рубильца. Тем не менее, они весьма осторожны в своих итоговых выводах и не дают однозначной оценки возраста коллекции. В связи с находками на Карын-Ярыке можно упомянуть еще обломок кремневого конвергентного скребла, обнаруженный примерно в 50 км к северо-востоку от этого местонахождения, среди изделий, датированных предварительно поздним мезолитом. Скребло оформлено крутой ступенчатой ретушью [Авизова, Бижанов, Вишняцкий, 1991, рис. 1: 22] и резко выделяется среди других вещей по состоянию поверхности — патинизированной и корразированной.

5. Мангышлак.

Мангышлак — это полуостров, вдающийся в Каспийское море между заливами Кара-Богаз-Гол (на юге) и Мангышлакским (на севере); восточной границей Мангышлака является западный чинк Устюрта. Кроме плато с солончачовыми котловинами, для рельефа Мангышлака характерны низкогорья (хр. Каратау на севере) и замкнутые впадины (Карынжарык на юго-востоке, Карагие на западе). Высота плато, сложенного в основном сарматскими известняками, колеблется от 70 до 300 м, а хребет Каратау достигает отметки 550 м. Впадина Карагие имеет глубину 132 м.

Палеолитические материалы происходят из северо-западных районов Мангышлака, с побережья залива Сарыташ, являющегося частью Мангышлакского залива (полуостров Тюбкараган). А.Г. Медоев сообщает, что местонахождения палеолита обнаружены “и в других частях Мангышлака почти повсюду, где есть кремнистые конкреции в карбонатах датского яруса, но они не исследовались, так как все внимание было уделено изучению стоянок у зал. Сарыташ” [Медоев, 1982, с. 14]. Имеющиеся публикации дают лишь предварительное представление о палеолите этого района.

Коллекции артефактов, собранные на местонахождениях **Шахбагата** и **Кумакапе**, были изучены А.Г. Медоевым [Медоев, 1972, 1982]. Сухое русло сая Шахбагата тянется в направлении юг-север. Оно берет начало на Тюбкараганском плато и впадает в залив Сарыташ. Каменные изделия были собраны здесь на поверхности древней морской террасы близ колодца Шахбагата, на дне сая, врезанного в эту же террасу, и еще в ряде близлежащих пунктов. В качестве сырья использовался кремнь светло-серого цвета из обнажений датского яруса. Среди артефактов особенно заметны нуклеусы, много сколов. Орудия немногочисленны, среди них, в первую очередь, привлекают внимание бифасы, в том числе рубила [Медоев, 1982, рис. 6, 14].

А.Г. Медоев выделил в изученных им коллекциях ряд хронологических комплексов, древнейший из которых — протолеваллуа-ашель — он датировал поздним плиоценом, синхронизируя его с олдуваем [Медоев, 1980, 1980а]. К древнему и среднему плейстоцену он отнес свой леваллуа-ашель I и II, и к позднему плейстоцену — комплексы Шахбагата I и II (поздний палеолит). К I и II стадиям леваллуа ашеля были отнесены и материалы собранные в трех пунктах в районе сая Кумакапе, тянувшегося параллельно саю Шахбагата в 10 км к востоку от него. На местонахождении Кумакапе использовалось то же сырье, и состав инвентаря здесь тот же, что и в Шахбагате.

Материалы обоих местонахождений, количественно очень значительные, нуждаются в серьезном изучении. Просмотр части коллекций приводит к убеждению, что некоторые находки действительно могут иметь нижнепалеолитический возраст (в первую очередь, отдельные рубила), но большая часть изделий, видимо, гораздо моложе. В частности, крупные, треугольные в сечении заготовки нуклеусов с продольным ребром, иногда определявшиеся как нуклеусы леваллуа, относятся к концу каменного века, скорее всего, к неолиту. Шахбагата и Кумакапе — это, прежде всего, мастерские по первичной обработке сырья, расположенные у мест выхода кремня, и эту особенность памятников обязательно следует иметь в виду, решая вопрос об археологическом возрасте материалов.

Геологический возраст археологических находок на берегу залива Сарыташ также под вопросом. А.Г. Медоев считал, что самые древние

из этих находок связаны с позднеплиоценовой (акчагыльской) морской абразивной террасой. Однако, и в акчагыльское, и в апшеронское время береговая линия Каспия в районе Мангышлака находилась, видимо, западнее своего нынешнего положения [Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977, с. 161-168], что исключает образование здесь в это время абразионных уступов. Не исключено, что терраса, о которой идет речь, имеет раннехвалынский возраст [Федоров, 1957; Леонтьев, Маев, Рычагов, 1977, с. 64]. При ее датировке А.Г. Медоев придавал, как кажется, неоправданно большое значение археологическим материалам, возраст которых, к тому же, был им слишком удревлен.

Ж.К. Таймагамбетов в 1985 г. в том же районе провел сборы подъемного материала в семи пунктах, обозначенных им как **Онежек I-VII** [Таймагамбетов, 1987]. Находки связаны с поверхностями морских террас или бортов саев. Преобладают сколы и нуклеусы, изделий со вторичной обработкой мало. Имеются бифасы. Отмечается обилие выходов кремнистых пород в районе сборов. Судя по всему, этот материал хронологически, типологически и территориально перекрывается с коллекциями, изученными А.Г. Медоевым, и на него распространяются все соображения, высказанные выше.

ГЛАВА II. ПАЛЕОЛИТ ГОР ЮГО-ЗАПАДА СРЕДНЕЙ АЗИИ (КОПЕТДАГ И БАДХЫЗ)

Горы юго-запада Средней Азии, а именно хребет Копетдаг и возвышенность Бадхыз, смыкающиеся на юго-востоке Туркмении, объединяются иногда в единый геоморфологический район, куда в таких случаях включают также и граничащую с Бадхызом на востоке возвышенность Карабиль [Сваричевская, 1966, с. 227-233]. Для района в целом характерен среднегорный и низкогорный ландшафт.

1. Копетдаг.

Копетдаг представляет собой северную часть хребтов Туркмено-Хорасанской горной системы, входящей в Иранское нагорье. Он занимает южные районы Туркмении и северные районы Ирана и имеет общую протяженность около 500 км.

Изучение палеолита Копетдага (по обе стороны границы) находится в зачаточном состоянии. С его территории в настоящее время известно не более 200 предметов, которым в литературе приписывается

палеолитический возраст, причем некоторые из них, возможно, являются псевдоартефактами.

Первая, зафиксированная в литературе, попытка обнаружить на Копетдаге следы деятельности палеолитического населения была предпринята на рубеже 50-х — 60-х годов в западных районах хребта и успеха не принесла [Хлопин, Хлобыстин, 1969, с. 430]. Лишь в 1968 г. в Западном Копетдаге, близ поселка Кара-Кала, были найдены отдельные вещи, признанные палеолитическими изделиями [там же, с.430], однако, еще до этого, в 1962 г., специальные поиски, проведенные Б.К. Лузгиным и В.А. Рановым в Центральном Копетдаге, к юго-западу от Ашхабада, привели к обнаружению там немногочисленных каменных изделий, отнесенных к палеолиту. Пункты сосредоточения этих находок вошли в литературу под названиями Томчи-Су, Яблоновское и Оталгызов [Лузгин, Ранов, 1966].

С начала 80-х годов поиски снова перемещаются в Западный Копетдаг. В ходе кратковременных разведок в долинах рек Сумбар и Чандыр, проведенных в 1980 и 1981 годах В.П.Любиным, палеолитические артефакты были обнаружены в целом ряде пунктов, где они залежали либо немногочисленными скоплениями, либо в виде отдельных разрозненных находок [Любин, 1984, с. 28-31].

История изучения палеолита Копетдага будет неполной, если не упомянуть еще находки, сделанные К. Тибо в 1974-1975 гг. в Иране, на восточной оконечности хребта, в долине реки Кешефруд [Ariai, Thibault 1977].

Наиболее массовый материал происходит из Западного Копетдага. Западный Копетдаг — молодая складчатая область, образовавшаяся в основном в плиоцен-четвертичное время. Большая часть ее занята палеогеновыми и неогеновыми отложениями, на которых во многих местах сформировались бедленды и адыры [Бабаев, Дурдыев, 1982, с. 7-8; Каляев, 1957, с. 536]. От Центрального и Восточного Западный Копетдаг отличается “сравнительно молодым возрастом рельефа и ландшафта, сложным геологическим и геоморфологическим строением, наличием морских неогеновых и четвертичных отложений” [Бабаев, Дурдыев, 1982, с. 7]. Его юго-западная часть (долины рек Атрек, Сумбар, Чандыр), где абсолютная высота гор не превышает 1100 м, составляя в основном 800-1000 м, отличается, кроме того, субтропическим климатом.

Все пункты находок палеолитических изделий связаны с долинами рек Сумбар (приток Атрека) и Чандыр (приток Сумбара). Иногда этот район называют Приатречье.

История формирования и геологическое строение взаимосвязанных долин Сумбара и Чандыра изучены пока лишь в общих чертах. Обе они были заложены в конце неогена, когда и складывались основы современного рельефа Копетдага. В среднечетвертичное время

произошел глубокий врез Сумбара и сформировалась долина, довольно близкая современной [Бабаев, Дурдыев, 1982, с. 12].

О числе надпойменных террас единого мнения нет. Н.И. Андрусов и вслед за ним Л.С. Берг писали о трех террасах, связывая их с послетретичными трансгрессиями Каспия [Андрусов, 1914, с. 857; Берг, 1929, с. 13-14]. Э.Т. Палиенко наиболее высокой и древней считал четвертую террасу, которая, по его мнению, была заложена в среднечетвертичное время [Палиенко, 1963, с. 254], Наконец, большинство исследователей пишет о наличии пяти аккумулятивных террас в долинах Сумбара и Чандыра, поддерживая, таким образом, точку зрения, впервые высказанную, вероятно, И.И. Никшичем [Никшич, 1932, с. 108; Каляев, 1957, с. 559; Бердыев, 1965, с. 143; Бердыев, Симаков, 1963, с. 247; Бабаев, Дурдыев, 1982, с. 12]. Время формирования пятой террасы при этом относят к концу среднечетвертичного периода [Бердыев, 1965, с. 148; Бердыев, Симаков, 1963, с. 247], а более молодых террас к позднечетвертичному и современности [Бердыев, Симаков, 1963, с. 247], причем образование нижних четырех террас связывают с хвалынскими трансгрессиями и послехвалынской регрессией.

Данных о точном геоморфологическом положении палеолитических артефактов нет. О большинстве изделий сообщается, что они были найдены в высыпках галек на эродированных склонах холмов, либо у подножья последних. Правда, некоторые находки, — по мнению В.П. Любина, наиболее архаичные [Любин, 1984, с. 29] — были связаны с верхними прослоями галечников в толще надакчагыльских отложений, “что удалось зафиксировать в нескольких случаях на левом берегу Сумбара в районе Кара-Калы” [Любин, 1984, с. 29], но это наблюдение само по себе мало что дает для определения геологического возраста археологических материалов.

Коллекции, собранные в долине Сумбара, включают 102 предмета. Палеолитические изделия выявлены здесь на десятикилометровом участке левого (южного) берега реки между селением **Сакгар** и районным центром **Кара-Кала**. Еще три отдельных находки были сделаны на правом берегу. Находки с левого берега тяготеют к долинам трех, впадающих в Сумбар, ручьев: **Каракалинского**, **Каракельского** и **Кыргыджакского**. В долине Чандыра обследован семикилометровый участок правого берега между селениями Акк и **Кызыл-Имам**. В коллекции 24 предмета. Часть их была связана с останцами 15 — 30 метровых террас в 700 м к востоку от Кызыл-Имама, а часть с высыпками галек “на холмах правого борта широкого плоскодонного оврага, в 1-1.5 км от реки, близ с. Кызыл-Имам” [Любин, 1984, с. 30-31].

Таким образом, всего в происходящих из Приатречья коллекциях подъемного материала насчитывается 126 предметов. Часть их представлена единичными, разрозненно залегающими находками (37 предметов), остальные (89 предметов) распределяются по одиннадцати

разной величины скоплениям, включающим от 3 до 21 предмета. Нельзя исключить вероятность того, что многие из скоплений составлены гетерогенным материалом. В качестве сырья в палеолите Приатречья, по приводимому В.П. Любиным определению Н.Б. Селивановой, использовался либо кремнистый известняк, либо трещиноватый кремль желтоватого цвета [Любин, 1984, с. 29]. К этому можно добавить, что первый тип сырья был доступен в виде окатанных, порой совершенно круглых валунов, а второй в виде галек, часто угловатых по форме. Почти на всех пунктах в долине Сумбара представлен как известняковый, так и кремневый материал, а в долине Чандыра только известняковый.

С низким качеством сырья связаны некоторые трудности диагностического плана. Далеко не обо всех предметах, включенных в коллекции, можно с уверенностью сказать, что они являются артефактами. Таких вещей, а также обломков и осколков, утративших значимые для анализа морфологии изделия части — 49, то есть чуть больше одной трети всех находок.

Среди 77 предметов, имеющих несомненные признаки искусственного раскалывания, выделено 15 нуклеусов, 20 нуклеидных обломков и кусков с единичными сколами, 34 отщепа и 8 орудий. Почти две трети всех артефактов составляют изделия из известняка (их 45), и именно присущие им черты (массивность, архаичный “галечный” облик) определяют лицо палеолита Приатречья. Учитывая сходство инвентаря всех скоплений и его малочисленность в каждом из них, наиболее целесообразным кажется рассматривать весь имеющийся материал в целом.

Среди нуклеусов внимание привлекают, в первую очередь, два черепаховидных (рис. XI: 4, 5), но преобладают одноплощадочные нуклеусы параллельного скалывания, изготовленные в большинстве случаев на валунах, расколотых (или расколовшихся естественным путем) на две части. Имеются также торцевые нуклеусы с выпуклым фронтом и один подпризматический (рис. XI: 2). Кроме того, для всех скоплений обычны камни с негативами единичных сколов — возможно, эти изделия следует рассматривать как пробные нуклеусы, обилие которых при столь посредственном сырье выглядит вполне закономерно.

Сколы, за одним безусловным исключением (рис. XI: 1), представлены отщепами (рис. XI: 3; XII). Фасетированные ударные площадки отсутствуют: из 25 определимых площадок 23 гладкие и 2 точечные. При этом, как правило, ударная площадка образует с плоскостью брюшка хорошо выраженный тупой угол — от 100 до 120° (в 80% случаев), что свойственно для отщепов из обоих видов сырья, но на известняковых проявляется особенно заметно. Параллельная огранка спинки очень редка (отмечена лишь в трех случаях), первичных отщепов 8. Выделяются массивные полупервичные отщепа (рис. XII: 2).

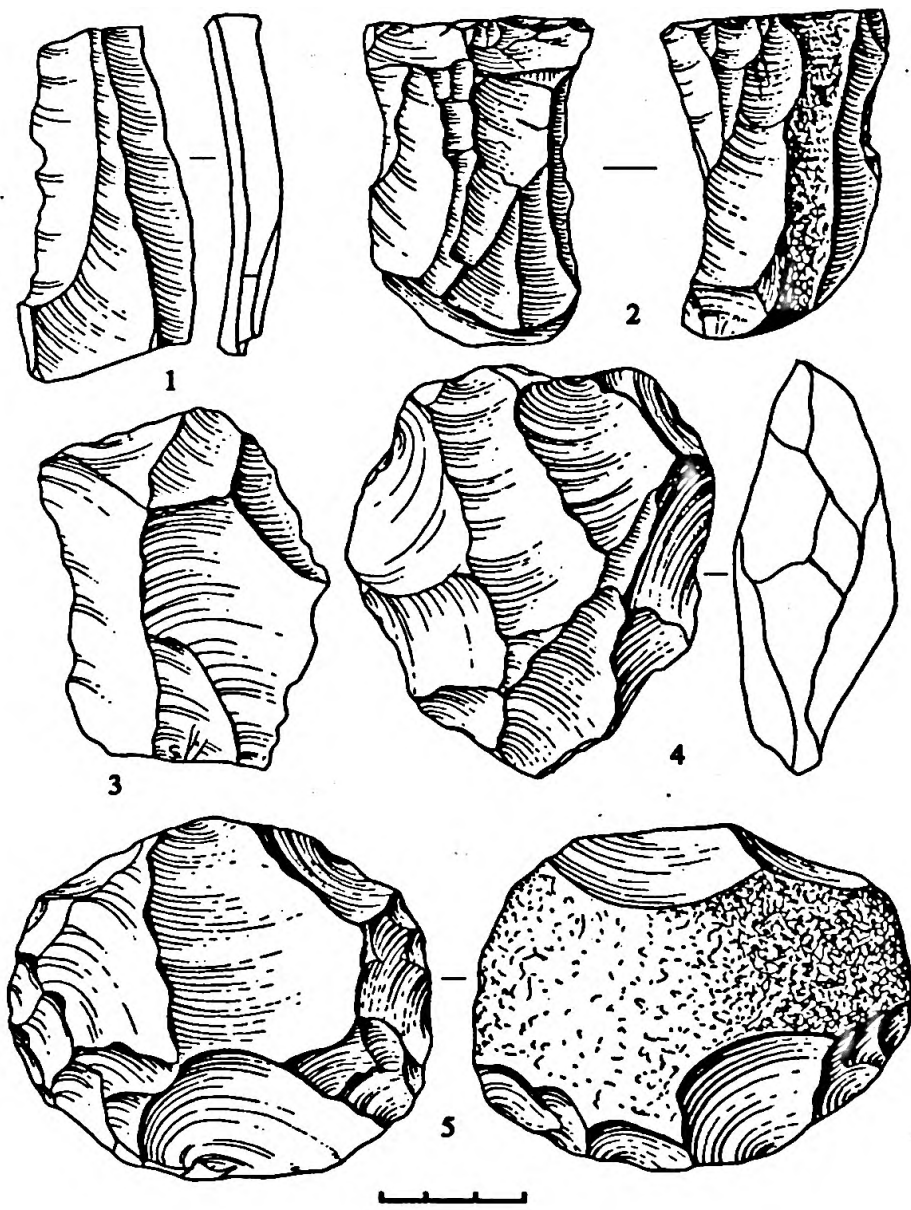

Рис. XI. Палеолит Приатречья. Сколы (1, 3) и нуклеусы (2, 4, 5).

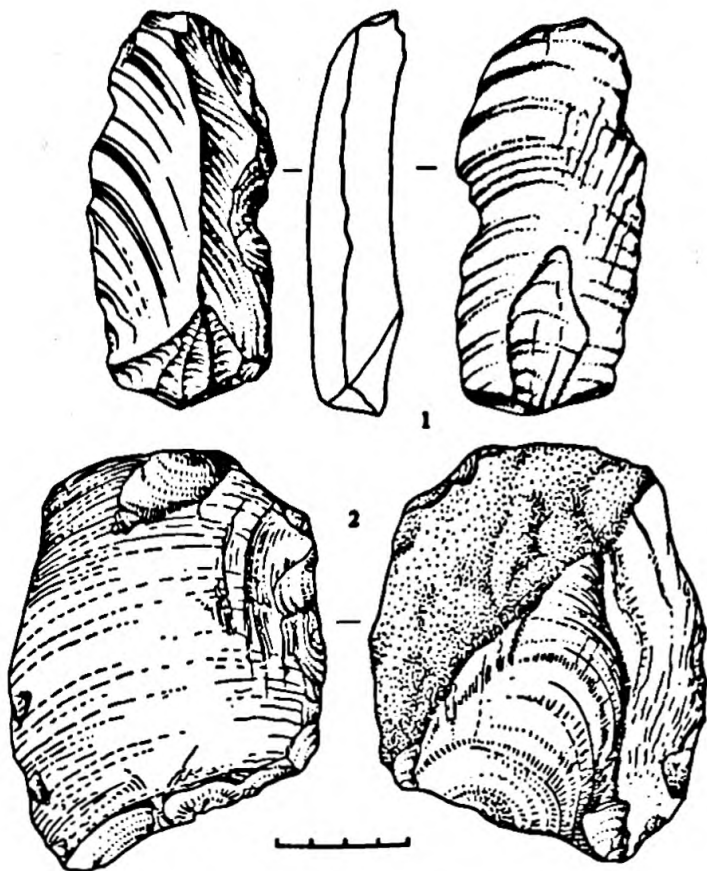

Рис. XII. Палеолит Приатречья. Сколы.

Среди орудий (рис. XIII) половина изготовлена на отщепах, а половина на отдельностях породы. Ретушь варьирует: есть лицевая и брюшковая, мелко- и среднефасеточная, пологая и отвесная. Имеются чоппер, чоппинг (рис. XIII: 4) и скребла разных типов, в том числе двойное прямо-вогнутое (рис. XIII: 3) и угловатое (рис. XIII: 1). Одно из орудий (рис. XIII: 5), определявшееся ранее как брюшковое скребло, В.П. Любин считает теперь возможным рассматривать как кливер.

По определениям В.П. Любина, в Приатречье представлен мустьерский и ашельский материал [Любин, 1984, с. 31], но развернутой аргументации в пользу этого не приводится. Между тем отнесение части находок к ашелю не является столь уж очевидным, тем более, что рубил в имеющихся коллекциях нет. Правда, есть чоппинг и чоппер, но этого недостаточно для решения рассматриваемого вопроса.

Чопперы и чоппинги, по-видимому, характерны для палеолита всего Копетдага вообще, они отмечены и в центральной, и в восточной части хребта. Из Центрального Копетдага материал происходит, как уже говорилось, с трех пунктов, связанных, по Б.К. Лузгину, с разными террасовыми уровнями. Геологический возраст находок опреде-

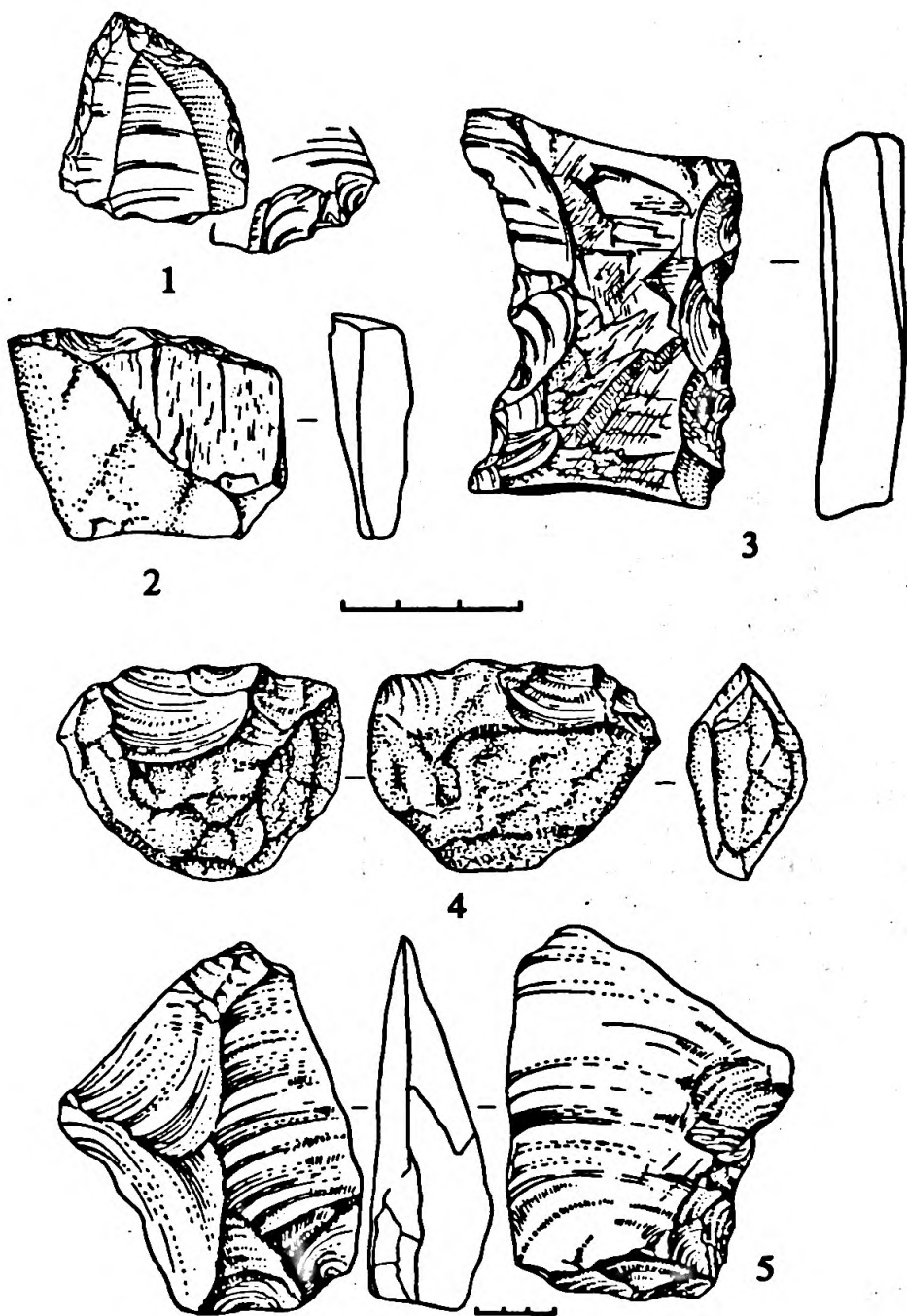

Рис. XIII. Палеолит Приатречья. Орудия.

лялся как среднеплейстоценовый, при этом часть их (Томчи-Су) была отнесена к первой половине среднего плейстоцена, а часть (Оталгызов, Яблоновское) ко второй [Лузгин, Ранов, 1966; Лузгин, 1967]. Однако, подъемный палеолитический материал может иметь возраст гораздо более поздний, чем та поверхность, с которой он связан, а кроме того, как можно понять из одной работы Б.К. Лузгина, немаловажным доводом в пользу синхронизации раннеяблоновской седиментации с раннеташкентской, т. е. с первой половиной среднего плейстоцена, послужили для него аналогии, проводившиеся В.А. Рановым между находками в Центральном Копетдаге, с одной оторопи, и в Кайрак-Кумах и Южном Каратау, с другой [Лузгин, 1967, с. 66], что вряд ли оправдано. Таким образом, геологические датировки находок из Центрального Копетдага нуждаются в пересмотре (о чем писал уже В.П. Любин [Любин, 1984, с. 27]).

В коллекции Томчи-Су 20 предметов, данных о количестве находок на других пунктах не приводится (из описаний ясно следует лишь, что они крайне малочисленны). Характер сырья (использовалась мягкая известняковая галька) “обусловил очень плохую сохранность изделий” [Лузгин, Ранов, 1966, с. 90]. Тем не менее, В.А. Ранову удалось выделить следующие формы изделий: нуклеусы (3), отщепы (12), скребло, чоппер и чоппинг в коллекции Томчи-Су, нуклеусы, отщепы и чоппинг в коллекции Оталгызова, нуклеус, отщепы и скребло в коллекции с пункта Яблоновское. Отдельно было найдено “громдное скребло-чоппер (19,8 x 14,4 x 5.2)” [Лузгин, Ранов 1966, с. 90]. Археологический возраст инвентаря двух последних коллекций определяется В.А. Рановым как мустьерский, а инвентаря Томчи-Су то как позднеашельский [Лузгин, Ранов, 1966, с. 93], то как раннемустьерский [Ранов, 1971, с. 231]. К сожалению, рисунков чопперов и чоппингов в публикациях нет, но уже одна констатация наличия, как минимум, четырех изделий этих типов, заслуживает внимания.

От материалов из Центрального Копетдага почти не отличаются по составу материалы с р. Кешефруд. Там в двух пунктах было собрано около 60 предметов, определяемых К. Тибо как нуклеусы, отщепы, зубчатые орудия, грубые скребла, чопперы и чоппинги. Наличию орудий двух последних типов К. Тибо придает столь большое значение, что считает возможным даже говорить об олдувайском возрасте своих находок, сырьем для которых служили кварц и кварцит, а также гальки андезита [Agiari, Thibault, 1977, p. 103]. В публикациях нет данных о количественном составе находок, приводимые 6 рисунков говорят о типологической невыразительности инвентаря и вызывают сомнения в искусственном происхождении некоторых вещей и в правильности их типологических определений. Подробные описания изделий также отсутствуют, дается лишь перечень названий форм. Все это затрудняет сопоставление иранских материалов с материалами туркменской

части Копетдага. Во всяком случае, полагаясь при таком сопоставлении на типологические определения К.Тибо, следует помнить, что они пока недостаточно обоснованы, как, кстати, и постулируемый нижнеплейстоценовый (800 тыс. — 1 млн. лет) возраст находок [Agiat, Thibault, 1977, p. 106]. Указывается, что часть изделий происходит из галечников верхней части толщи первого послеплиоценового заполнения долины р. Кешефруд.

Таким образом, судя по имеющимся в литературе и непосредственно в распоряжения автора данным, все известные пока с территории Копетдага палеолитические коллекции демонстрируют довольно сходный набор инвентаря. Их сближает, прежде всего, “галечный” в целом характер индустрии при повсеместном наличии изделий типа чоппелов и чоппингов. При этом, если в туркменском Копетдаге, наряду с типичными “галечными” изделиями, встречены также черепаховидные нуклеусы, мустьерские скребла на отщепках, то материалы с р. Кешефруд более однородны, включают лишь “галечные формы”.

В завершение раздела следует упомянуть еще некоторые не сопровождаемые публикацией или хотя бы беглым описанием материала сообщения о находках палеолитических изделий в ряде мест Копетдага и примыкающих к нему районах. Со ссылкой на устную информацию А.А. Марущенко Н.А. Береговая пишет о кремневом дисковидном нуклеусе, найденном В.А. Рановым в русле р. Ашхабадки в окрестностях г. Ашхабада, и нескольких “дисковидных каменных нуклеусах”, обнаруженных геологами в 1963 г. “на поверхности третьей террасы в верховьях душакского ручья, близ ст. Душак Каахкинского района” [Береговая, 1984, с. 43].

2. Бадхыз.

Бадхызом именуется территория между Тедженом и Мургабом, к западу от Карабиля. Это пустынная возвышенная страна, являющаяся северной частью предгорий Паропамиза. Западная часть Бадхыза, представляющая собой сильно расчлененную горную область, поднимается до 1267 м, но в основном для всего региона характерны высоты от 500 м до 1000 м. В северном направлении Бадхыз понижается и переходит в пески Каракумы. Характерной чертой рельефа является наличие множества бессточных впадин [Мурзаев, 1957, с. 47]. Обычны крупные гряды (“баиры”) с разделяющими их обширными долинообразными понижениями. В целом рельеф Бадхыза может быть определен как холмогорье Шуршалина, 1957, с. 564].

Большая часть района в настоящее время безводна, однако, анализ древних русел и оврагов привел некоторых исследователей к предположению, что в течение четвертичного периода на Бадхызе неоднократно возобновлялась деятельность значительных постоянных водо-

токов [Бабаев, Горелов, 1985]. Впрочем, существует и прямо противоположная этой точка зрения, которой принадлежит исторический приоритет [Благовещенский, 1940, с. 218].

История изучения палеолита Бадхыза пока предельно коротка. Дисковидные нуклеусы и отщепы (материал не опубликован и не описан, возможно, утерян), определяемые как мустьерские [Ранов, 1971, с. 231; Лузгин, Ранов, 1966, с. 93], были найдены в 1958 г. геологами у родника **Рахматур** близ границы с Ираном [Береговая, 1984, с. 48]. Специальные поиски были проведены на Бадхызе в 1977-1978 гг. Г.В. Ивановым. Ему удалось обнаружить ряд пунктов залегания каменных изделий. На местонахождении **Пинхан**, где в одиннадцати пунктах было собрано от 4 до 14 (в одном случае свыше 30) предметов из алевролита, кремнистого сланца и окаменелого дерева, представлен, по мнению Г.В. Иванова, мустьерский материал, а на местонахождениях **Даш-Гую** и **Эгри-Гек** — верхнепалеолитический [Иванов, 1979, с. 13]. Рисунки и описания находок пока не опубликованы.

Несмотря на скудость имеющихся материалов, можно ожидать, что Бадхыз сыграет в будущем не последнюю роль в изучении палеолита Средней Азии. В пользу этого говорят как находки архаичных каменных изделий в непосредственном соседстве с его территорией (р. Кешефруд), так и разнообразие природных условий региона и вероятность существования здесь в отдельные периоды плейстоцена постоянных и обильных источников пресной воды.

ГЛАВА III. ПАЛЕОЛИТ ГОР ЮГО-ВОСТОКА СРЕДНЕЙ АЗИИ (ТЯНЬ-ШАНЬ И ПАМИР)

Горы юго-востока Средней Азии представлены двумя крупнейшими горными системами — Тянь-Шанем и Памиром, которые, несмотря на наличие ряда структурно-тектонических особенностей, образуют единую горную страну. Значительные пространства Тянь-Шаня и Памира располагаются выше 5000 м, а наиболее высокие хребты выше 7000 м, что способствует развитию ледников. Наряду с высокогорьями, здесь много внутригорных впадин и крупных долин, где в плейстоцене господствовали процессы аккумуляции и имелись условия для консервации археологических и сопутствующих им материалов.

Палеолитические памятники Тянь-Шаня и Памира распространены географически неравномерно: они образуют несколько более или

менее компактных территориальных групп, каждая из которых тяготеет к какому-либо из геоморфологических районов, выделяемых в пределах этой горной страны. Ниже описание памятников дается по отдельным районам в следующем порядке: (1) Южный Тянь-Шань; (2) Таджикская депрессия; (3) Ферганская депрессия; (4) Северо-Западный Тянь-Шань; (5) Северный и Центральный Тянь-Шань; (6) хребет Каратау и прилегающие районы Южного Казахстана.

1. Палеогеография.

Начальные фазы формирования современного рельефа Памира и Тянь-Шаня относятся, как считается, к середине миоцена, а главная фаза приходится на конец плиоцена и плейстоцен. В условиях интенсивных поднятий в это время большое развитие получили процессы денудации и аккумуляции. Кроме того, возникновение в конце неогена столь значительных горных сооружений оказало существенное влияние на климат региона. Оно явилось также одной из главных предпосылок развития местного оледенения, самые ранние следы которого фиксируются в средне-позднеплиоценовых отложениях. Увеличение высоты хребтов Гималаев и Гиндукуша с одной стороны, и воздымание Тянь-Шаня и Памира с другой, препятствовало поступлению в регион влажных воздушных масс с юго-востока (Индостан), а также с запада и севера. Это обусловило прогрессирующее иссушение климата Средней Азии в плейстоцене, что, в свою очередь, вело к изменениям флоры и фауны. Судя по споро-пыльцевым данным, каждая последующая эпоха характеризовалась более бедным составом растительности, особенно дендрофлоры, по сравнению с предыдущей [Пахомов, 1973, 1982]. Так для позднего плейстоцена Памиро-Алая даже в периоды увлажнения фиксируется не более 10-15 флористических родов, тогда как в среднем плейстоцене порядка 26 [Никонов и др., 1989].

Относительно количества ледниковой и характера связанных с ними климатических изменений существуют разные точки зрения. Выделяют от двух до пяти ледниковых эпох, но следует ожидать, что по мере развития соответствующих исследований выявляемая картина будет приобретать все большую дробность. Уже сейчас есть основания предполагать, что на Памире только в позднем плейстоцене имели место, по меньшей мере, три фазы нарастания долинных ледников в высокогорье [Никонов и др., 1989]. Правда, эта гипотеза основана на сопоставлении памирских ледниковой с плювиалами, с чем согласны далеко не все исследователи.

Тогда как одни специалисты считают, что во время горных оледенений, наряду с похолоданием, имело место повышение общей увлажненности во внеледниковом ярусе [Пахомов и др., 1980; Никонов и др., 1989; Пахомов, 1991], то другие в своих палеогеографических

реконструкциях исходят из того, что увеличению ледников сопутствовала аридизация и континентализация климата. Межледниковые же условия, по мнению последних, характеризовались большей увлажненностью и более высокими среднегодовыми температурами [Додонов, Ранов, 1984; Додонов, 1986].

Так или иначе, тот факт, что климат юго-восточной части Средней Азии претерпевал заметные колебания на протяжении плейстоцена, не вызывает сомнений. При нарастании аридизации он отнюдь не был монотонно аридным. Имели место неоднократные повышения увлажненности, смены температурного режима. В определенные периоды во внеледниковой зоне от предгорий и до среднегорий устанавливался достаточно мягкий климат и складывались условия, вполне благоприятные для обитания человека. Кроме многочисленных разновременных палеолитических памятников, об этом убедительно свидетельствуют естественнонаучные, прежде всего, палинологические данные. Особенно четко подобного рода осцилляции фиксируются для позднего плейстоцена [Серебряный, Пшенин, Пуннинг, 1980; Пахомов, 1982] в споро-пыльцевых спектрах которого выделяются три хорошо выраженных фазы увлажнения [Никонов и др., 1989]. Интересные возможности для палеогеографических реконструкций и, в частности, для выявления климатических колебаний и установления их причин и следствий дают активно изучавшиеся в последние десятилетия лессово-почвенные образования (см. раздел "Таджикская депрессия").

Для характеристики геологической позиции палеолитических находок из рассматриваемого региона пользуются как общепринятыми международными, так и возникшими на местной основе стратиграфическими и периодизационными понятиями. Последние особенно употребимы, когда речь идет о памятниках, связанных с террасовыми формациями. Соответствующие схемы были разработаны для Таджикской депрессии и долины Зеравшана [Костенко, 1958], а также для Западного и Центрального Тянь-Шаня [Скворцов, 1949; Васильковский, 1957]. В целом разновозрастные комплексы отложений, выделяемые в этих схемах, могут быть сопоставлены с нижним, средним и поздним плейстоценом (см. табл. 1). Это комплексы низких террас, не превышающих обычно 200-250 м над уровнем рек. Более высокие террасы, соответствующие средним ярусам горного рельефа, относят к плиоцену и эоплейстоцену.

Местные схемы членения четвертичных отложений Средней Азии и их соотношение между собой и с общей периодизацией

Общие понятия	Таджикская депрессия, Зеравшан, Кашкадарья	Западный и Центральный Тянь-Шань
голоцен	амударьинский комплекс	сырдарьинский комплекс
верхний плейстоцен	душанбинский комплекс	голодностепский комплекс
средний плейстоцен	илякский комплекс	ташкентский комплекс
нижний плейстоцен	вахшский (кулябский) комплекс	нанайский (сохский) комплекс

2. Южный Тянь-Шань.

Южный Тянь-Шань образован широким и высоким (свыше 5000 м) Алайским хребтом, переходящим на западе в систему широтно вытянутых крутосклонных хребтов и узких продольных долин, составляющих так называемый Гиссаро-Туркестанский район. В пределах последнего и сосредоточены все палеолитические памятники Южного Тянь-Шаня. Территориально они распадаются на две группы: первая связана с Гиссарским хребтом, вторая с долиной реки Зеравшан и западными отрогами Зерафшанского и Туркестанского хребтов. К последнему району условно отнесены и примыкающие к нему географически памятники Кызылкумов.

Гиссарский хребет, идущий на востоке параллельно Зерафшанскому и Туркестанскому хребтам, т. е. в широтном направлении, отклоняется затем к юго-западу, доходя на юге до долины Амударьи. Палеолитические памятники открыты на западном склоне южной оконечности хребта (территория Восточной Туркмении) и несколько севернее, в горах Байсунтау (Узбекистан).

Восточнотуркменские находки происходят из Гаурдак-Кугитангского геолого-геоморфологического района. В территориальном плане эти материалы являются одним из немногих известных пока археологам связующих звеньев между палеолитическими индустриями западных и восточных районов Средней Азии.

Горы Гаурдак-Кугитангского района представляют собой крайние юго-западные отроги Гиссарского хребта. Основным орографическим элементом здесь является хребет Кугитангтау, протягивающийся с юго-запада на северо-восток. По водоразделу хребта проходит граница между Туркменией и Узбекистаном, на территорию которого выходит крутой восточный склон Кугитангтау. Западный склон, более пологий

и доступный, изрезанный системой глубоких узких ущелий с отвесными стенами, спускается в долину р. Кутитангдаря. Эта долина отделяет основной хребет от параллельных гряд на западе (Гаурдак, Кызылгара и др.), которые, постепенно понижаясь к юго-западу, сходят на нет у современной долины Амударьи. Абсолютная высота большей части описываемой территории колеблется в пределах 500-1000 м, хотя к востоку отметки значительно повышаются, достигая на границе с Узбекистаном 3139 м [Данов, 1928, с. 10; Никшич и др. 1929, с. 123; Мурзаев, 1957, с. 47].

В 1984 г. в районе было открыто палеолитическое местонахождение **Балахана** [Любин, Вишняцкий, 1990]. Оно находится примерно в 5 км к югу от поселка Гаурдак и приурочено к бедлендам, обрамляющим западные склоны гор Большая и Малая Балахана. Типичный для бедленда ландшафт, отличающийся мелкими и резкими формами рельефа, создан здесь сильно расчлененными рыхлыми отложениями.

В качестве сырья для изготовления большинства обнаруженных артефактов послужила плотная, сильно окремненная порода серого цвета. Использовались, кроме того, окремненный органогенный известняк, окремненный мелкозернистый кварцевый песчаник и, довольно редко, полупрозрачный и матовый кремнь серого цвета (определения Н.Б. Селивановой). Все указанные породы встречаются в районе местонахождения [Данов, 1957, с. 234].

Находки были рассредоточены на значительной площади (не менее 2 кв. км) и залегали в основном на поверхностях холмов, либо разрозненно, либо образуя довольно четко локализующиеся скопления, включающие от 25 до 33 предметов. Всего коллекция Балаханы включает 231 предмет, из них 119 распределяются по четырем скоплениям, а остальные 112 представляют собой разрозненные находки. Ни одно из скоплений по сырью не отличается сколько-нибудь заметно от других. Нет существенных различий между скоплениями и по физическому состоянию поверхностей составляющих их изделий. Типологические различия, как и различия в геоморфологическом положении находок, также неуловимы. Все это позволяет дать обобщенную характеристику и оценку всех материалов Балаханы в целом, хотя при этом нельзя исключить вероятность определенных хронологических различий как между отдельными изделиями, так и между скоплениями.

Разные группы изделий представлены в коллекции Балаханы следующим образом: нуклеусов и нуклевидных изделий 24, сколов 133, изделий со вторичной обработкой 12, осколков и обломков 62. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные параллельного скалывания (рис. XIV: 3), имеются также двухплощадочные встречного скалывания и черепавидные (рис. XIV: 1, 2). Сколы (рис. XV: 1-10) представлены почти исключительно отщепами. Они различаются по размерам, массивности и (заметно меньше) по оградке спинки и характеру удар-

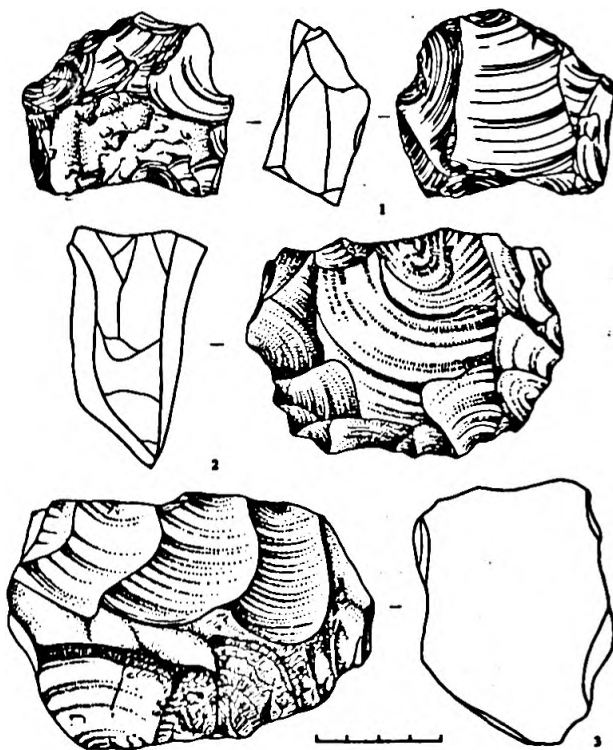

Рис. XIV. Балахана. Нуклеусы.

ных площадок. Преобладают гладкие площадки, индекс общей подправки составляет 6.1, тонкой — 3.0. Число первичных сколов (15) примерно равно числу сколов с параллельной и субпараллельной огранкой спинки (17). Наиболее правильной параллельной огранкой отличаются спинки сколов, имеющих пластинчатые пропорции и/или подпрямоугольную в плане форму. Изделия со вторичной обработкой довольно своеобразны. Они представлены серией сходных морфологически скребков на массивных подпрямоугольных заготовках (рис. XVI: 1, 2, 5), скребловидными орудиями на подпрямоугольных же, но более тонких отщепах (рис. XVI: 3, 4), а также скреблами и их обломками (рис. XV: 11, 12; XVI: 6). На одном из скребловидных изделий четко фиксируется использование приема ядрищного утоньшения (рис. XVI: 3).

Вполне вероятно, что материал, составляющий описанную коллекцию, накапливался у подножия Балаханы в течение довольно продолжительного времени. Тем не менее, археологический его возраст определяется однозначно: он несомненно является среднепалеолитическим. Для суждения о геологическом возрасте находок данных пока нет.

Единичные палеолитические изделия были найдены в Гаурдак-Ку-

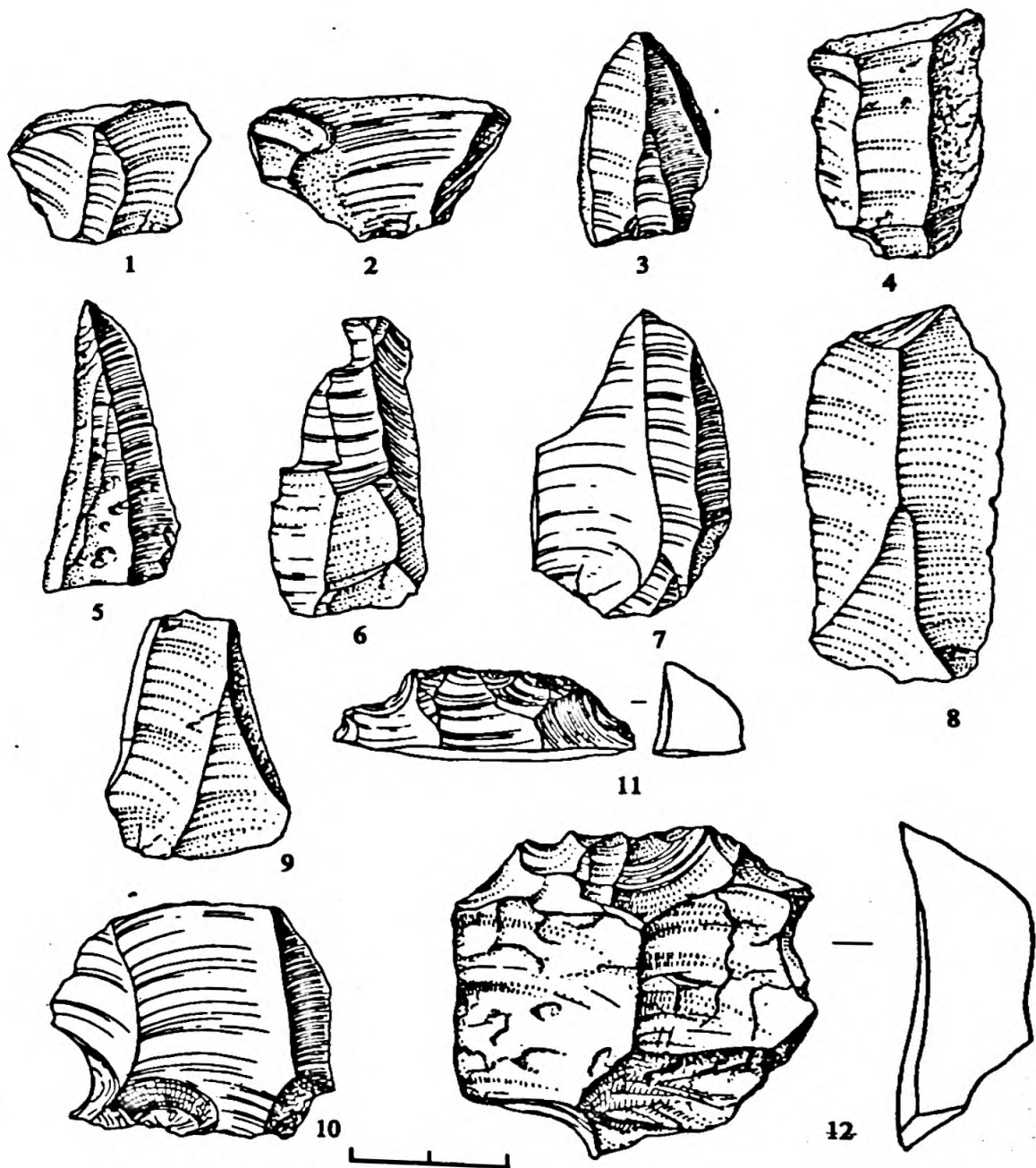

Рис. XV. Балахана. Сколы (1-10) и орудия (11, 12).

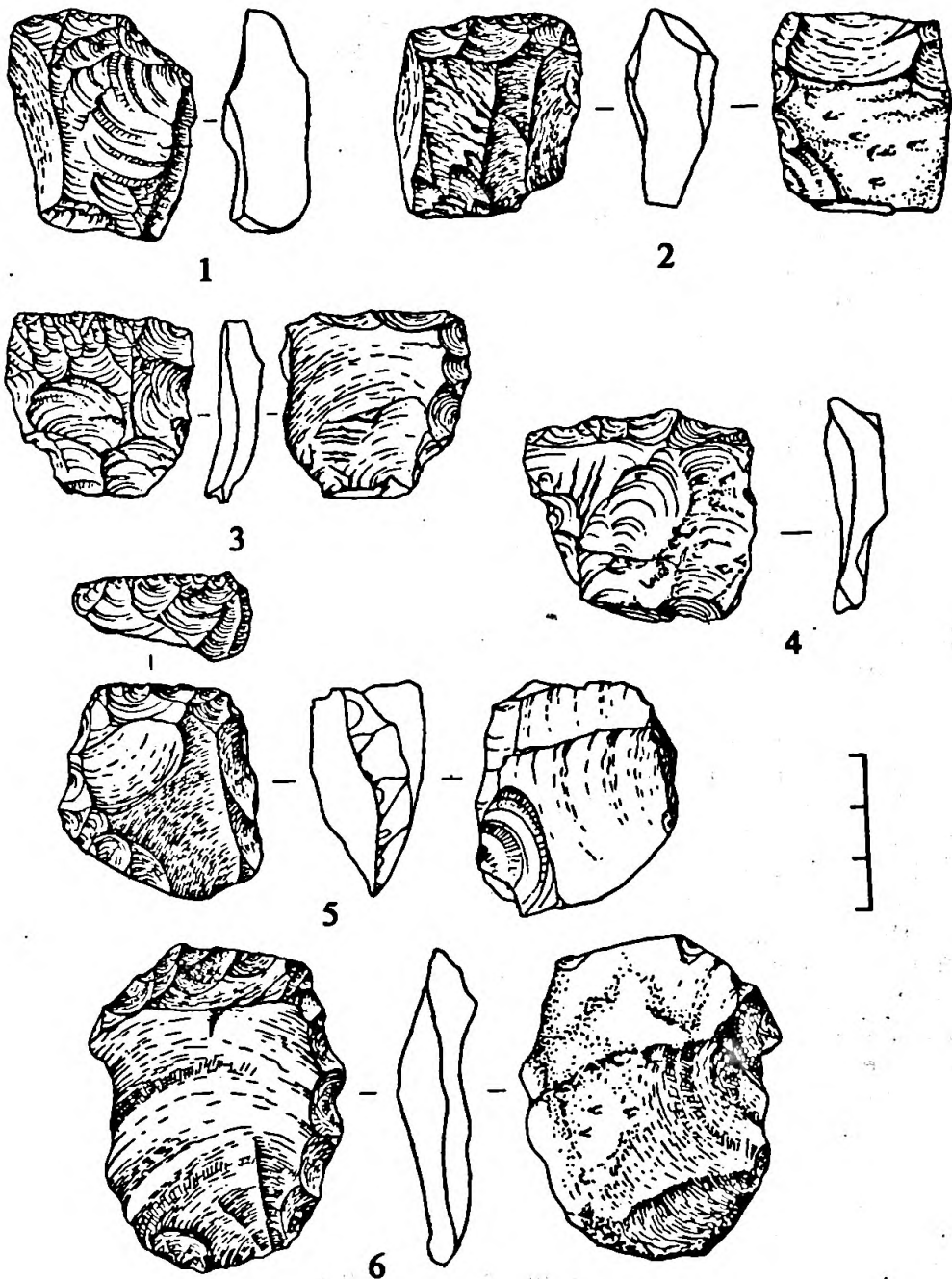

Рис. XVI. Балахана. Орудия.

гитангском районе в двух пунктах. Это отщеп и одноплощадочный нуклеус параллельного скалывания. Наиболее вероятно, что они тоже имеют среднепалеолитический возраст [Любин, Вишняцкий, 1990].

Имеются сведения о наличии палеолитических памятников и в восточной части хр. Кугитангтау. Здесь, в зоне Тупалангского водохранилища, в 1984-1986 гг. отрядом под руководством У.И. Исламова было обнаружено несколько местонахождений (Дари-Ангар, Намазгох I и др.), давших, предположительно, мустьерский материал [Исламов, Оманжулов, 1990].

Намного богаче находки, происходящие из другой части юго-западных отрогов Гиссарского хребта, а именно из гор Байсунтау. Здесь находится наиболее, пожалуй, известный палеолитический памятник Средней Азии — грот **Тешик-Таш** [Окладников, 1939, 1939а, 1940, 1940а, 1940б, 1949а; Movius, 1953; Bordes, 1955; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 66-68; Абрамова, 1988; Григорьев, 1988]. Он расположен в 18 км к северу от г. Байсун, в среднем течении Заутолош-сая, левого притока Мачай-Дарьи, в 2.5 км от русла последней. Мачай-Дарья протекает вдоль северо-западного склона Байсунтау. Она является левым притоком р. Ширабад, впадающей, в свою очередь, в Амударью. Грот выработан в келловейоксфордских известняках на высоте около 500 м над современным руслом Мачай-Дарьи. Высота над уровнем моря около 1800 м, а над тальвегом сая 6 м. Высота грота в привходовой части 7 м, ширина — 20 м, вглубь скалы он тянется на 21 м.

Грот Тешик-Таш исследовался в 1938 и 1939 гг. А.П. Окладниковым. За два года работ была вскрыта “вся площадь грота, заполненная культурными отложениями и достигавшая 137 кв. м” [Окладников, 1949а, с. 9]. А.П. Окладников выделил 5 культурных слоев, разделенных стерильными прослойками. Общая мощность этих отложений не превышала 1.5 м, а наибольшая мощность единичного культурного слоя достигала 40 см. По мнению исследователя памятника, к моменту начала раскопок сохранилось не более двух третей прежней площади грота или даже половина: значительная часть отложений была снесена вниз в результате размыва.

В кровле отложений грота находился слой очень рыхлой, пылеобразной глинистой земли светложелтого цвета мощностью от 5 до 20 см, содержащий включения мелкого известнякового сильно выветрившегося щебня, а также глыбы известняка различных размеров, упавшие со свода. Культурных остатков в этом слое не отмечено, а местами он был смыт. Ниже залегал наиболее мощный и богатый находками культурный слой грота (1). Он был связан с плотными коричневатожелтыми комковатыми глинистыми отложениями, содержащими примесь мелкого сильно выветрившегося известнякового щебня, обломки сталагмитовой корки и небольшие глыбы известняка. Этот слой выклинивался вниз по склону и утолщался в середине площадки грота.

Ниже залегал слой плотной и тяжелой глины серого цвета, изобиловавшей мелким известняковым щебнем. Эта глина не содержала археологических находок, но в середине ее прорезала тонкая линза культурного слоя (II), резко выделявшаяся интенсивной углистой окраской и содержавшая, помимо расщепленной кости и каменных артефактов, множество мельчайших кусочков древесного угля. Под серой глиной лежала буровато-желтая, резко отличавшаяся от первой по структуре (тонкослоистая). Она включала третий (III), четвертый (IV) и пятый (V) культурные слои и подстилалась щебенкой, идущей вплоть до скального дна грота.

В верхнем культурном слое, имевшем по распространению находок площадь около 50 кв. м, было выявлено три кострища, все примерно одинаковых размеров (до 1 м в диаметре). Огонь горел здесь, по предположению А.П. Окладникова, недолго, т. к. почва не была сильно прокалена. С первым слоем связаны, очевидно, и костные остатки неандертальца (см. ниже). Во втором культурном слое (площадь 12 кв. м) вскрыт очажок удлинненно-овальных очертаний размером 1.6 x 0.6 м, а также, предположительно, небольшое кострище. Третий слой имел, как и первый, площадь около 50 кв. м, но простирался ближе к привходовой части грота. Здесь выявлено три очага, размерами 0.5 x 0.4 м, 1.5 x 0.8 м и 1.0 x 0.4 м. Значительную часть четвертого слоя (его площадь около 30 кв. м) занимала интенсивно окрашенная углистыми частицами площадка округлых очертаний диаметром 3 x 3 м. Посреди этой площадки располагался большой очаг (2.0 x 1.3 м). Второй очаг, диаметром 0.5 м, располагался в трех метрах от первого. В нижнем, пятом культурном слое (площадь около 15 кв. м) выделено два очажных пятна. Во всех слоях находки в основной своей массе концентрировались вокруг очагов. Это относится в равной мере и к фаунистическим остаткам, и к каменным изделиям.

Тешик-Таш — один из немногих палеолитических памятников Средней Азии, где сохранились и были изучены фаунистические материалы [Громова, 1949]. Преобладают остатки сибирского горного козла (*Capra sibirica*), они составляют 83% всех определимых костей млекопитающих, а если исключить из подсчета грызунов (заяц, пищуха, сурок, слепушонка, полевка, туркестанская крыса, лесная соня), то почти 99%. Встречены также единичные кости лошади (*Equus caballus*), оленя (*Cervus elaphus*), бурого медведя (*Ursus cf. arctos*), леопарда (*Felis pardus*) и, предположительно, пещерной гиены (*Hyaena sp.?*). Каких-либо существенных различий между слоями по фауне не прослеживается [см. Окладников, 1949а, табл. 2 и 3, с. 67]. Помимо останков млекопитающих в первом и втором культурных слоях грота в 1939 г. были также собраны и затем изучены кости птиц более чем 20 видов [Суслова, 1949].

Широкую известность Тешик-Ташу принесло открытие здесь ос-

танков неандертальца. В самом основании первого культурного слоя, всего лишь в 25 см от поверхности, был обнаружен череп, раздавленный и сплюснутый землей так, что все его части лежали почти в одной плоскости, сохраняя при этом естественную взаимную последовательность. При дальнейшей разборке стерильной прослойки, подстилавшей верхний культурный слой, был выявлен еще ряд фрагментов человеческого костяка, залегающих приблизительно на одном уровне и рядом друг с другом, но в разрозненном положении (позвонок, обломки ребер и трубчатых костей, лопатка, ключицы, нижняя челюсть). Человеческие кости, по Окладникову, находились в обрамлении из нескольких (по меньшей мере, пяти-шести) пар козлиных рогов, что послужило главным аргументом для доказательства существования в Тешик-Таше преднамеренного погребения. Оно, как считается, оставлено людьми, обитавшими в гроте во время, когда формировался верхний культурный слой [Окладников, 1949а, с. 32-42].

О таксономическом положении человека из Тешик-Таша в пределах неандертальской группы высказывались разные суждения [обзор см.: Алексеев, 1973, 1985, с. 5-22]. Одни антропологи сближали его с "классическими" неандертальцами Западной Европы (Дебец, Гремяцкий, Хауэллс и др.), другие с переднеазиатскими или "прогрессивными" европейскими неандертальцами (Вейденрейх, Якимов, Кларк Хауэлл, Алексеев и др.). Решение вопроса затрудняет то обстоятельство, что в данном случае речь идет о детском скелете. Пол точно не определен. Специальными исследованиями на человеческих костях из Тешик-Таша выявлены следы очищения их от мягких тканей с помощью орудий [Ульрих, 1982].

В качестве сырья для изготовления каменных орудий обитатели грота использовали, главным образом, кремнистый известняк темно-серого цвета, довольно плотный. Этот материал был легко доступен, поскольку он слагает массив Байсунтау и в том числе стены, свод и пол Тешик-Таша. Применялись также яшма, кварцит и кварц.

Индустрия Тешик-Таша была в свое время достаточно подробно охарактеризована исследователем этого памятника [Окладников, 1949а, с. 42-55]. Однако, между описаниями и итоговой сводной таблицей, приводимой А.П. Окладниковым [там же, табл. 1, с. 55] существуют значительные расхождения. Достаточно сказать, что в таблице общее число изделий равняется 2859 (эту цифру можно встретить и в ряде других работ [см., например: Ранов, Несмеянов, 1973, с. 66; Абрамова, 1984, с. 141]), а согласно описанию их всего 2228. Разница, таким образом, получается более чем в 600 предметов. Подсчеты по слоям и категориям также выявляют множество необъяснимых расхождений между описаниями и таблицей, не говоря уже о таких "мелочах", что данные, скажем, по слоям IV и V в таблице для некоторых категорий находок просто перепутаны. К сожалению, прояснить этот

вопрос теперь уже вряд ли удастся, поскольку коллекции Тешик-Таша хранятся в настоящее время в разных городах и не всегда доступны для изучения, а главное, установить из какого слоя происходит та или иная вещь часто невозможно. Основой приводимой ниже краткой характеристики индустрии Тешик-Таша послужили описания и рисунки, содержащиеся в работах А.П. Окладникова, материалы, хранящиеся в Санкт-Петербурге в МАЭ (430 предметов), а также зарисовки, сделанные З.А. Абрамовой при изучении части коллекции, хранящейся в Ташкенте.

Всего в коллекции 2228 изделий, из них нуклеусов и нуклевидных 111, отщепов 1862, пластин 151, орудий 104. Орудия, по Окладникову, представлены ножами (2), скреблами (10), скребками (57), остроконечниками (24), изделиями с резцовыми сколами (7), орудиями типа рубил (2), пластинами с ретушью (2). Ретушь, судя по описанию, имеется и на некоторых отщепах. Сопоставление описаний с рисунками (опубликовано 59 вещей) и ознакомление с частью коллекции позволяет представить индустрию Тешик-Таша следующим образом. Среди выраженных форм ядрищ преобладают дисковидные, в большинстве своем односторонние. Радиальная система снятий наиболее часто встречаема. Имеются также нуклеусы параллельного скалывания, как правило, одноплощадочные. Довольно многочисленны пробные нуклеусы (что вполне понятно, если учесть характер сырья). Пластины единичны, отщепы, которые можно было бы рассматривать как леваллуазские, также крайне редки. Изделия со вторичной обработкой представлены почти исключительно скреблами, часто поперечными, и отщепами с ретушью, причем почти все скребла (за единичными исключениями) простые, т. е. с одним ретушированным краем (рис. XVII: 6, 7). Несколько пластин с ретушью (рис. XVII: 1-3) и изделий с резцовыми сколами не меняют общей, довольно монотонной картины. Скребков и рубил в Тешик-Таше нет, как нет и остроконечников (возможно, за единичным исключением), хотя имеются два-три конвергентных скребла (рис. XVII: 4, 5), в том числе удлиненных пропорций. Костяные орудия представлены ретушерами.

В целом инвентарь всех пяти слоев довольно однообразен. К такому выводу впервые пришел сам А.П. Окладников [1949а, с. 55]. Впоследствии он изменил свою точку зрения, заявив, что нижние слои содержат более архаичный материал [Окладников, 1966, с. 65], но обоснован этот вывод не был. Тому обстоятельству, что в верхнем слое встречено несколько настоящих пластин, подпризматический нуклеус и изделия с резцовыми сколами вряд ли следует придавать слишком большое значение: ведь пластины и резцы (?) имеются и в четвертом слое, коллекция которого в численном отношении более чем в шесть раз уступает коллекции первого слоя. Кстати, стоит отметить, что процент орудий в четвертом слое (18.8%) на порядок выше, чем в остальных (от

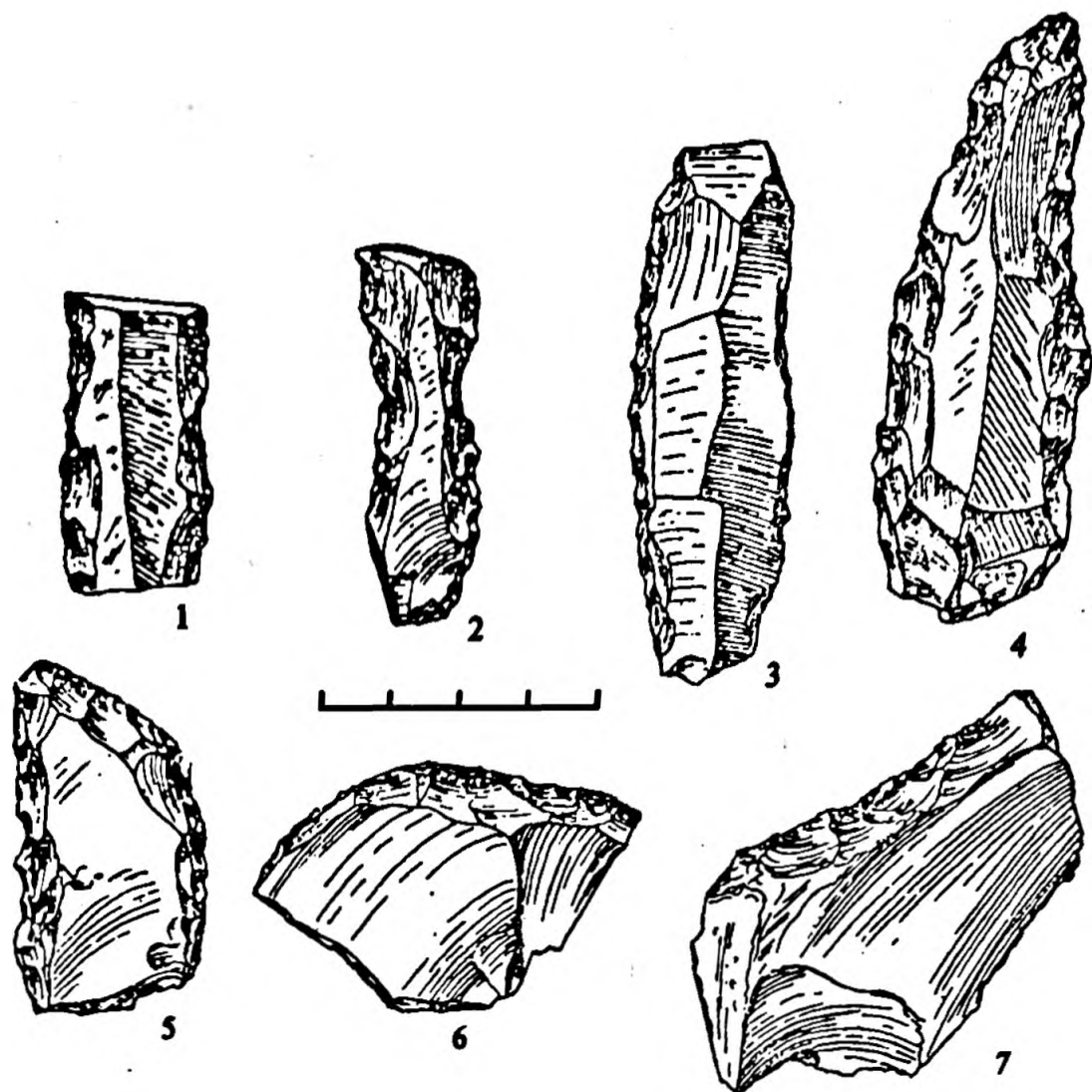

Рис. XVII. Тешик-Таш. Орудия. 1, 2 - слой 3; 3-7 - слой 4.
По А.П. Окладникову, 1949а.

2.6% до 4.9%): дав самую маленькую коллекцию артефактов этот слой дал в то же время максимальное количество изделий со вторичной обработкой.

Ф. Борд определял индустрию Тешик-Таша как крайний вариант шарантского мустье [Bordes, 1955], по З.А. Абрамовой это мустье типичное [Абрамова, 1988, с. 4]. В.А. Ранов в ранних работах был склонен, вслед за А.П. Окладниковым, приписывать Тешик-Ташу леваллуазский характер [Ранов, 1964, с. 2-3; 1965, с. 49], но затем перешел на иную точку зрения [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 16], включив этот памятник в выделенную им в Средней Азии группу типичного (горного) мустье [см. например: Davis, Ranov, 1979, p. 256; Ranov, 1984, s. 314]. Г.П. Григорьев усмотрел в Тешик-Таше массу особенностей, отличающих его от других мустьерских памятников Средней Азии, но эти особенности носят негативный характер, т. е. связаны с отсутствием ряда черт [Григорьев, 1988, с. 31-32]. Часто индустрию Тешик-Таша характеризуют как развитое мустье [Окладников, 1949а, с. 82; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 67; Gabori, 1988, p. 289-290].

По-видимому, Тешик-Таш следует рассматривать как мустьерский памятник, характер индустрии которого обусловлен, прежде всего, низким качеством сырья, с одной стороны, и его изобилием, с другой. То, что есть в коллекции Тешик-Таша, есть, практически, в коллекции любого мустьероидного памятника, и сколько-нибудь далеко идущие сопоставления поэтому в данном случае невозможны. Отсутствие или крайняя редкость в коллекции орудий, получаемых в результате переоформления, т. е. за счет интенсивной, формообразующей обработки (таких, например, как конвергентные, угловатые и вообще двойные скребла, а также остроконечники, лимасы и т. д.) объясняется, скорее всего, тем, что переоформление известняковых изделий было технически и функционально менее целесообразно, чем изготовление новых орудий (благо, сырье имелось в изобилии буквально под руками). Определять Тешик-Таш как мустье типичное или развитое неверно даже формально (нет остроконечников, мало пластин и т. д.), а кроме того — это ровным счетом ничего не говорит о месте памятника в мустье Средней Азии и лишь дезориентирует, создавая некое идеальное, не соответствующее действительности представление о каменном инвентаре, где на самом деле “совершенные орудия очень редки”, как и изделия выработанных, типических форм вообще [Gabori, 1988, p. 289-290].

Возраст культурных слоев Тешик-Таша может быть определен лишь в очень широких пределах. Первоначально предполагавшаяся датировка миндель-риссом [Громова, 1949, с. 99] имеет ныне лишь историкографическое значение. Она появилась как следствие вывода об очень близких современным и, следовательно, межледниковых природных условиях периода заселения грота палеолитическими людьми, о чем свидетельствовал анализ фауны [там же, с. 97]. Учитывая все, что известно о времени существования мустье и неандертальского типа человека, можно полагать, что археологические материалы Тешик-Таша имеют позднеплейстоценовый возраст [Movius, 1953; Окладников, 1966, с. 45-46; Любин, 1970, с. 27 и др.], причем нельзя с уверенностью сказать, насколько все слои близки во времени. Лишь некоторые косвенные доводы можно привести в обоснование сравнительной краткости периода заселения Тешик-Таша. Это, прежде всего, однообразие археологических и палеозоологических материалов во всех слоях. К сожалению, работами 1938-1939 гг. отложения, вмещающие культурные слои, были вскрыты без остатка, так что теперь уже, видимо, невозможно, проведя контрольные раскопки, получить необходимое для радиоуглеродного датирования количество образцов древесного угля.

Второй палеолитический памятник, открытый в горах Байсунтау — грот **Амир-Темир** [Окладников, 1940в; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 64-66]. Он расположен в небольшом одноименном саяе, примерно в 1,5 км

к северу от Тешик-Таша и в 1 км от русла Мачай-Дарьи. Открыт В.Ф. Ломаевым, исследовался в 1938-1939 гг. А.П. Окладниковым. В центральной части грота была заложена семиметровая траншея и вскрыто три культурных слоя. Нижний, третий слой, залегающий на глубине 1 м от дневной поверхности, дал немногочисленные находки, определенные как мустьерские. В их числе подпризматический нуклеус, крупное скребло (обе эти вещи опубликованы). В этом слое были собраны кости горного козла и древесные угли, среди которых определены остатки арчи. По мнению А.П. Окладникова, третий слой Амир-Темира по времени соответствует одному из периодов заселения Тешик-Таша. Это более чем вероятно, но все же прямых данных в пользу такого сопоставления нет.

Противоречивы сообщения о материалах нижнего слоя навеса **Катта-Курган (Мачай)**, расположенного на правом берегу Мачай-Дарьи почти напротив Тешик-Таша и Заутолош-сая, в 70 м над урезом воды [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 68]. Разведочный шурф был заложен здесь в начале 30-х гг. Г.В. Парфеновым. А.П. Окладников, ознакомившись с материалами этих раскопок, усмотрел среди них "мустьерские изделия, аналогичные найденным в Тешик-Таше" [Окладников, 1949а, с. 80; см. также Береговая, 1960, с. 42]. В.А. Ранов, также на основе анализа музейных коллекций, пришел к прямо противоположному выводу, а именно "к убеждению, что мустьерского слоя в данном навесе нет" [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 68].

Богатые и интересные палеолитические материалы открыты и изучены в бассейне р. Зеравшан.

Зеравшан берет начало в высокогорном Тянь-Шане. Длина реки 781 км. В орографическом и гипсометрическом отношении в бассейне Зеравшана выделяются три части: горный Зеравшан (от истока до Пенджикента), Самаркандская впадина (среднее течение реки) и низовья (континентальная дельта). Почти все известные здесь палеолитические памятники, и в том числе все стратифицированные, расположены в среднем течении Зеравшана на территории Самаркандской впадины и окружающих ее горных массивов (предгорья и отроги Зеравшанского и Туркестанского хребтов).

Из среднепалеолитических памятников лучше всего исследован к настоящему времени **Кутурбулак** [Ташкенбаев, 1972, 1973, 1973а, 1975; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980; Джуракулов, Мамедов, 1986 с.58-60; Гречкина, Ташкенбаев, 1990; Шимчак, Гречкина, 1996]. Это многослойная стоянка, находящаяся в 100 км западнее Самарканда, у подножия невысоких (до 1000 м) Зирабулакских гор, завершающих цепь горных массивов западной оконечности Зеравшанского хребта. К руслу Зеравшана обращен северный склон гор, пологий, изрезанный сетью саев и отделенный от реки узкой долиной. В этой долине, вблизи горько-соленого родника Кутурбулак, и находится стоянка. Она была

открыта весной 1971 г. [Ташкеаблев, 1971, 1972а] и исследовалась первоначально в 1971-1972 гг. Площадь раскопа 165 кв. м, за его пределами заложено 7 шурфов, каждый 2 x 2 кв. м. В 1995 г. работы на памятнике возобновились, и к старому раскопу был прирезан новый площадью 5 x 5 кв. м.

Мощность вскрытых отложений до 2.5 м, в нижней части этой толщи (влажная темно-серая глина) начинают уже выступать грунтовые воды. Археологические находки встречаются до глубины 1.7 м. Стратиграфия памятника описывается разными авторами по-разному, в зависимости от того считают ли они культурный материал переотложенным с более высокой террасы [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 88-89; Несмеянов, 1977, с. 220; 1978, с. 108-109; Медведев, Несмеянов, 1988, с. 139-140] или же претерпевшим лишь частичное и незначительное перемещение на месте своей первоначальной локализации [Тетюхин и др., 1978; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 11-18]. Основным аргументом в пользу первой точки зрения служит ненарушенность структуры (тонкая слоистость) супесчаных и песчано-гравийных отложений, но более весомыми представляются факты, на которые опираются сторонники второй точки зрения. Это, прежде всего, наличие в нижней части отложений ряда компактных зольных прослоек, с которыми связаны, судя, например, по опубликованному плану третьего культурного горизонта [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, рис. 5, с. 14], пятна повышенной концентрации археологических находок. Впрочем, рассматриваемый вопрос далек пока от окончательного разрешения.

Относительно возраста террасы, с которой связаны отложения, вмещающие археологический материал, среди специалистов также нет единого мнения. По Г.Ф. Тетюхину, это позднеплейстоценовая терраса, по С.А. Несмеянову — позднеташкентская, первоначально же, до сноса, как он полагает, материал локализовался близ бровки раннеташкентской террасы.

Исследователи, работавшие на памятнике в 70-е гг., выделили пять приуроченных к разным литологическим слоям культурных горизонтов, допуская переотложения на контактах между смежными слоями. По мнению С.А. Несмеянова, говорить следует лишь о горизонтах вторичной концентрации культурных остатков, разделение которых связано со стратиграфическим расчленением разреза, “поскольку вряд ли можно действительно проследить... разделяющую их стерильную прослойку” [Несмеянов, 1978, с. 108]. Если последнее положение верно, что весьма вероятно, то при анализе материала следует учитывать условность комплексов, относимых к пяти разным горизонтам. В пользу этого свидетельствуют и результаты последних работ, показавшие, “что ранее выделенные верхние слои I-IV были механически перемешаны”, и лишь слой V, залегающий в травертиновой линзе и соответствующем ей стратиграфически опесчаненном известняке, дает “однородный бо-

гатый комплекс среднепалеолитического времени” [Шимчак, Гречкина, 1996, с. 67].

В отложениях Кутурбулака сохранились фаунистические остатки. Среди определяемых костей почти половина (49.3%) принадлежит лошади (*Equus caballus*). Встречены также останки тура-быка (*Bos auf Bison*), кулана (*Equus hemionus*), оленя (*Cervus elaphus*). Интересна находка фрагментов челюсти слона, который был определен первоначально как трогонтериевый, что предполагало бы раннеплейстоценовый возраст. Вероятно, эта челюсть либо намного древнее вмещающих отложений, либо же принадлежала хазарскому мамонту, являющемуся прямым потомком раннеплейстоценового трогонтериевого слона [Дуброво, 1966; Гарутт, 1972, с. 45]. Несколько местонахождений остатков хазарского мамонта известно в Южном Казахстане [Жылкибаев, 1975, с. 60-77].

Если фауна Кутурбулака по видовому составу сравнительно небогата, то археологический материал — каменные изделия, — напротив, очень разнообразен. В коллекции около 8 тыс. предметов (без учета находок 1995 г.). В качестве сырья использовалась преимущественно (три четверти всех изделий) диоритовая (плотный мелкозернистый кварцевый песчаник) галька, в изобилии встречающаяся в пойме Зеравшана, в 6 км к северу от памятника. Там же брали и кварцитовую гальку — материал гораздо менее качественный, но составляющий, тем не менее, примерно пятую часть коллекции. Наконец, в небольшом количестве представлены изделия из кремня, выходы которого находились в 3-5 км к югу от Кутурбулака, в горах.

Даже беглый просмотр коллекции убеждает, сколь велико влияние исходного сырья на облик индустрии. Кварцитовая ее часть кажется гораздо более архаичной по сравнению с диоритовой, не говоря уже о кремневой. Это отмечают и исследователи памятника. Характерно, что на 1 кварцитовый нуклеус приходится лишь 1.3 сколов и орудий, тогда как для прочих пород этот показатель 1:7.8 [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 54]. Изучение кварцитового комплекса 3-го слоя показало “полное отсутствие среди сколов пластин” [Гречкина, Ташкенбаев, 1990, с. 134]. Сравнительно мало среди кварцитовых сколов и экземпляров со вторичной обработкой, причем последние представлены в основном отщепами с ретушью и выемчатыми изделиями (есть также скребла различных форм и скребки на небольших округлых отщепах). При описании и общей характеристике индустрии Кутурбулака кварцитовый инвентарь, практически, не учитывался (исключение в этом отношении составляет только комплекс 3-го слоя), приводимые ниже количественные данные касаются лишь изделий из других пород.

Нуклеусов в коллекции 684, из них почти половина дисковидных с радиальной системой снятий. Дисковидные нуклеусы в подавляющем большинстве односторонние, на многих с тыльной стороны, сохра-

няющей в центре галечную корку, оформлены ударные площадки (рис. XVIII: 13). Обычны для Кутурбулака двухплощадочные нуклеусы встречного скалывания (рис. XVIII: 14, 16), одноплощадочные параллельного скалывания. Кроме того, исследователи этого памятника выделяют в коллекции веерообразные, ортогональные, треугольные, леваллуазские и бессистемные нуклеусы. Каких-либо различий по слоям между нуклеусами не прослеживается. Среди заготовок 27% составляют пластины (в подсчет не включались первичные сколы и трудноопределимые обломки и осколки), половина из которых характеризуется параллельной огранкой спинок; 15% отщепов также имеют параллельную огранку, и столько же подпараллельную. Значительная часть изделий со вторичной обработкой, судя по описаниям и рисункам, изготовлена на пластинах или на отщепках с параллельной и близкой к таковой огранкой. От нижних слоев к верхним прослеживается, как будто бы, устойчивый рост доли сколов с параллельной огранкой; в то же время процент пластин изменяется ненаправленно. Ударные площадки сколов при анализе были обойдены вниманием, хотя в ранних публикациях Н.Х. Ташкенбаева [1973а, с. 220] говорится о малочисленности фасетированных площадок.

Отличительной особенностью индустрии Кутурбулака является высокий процент изделий со вторичной обработкой (включая сюда и галечные орудия): они составляют почти две трети (64%) всей коллекции (не считая первичных сколов и неидентифицируемых предметов). Даже если считать, что число их завышено — а это, видимо, так, поскольку к изделиям со вторичной обработкой были отнесены многочисленные предметы, для которых предполагается намеренное фрагментирование (что трудно проверить) и даже просто расколотые гальки, — то и тогда наличие на большинстве сколов, прежде всего пластин, ретуши остается фактом. Среди орудий на сколах внимание привлекают прежде всего остроконечники (рис. XVIII: 4, 7), и гораздо менее многочисленная, но хорошо выраженная типологически группа лимасов (рис. XVIII: 6). Скребла в целом не столь заметны: они представлены, с одной стороны, массивными орудиями на расколотых вдоль и ретушированных затем по одному или обоим краям гальках (рис. XVIII: 11, 12), а с другой, изделиями на заготовках пластинчатых пропорций. Среди последних имеются двойные скребла (рис. XVIII: 10, 15), но конвергентные и угловатые формы, судя по описаниям и рисункам в публикациях, не характерны. Интересно орудие, морфологически промежуточное между скреблом и лимасом (рис. XVIII: 5). Многими сотнями экземпляров представлены в коллекции Кутурбулака ретушированные пластины (711 экз.) и отщепы (502 экз.), не определимые типологически более точно. В эту же группу следует, видимо, зачислить и выделяемые Р.Х. Сулеймановым скобели и струги — их морфологическая обособленность сомнительна, а трасологически материал Кутурбу-

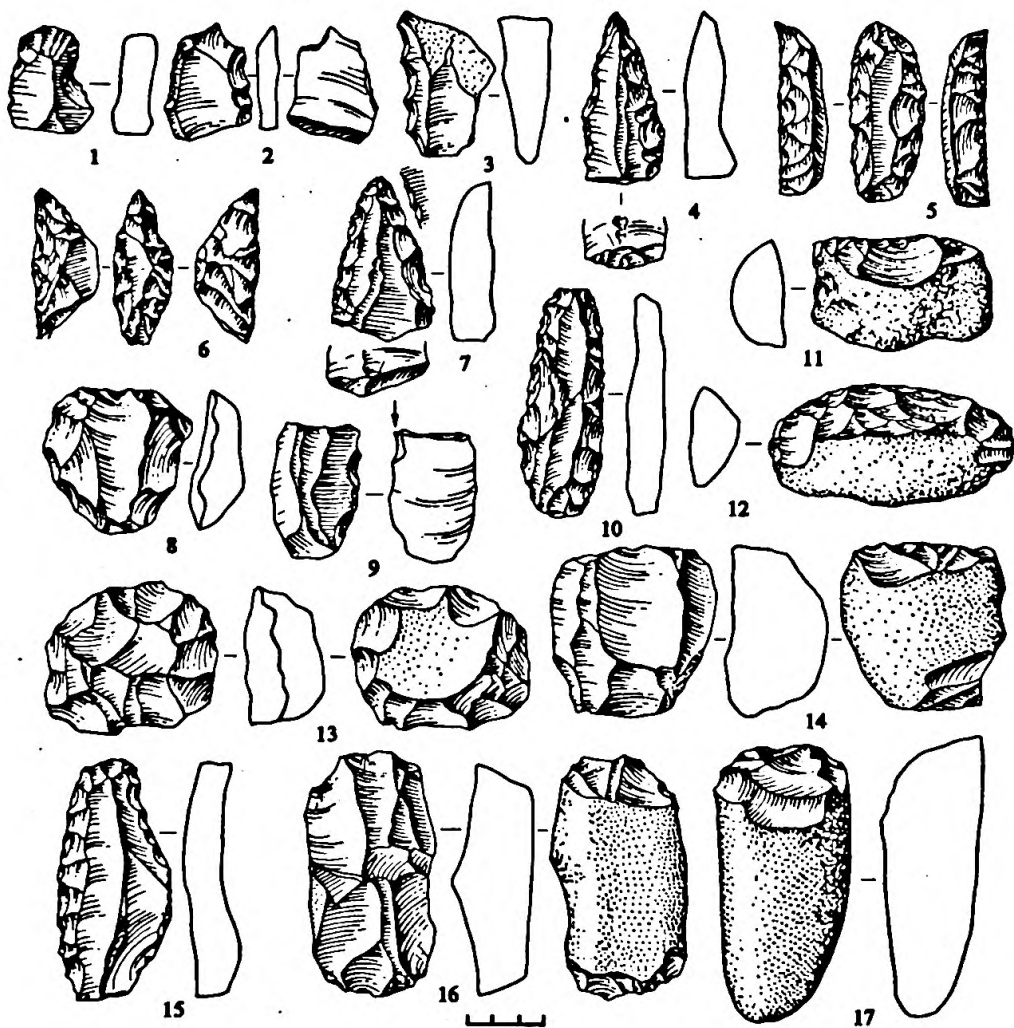

Рис. XVIII. Кутурбулак. Орудия (1-7, 9-12, 15, 17) и нуклеусы (8, 13, 14, 16).
По Н.Х. Ташкенбасву и Р.Х. Сулейманову, 1980.

лака не изучался. Часть так называемых стругов скорее следует рассматривать как долотовидные орудия. Несомненно присутствие в коллекции немногочисленных проколов, скребков и резцов (рис. XVIII: 1, 2, 9). Среди ретушированных отщепов, особенно мелких, аморфных, могут быть выделены также выемчатые и зубчатые орудия (рис. XVIII: 3). Кроме изделий на сколах имеется около сотни галечных орудий типа чопперов (рис. XVIII: 17) и чоппингов (не исключено, впрочем, что многие из них — не более чем пробные нуклеусы или пренуклеусы), что при данном характере сырья (галька) вполне закономерно. В качестве приема вторичной обработки кроме ретуши, усечения, резцового скола и фрагментации иногда использовалась подтеска с брышка. Она встречается на ретушированных пластинах и отщепах, а иногда и на остроконечниках (рис. XVIII: 4). Состав изделий со вторичной обработкой в разных слоях в целом одинаков, о каких-либо тенденциях развития в этом смысле говорить не приходится.

Лицо индустрии Кутурбулака определяется следующими чертами. В технологии расщепления главное — отчетливо различимое при анализе нуклеусов и сколов стремление к получению заготовок пластинчатых пропорций, с продольным краем максимально возможной при данном виде сырья длины. Такому выводу, казалось бы, противоречит преобладание дисковидных нуклеусов, но следует учитывать, что среди них много остаточных, сработанных до предела. Радиальная система снятий на таких вещах появлялась, видимо, лишь на заключительных стадиях расщепления, тогда как первоначально производилось параллельное или встречное скалывание, в процессе которого менялись пропорции нуклеуса, а ударные площадки передвигались по краю. О такой возможности пишут и исследователи памятника [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 57]. Она тем более вероятна, что характернейшей особенностью индустрии Кутурбулака является чрезвычайно экономное использование сырья (мелкозернистых пород), о чем говорят и необычайно большой процент изделий со вторичной обработкой, и наличие среди них немалого числа вещей, подвергшихся весьма интенсивной, формообразующей обработке, и стремление использовать даже массу мелких, аморфных сколов. Неудивительно поэтому, что и нуклеусы срабатывались до предела. Кроме того, не вызывает сомнения, что часть дисковидных нуклеусов — это использованные черепаховидные ядрища для пуантов и пластин. Последние сохранились и в своих классических формах (рис. XVIII: 8). Характерными чертами индустрии Кутурбулака являются также разнообразие форм вторичной обработки, зубчатый характер ретуши на ряде изделий, разнообразие форм орудий и наличие среди них столь специфических, как лимасы, ретушированные пластины с подтеской и остроконечники с подтеской основания. Наконец, отметим галечные орудия и орудия, формально относимые к верхнепалеолитической груп-

пе, но в Кутурбулаке сохраняющие в большинстве своем еще обычный для среднего палеолита облик (скребки, резцы).

В.А. Ранов относит Кутурбулак к группе памятников среднеазиатского типичного мустье, наряду с Тешик-Ташем, Семиганчем, Огзи-Кичиком. Р.Х. Сулейманов и Н.Х. Ташкенбаев включают его в Оби-Рахматскую культуру, куда по Р.Х. Сулейманову входят также Оби-Рахмат, Тешик-Таш, мустье Ферганы и т. д.

Что касается типа памятника, то, скорее всего, Кутурбулак следует рассматривать как долговременную стоянку. Об этом говорят как место ее расположения — у родника, в тыльной части террасы (если только материал не снесен сверху), — так и интенсивность сработанности нуклеусов и обработки орудий.

На основе имеющихся естественнонаучных данных трудно датировать Кутурбулак сколько-нибудь точно. Для этого необходимо решить вопрос о том, с какой все-таки террасой был изначально связан материал, переотложен ли он сверху или претерпел лишь незначительное перемещение на уровне своего нынешнего залегания. С несколько большей определенностью позволяют в этом случае судить о геологическом возрасте памятника археологические данные, которые, по крайней мере, исключают отнесение его к среднему плейстоцену. Хронологическая разница между низами и верхами отложений, вмещающих культурные остатки, видимо, невелика, о чем, впрочем, можно пока судить лишь на основе однообразия материала всех слоев. В 1995 г. в ходе новых раскопок Кутурбулака были взяты образцы травертина и костного материала для датирования по урану-торию и фтор-хлор-апатитовым методом.

В 1 км к востоку от Кутурбулака находится другой, не менее интересный, но гораздо хуже пока изученный палеолитический памятник — Зирабулак [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 61-66; Ташкенбаев, 1987; Гречкина 1990]. Он расположен у одноименного родника близ подножья Зирабулакских гор. Открыт в 1971 г. Н.Х. Ташкенбаевым, шурфовка и раскопки проводились им же в 1972, 1978 и 1984 гг. Сообщается также, что в 1974-1977 гг. памятник исследовался кафедрой археологии Самаркандского университета, “но данные о результатах этих работ в печати отсутствуют” [Гречкина, 1990, с. 13].

Основной раскоп, площадью 32 кв. м, был заложен в 50 м западнее родника. В шурфах и раскопе находки связаны в основном с суглинками и супесями зеленовато-желтого цвета, генезис которых неясен. Согласно одной из возможных точек зрения, не обоснованной пока в должной мере, они представляют собой пролювиальные образования среднечетвертичной террасы [Ташкенбаев, 1979]. Отложения, содержащие палеолитические изделия, были сильно нарушены строительными работами в историческое время. Из-за этого, а также из-за недостаточной исследованности памятника и противоречивости

имеющихся публикаций нет пока возможности составить сколько-нибудь отчетливое представление о распределении находок по вертикали, о существовании зон или уровней их концентрации. Глубина залегания основной части материала около 2 м и более, но на такой же глубине встречается и средневековая керамика, тогда как довольно много каменных артефактов собрано непосредственно на поверхности. О наличии фаунистических остатков данных нет.

В целом материал Зирабулака, в коллекции которого около 1000 изделий, близок кутурбулакскому. Это отмечают и исследователи обоих памятников [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 65]. В Зирабулаке использовалось то же сырье (плюс кремнистый известняк и сланец), выделялись орудия тех же форм. Обычны односторонние дисковидные нуклеусы, не менее характерны нуклеусы параллельного и встречного скалывания. Неплохо представлены остроконечники (в том числе имеются экземпляры с подтеской основания), скребла (как правило, простые, но есть также двойные и угловатое), много пластин и отщепов с ретушью, встречаются выемчатые изделия и скребки. Столь же сильно, как и в Кутурбулаке, а может быть, даже сильнее, различаются изделия из разных пород. Рассматривая кремневый компонент индустрии Зирабулака изолированно, можно прийти к заключению о верхнепалеолитическом возрасте коллекции (типичные, как с призматического нуклеуса, пластины, острия, скребки). Возможно, она действительно содержит значительную примесь более позднего, чем мустьерский, материала.

Материалы, относимые к среднему палеолиту, были обнаружены также в пещерах. Все они связаны с западными отрогами Зеравшанского хребта.

Раньше других, в 1947 г., была открыта пещера **Аман-Кутан** [Лев, 1949, 1949а, 1956; Бибилова, 1958; Левен, 1958; Юрьев, 1964; Ранов, Неамеянов, 1973, с. 87; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 66-68; Джуракулов, Мамедов, 1986, с. 56-57]. Она исследовалась Д.Н. Левом до 1957 г. и раскопана целиком. Расположена в горах Чакулкалян на высоте около 1300 м над уровнем моря, в 45 км к югу от Самарканда. Пещера карстовая, коридорного типа. Вход в нее имеет ширину 1.5 м и высоту 0.9 м. Далее пещера расширяется до 2.5 м, а свод ее достигает высоты 2.6 м.

Пещерные отложения были сконцентрированы у входа. Находки содержались в туфах и пещерной глине, покрытых натечной коркой. Мощность напластований, вмещающих культурные остатки, от 0.25 до 1.5 м. Выявлены следы кострищ и очагов, собрана богатая коллекция фаунистических материалов. Последние представлены в основном мелкими фрагментами костей, которые определимы менее чем в половине случаев. Шестьдесят процентов определимых костей принадлежат муфлону (*Ovis orientalis*) — это останки не менее чем 116 особей. Отно-

сительно многочисленны также остатки бурого медведя (*Ursus arctos*) и марала (*Cervus elaphus canadensis*). Кроме того, встречаются кости сибирской косули (*Capreolus pygargus*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*), пещерной гиены (*Crocota spelaea*), лисицы (*Vulpes vulpes kargan*), кулана (*Equus hemionus*) и еще примерно полтора десятков видов млекопитающих, в том числе грызунов (сурок, суслик, слепушонка). Кроме млекопитающих, в составе фауны два вида птиц и степная черепаха (*Testudo horsfieldi*), остатки которой довольно многочисленны (843 определимых кости от не менее чем 105 особей). Палеозоологические данные указывают, по мнению В.И. Бибиковой, на значительное развитие в районе открытых травянистых пространств, перемежающихся с древесной и кустарниковой растительностью.

Коллекция каменных изделий невелика, она включает немногим более 200 предметов из кремня, кремнистого известняка, диорита и кварцита. Нуклеусы представлены в основном пробными экземплярами или обломками, но есть и выразительное дисковидное ядрище. Пластинчатые сколы занимают подчиненное положение, пластин в собственном смысле нет. Преобладают отщепы и их обломки. Часть отщепов с ретушью. Имеются простые выпуклые скребла. Листовидные формы, наличие которых отмечено и Д.Н. Левом, и Р.Х. Сулеймановым с Н.Х. Ташкенбаевым, возможно, случайны (один и тот же предмет из этой группы изображается названными авторами очень по-разному: ср. Лев, 1949, рис. 11 и Сулейманов, Ташкенбаев, 1980, табл. ХLI: 5). Сообщается также об остроконечниках, скребках, и проколках, но рисунков таких орудий в публикациях нет.

Р.Х. Сулейманов и Н.Х. Ташкенбаев считают, что каменный инвентарь Аман-Кутана близок материалам Кутурбулака [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 68, 71]. По М. Габори, напротив, эта индустрия является довольно архаичной (древнее мустье) и выглядит чужеродной среди других среднеазиатских памятников. Видимо, наличие в Аман-Кутане форм, напоминающих обломки листовидных орудий, навело этого исследователя на мысль о том, что далекие (территориально) аналогии можно искать среди центральноевропейских индустрий эпохи ресс-вюрма [Gabori, 1988, p. 288-289]. З.А. Абрамова, вслед за Д.Н. Левом, допускает, что материалы Аман-Кутана близки тешикташским [Абрамова, 1984, с. 149]. После просмотра коллекции складывается впечатление, что индустрию Аман-Кутана в значительной степени огрубляет, архаизирует преобладание кварцитового сырья. Это же, наряду с малым числом изделий вообще и выразительных форм среди них, в частности, затрудняет скольконибудь обоснованные сопоставления. С определенной степенью уверенности можно говорить лишь о том, что пещера Аман-Кутан, где на одно каменное изделие приходится около 80 костей животных, служила охотничьим лагерем [Любин, 1970, с. 36]. Небольшие раз-

меры пещеры также свидетельствуют в пользу именно такого ее использования.

Проводившиеся разными специалистами геологические исследования (Н.П. Костенко, А.А. Юрьев, С.А. Несмеянов), как и анализ видового состава фауны Аман-Кутана, не позволяют однозначно определить возраст отложений, вмещающих культурные остатки. В общем высказывавшиеся по данному вопросу мнения сводятся к тому, что эти отложения сформировались либо в конце среднего плейстоцена, либо в начале позднего.

Пещера **Такаликсай** [Лев, 1953, 1957; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 68-69], открытая и исследованная Д.Н. Левом в 1951-1952 гг., находится в 50 км к юго-востоку от Самарканда. Пещера карстовая, образована в массиве мраморизованных известняков на высоте более 2000 м над уровнем моря. Культурные остатки залежали в лессовидном суглинке. Вместе с древесными угольками и фрагментами костей животных найдены 3 отщеп (два кварцитовых, один диоритовый) и 2 мелких кварцевых осколка. Какие-либо сопоставления на основе столь скудного материала невозможны, хотя Д.Н. Лев сближал Такаликсай с Тешик-Ташем [Лев, 1967, с. 107], а Н.Х. Ташкенбаев и Р.Х. Сулейманов [1980, с. 69, 71] с Кутурбулаком. Строго говоря, даже археологический возраст находок в Такаликсае остается под вопросом.

Пещера **Гурдара** [Ташкенбаев, 1969; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 66] расположена на северном склоне Заравшанского хребта в 75 км к юго-востоку от Самарканда. Исследовалась в 1966 г. Н.Х. Ташкенбаевым, заложившим здесь шурф 3 x 2 м, глубиной до 3 м. На глубине 2-2.3 м в суглинке темно-зеленого цвета найдены кости животных, 4 кремневых отщеп и сланцевое скребло с выпукло-вогнутым рабочим краем, оформленным крутой чешуйчатой ретушью. Культурно-хронологическая привязка этих материалов столь же сложна, как и в предыдущем случае (Такаликсай).

Находки единичных каменных изделий, относимых к среднему палеолиту, были в разные годы сделаны в ряде пунктов на территории г. Самарканда и близ него. В 1940 г. в селевых отложениях оврага, впадающего в арык Сиабча, Г.В. Григорьев обнаружил остроконечник и отщеп [Григорьев, 1941]. В 1963 г. при строительстве дома по улице **Дагбитской** найдено "скребло мустьерского облика" из отщеп, сколотого с зеленой кремневой гальки [Лев, 1965, с. 22]. Коллекция из более чем 30 каменных изделий, включающих нуклеусы дисковидной формы, отщепы, скребла "с типично мустьерской ретушью" собрана в 1967-1970 гг. на территории городища **Афрасиаб** [Ташкенбаев, 1974]. На левом берегу канала **Даргом**, в 4-х км южнее Самарканда, найден, как сообщается "кремневый отщеп светло-коричневого цвета архаичного облика", залежавший на уровне 2 м от дневной поверхности [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 4]. Наконец, в 50 км восточнее Самарканда,

близ **Ургута**, Н.Х. Ташкенбаевым в 1965 г. собрана небольшая коллекция кремневых артефактов, датируемых им финальным мустье [Ташкенбаев, 1969].

Имеются сообщения о находках предположительно среднепалеолитических изделий и за пределами Самаркандской впадины, в соседних с ней районах. На юге это остроконечник (скребло?) из обнажения одной из террас **Танхыз-Дарьи** [Тетюхин, Уткина, 1961], на западе — пластина, поднятая с поверхности “аллювиальной пластообразной возвышенности” в окрестностях неолитической стоянки **Дарбаза-Кыр** [Сулейманов, 1964] в низовьях Зеравшана, на востоке — отдельные артефакты из сборов Б.И. Маршака (1962 г.) и В.А. Ранова (1966 г.) на **Маргидарском** канале и у поселка **Айни** [Ранов, 1978а], примерно в 25 км выше Пенджикента. Среди находок Б.И. Маршака особо отмечен “незавершенный обработкой небольшой бифас, близкий к листовидным двустороннеобработанным остроконечникам [там же, с. 16].

Обоюмком стоят материалы каратауских кремнеобрабатывающих мастерских **Учтут**, **Вауш** и **Иджонт** [Касымов, 1972; Мирсаатов, 1977], находящихся примерно в 200 км к северо-западу от Самарканда, в отрогах Нурагинского хребта. Эти местонахождения расположены по соседству друг с другом, у выходов кремня и окремненного известняка. Среди десятков тысяч изделий, собранных здесь за долгие годы исследований (начиная с 1958 г.), принято выделять разновозрастные комплексы — мустьерский, позднепалеолитический и неолитический, а для Учтута, давшего наиболее многочисленную коллекцию, даже ашело-мустьерский. По публикациям трудно судить, насколько такое разделение правомерно, но хронологическая неоднородность материала сомнений не вызывает. Допустим и среднепалеолитический возраст части изделий (в подавляющем большинстве своем это сколы и обломки, кроме них есть невыразительные нуклеусы, скребловидные и скребковидные орудия, отщепы с ретушью), хотя остается непонятным, что дает основания говорить о наличии ашельского компонента: сколь бы ни сильна была стелень патинизированности и окатанности отдельных артефактов, характерные для ашеля формы среди них пока не описаны.

Помимо среднепалеолитических памятников, в бассейне Зеравшана открыто несколько верхнепалеолитических. Здесь расположен и наиболее известный из среднеазиатских верхнепалеолитических памятников — **Самаркандская** стоянка [Лев, 1965, 1972; Ранов, 1969; Джуракулов, 1987, 1992, с. 27-32; Джуракулов, Холюшкин, 1972; Джуракулов и др., 1980; Джуракулов, Мамедов, 1986, с. 63-65, Коробкова, 1972, Несмеянов, 1980; Иванова, Несмеянов, 1980; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 86-91]. Она находится в черте г. Самарканда, на территории парка, и связана с правым бортом сая Чашмасиаб. Первые палеолитические изделия были собраны здесь Н.Г. Харламовым в 1939

г., в том же году Н.Г. Харламов, а затем М.В. Воеводский заложили несколько шурфов в месте находок. Второй этап исследований связан с именем Д.Н. Лева: под его руководством раскопки велись с 1958 г. по 1967 г. В 1970-1973 гг, полевые исследования продолжали Е.Н. Амарцева и М.Д. Джуракулов. В разные годы в работах на памятнике принимали участие геологи В.В. Шумов, А.А. Юрьев, Г.Ф. Тетюхин и С.А. Несмеянов.

Несмотря на то, что, пожалуй, никакому другому палеолитическому памятнику Средней Азии не посвящено такого количества публикаций, как Самаркандской стоянке, составить целостное представление о происходящих отсюда материалах очень трудно. Данные разбросаны по десяткам статей, порой не слишком информативных, а столь необходимая сводная работа отсутствует. Недавняя попытка монографического описания памятника [Джуракулов, 1987] свелась, по сути, к анализу немногих избранных категорий орудий и рассмотрению ряда общих вопросов. В книге нет сведений о количестве и составе находок, нет планов и разрезов, а кроме того, содержится огромное количество неточностей и взаимно противоречивых утверждений. Достаточно подробно и связно охарактеризованы в литературе лишь условия залегания культурных остатков на Самаркандской (прежде всего, благодаря статьям С.А. Несмеянова), но и здесь до желаемой ясности еще очень далеко. Геологическая ситуация в районе стоянки сильно осложнена разного рода техногенными нарушениями исторического времени; дополнительные трудности возникают также и вследствие недостаточно точной фиксации процесса раскопок, что затрудняет корреляцию разрезов разных лет.

Раскопами, общая площадь которых за все время работ достигла примерно 1000 кв. м, затронуты покровные отложения двух террас: нижняя из них возвышается над дном сая на 10 м, а верхняя на 15-17 м. Первоначально раскопки велись лишь на нижней террасе, где выделяли три культурных слоя, залежавших, главным образом, в темных суглинках делювиального происхождения. Позже культурные остатки были обнаружены и в разрезе верхней террасы.

Исследования, проведенные С.А. Несмеяновым, показали, что традиционная трактовка памятника как трехслойного является слишком упрощенной: она во многом есть результат несовершенства методики раскопок и, прежде всего, фиксации. На Самаркандской стоянке нет культурного слоя в собственном смысле, здесь можно выделять лишь некие уровни максимального заселения, каждый из которых представляет собой совокупность сближенных и расщепляющихся реальных культурных прослоев весьма локального распространения. Таких уровней для нижней террасы намечено четыре. Кроме каменных изделий, здесь концентрируются обломки костей, угля, кусочки охры, а местами встречаются и кострища.

Материалы из покровной толщи верхней террасы немногочисленны и более однообразны. Отмечаются следы кострищ, но они не сопровождаются скоплениями костей и других находок. Сообщается также, что происходящие отсюда артефакты типологически невыразительны. С.А. Несмеянов выделяет для верхней террасы три условных культурных слоя и сопоставляет их со слоями (уровнями) нижней террасы. Опираясь, прежде всего, на споро-пыльцевые данные, он предполагает, что два верхних слоя (пятый и шестой) высокой террасы сформировались в целом одновременно с четырьмя слоями (1-4) террасы низкой, тогда как слой 7 (нижний слой верхней террасы) является наиболее древним из всех известных на памятнике археологических образований.

В процессе раскопок Самаркандской стоянки получен богатый фаунистический материал. Определимыми оказались более трех тысяч костей и костных фрагментов, что дает вполне представительную выборку для характеристики видового состава позвоночных. Наиболее многочисленны остатки лошади (*Equus cf. przewalskii*) — они составляют половину фаунистической коллекции. Далее следуют плейстоценовый осел (*Equus hydruntinus*) и первобытный тур (*Bos primigenius*) — примерно каждая третья из определимых костей относится к одному из этих двух видов. Сравнительно малочисленны остатки верблюда Кноблоха (*Camelus knoblochi*), бухарского оленя (*Cervus elaphus bactrianus*) и степного барана (*Ovis arcal*), единичными костями представлены джейран (*Gazella subgutturosa*), кабан (*Sus scrofa*), волк (*Canis lupus*) и кулан (*Equus hemionus*). Имеются также трудноопределимые фрагменты трубчатых костей слона или носорога и незначительное число остатков птиц и черепах. Судя по фауне, в окрестностях стоянки преобладали полупустынный и степной ландшафты, которые дополнялись участками тугайной растительности в долинах рек.

Кроме палеозоологических, на памятнике в разные годы были сделаны и антропологические находки. Однако, ни одна из человеческих костей, по заключению С.А. Несмеянова, не может быть безоговорочно связана с отложениями палеолитического времени [Несмеянов, 1980, с. 43]. Согласно определениям антропологов, изученные ими кости принадлежат людям современного физического типа [Гинзбург, Гохман 1974].

Очень интересен и своеобразен каменный инвентарь Самаркандской. К сожалению, как уже говорилось, точные данные о количестве и составе находок за все годы отсутствуют. Значительные трудности при анализе индустрии памятника возникают и в связи с недостаточно точной стратиграфической привязкой многих находок, неясностью соотношения коллекций из разных раскопов и разных лет работ. Последовательные описания каменных изделий, даваемые в ряде публикаций, не вызывают большого доверия, поскольку культурные слои, скорее

всего, выделялись неверно. В идеале, материал собранный в каждом из прослоев локального простирания (по Несмеянову), представляющих собой, видимо, следы отдельных эпизодов обитания, должен изучаться отдельно, и лишь на основе сопоставления таких комплексов возможна характеристика индустрии в целом (если она действительно представляет собой одно целое). Однако, идеал этот, по понятным причинам, теперь уже недостижим (если не иметь в виду новых раскопок). Поэтому уместным будет ограничиться краткой суммарной характеристикой инвентаря памятника, помня при этом о его возможной генетической и даже хронологической неоднородности.

В качестве сырья для изготовления каменных изделий обитатели Самаркандской стоянки использовали, главным образом, кремьень, а в ряде случаев также халцедон, диорит, кварц, кварцит и кремнистый сланец. По мнению Д.Н. Лева, большинство этих пород добывались на берегу р. Зеравшан у возвышенности Чупаната. Часто в качестве исходного материала употреблялась речная галька. Отмечается сравнительно невысокое, как правило, качество сырья.

Каменные изделия в коллекции исчисляются тысячами, но специальные подсчеты проводились лишь для материалов, полученных с 1958 г. по 1966 г. По данным Д.Н. Лева, за эти годы в заложенных им раскопах собрано около 2.5 тысяч артефактов.

Среди нуклеусов наиболее многочисленны одно- и двухплощадочные параллельного и встречного скалывания, которые оформлялись чаще всего на расколотых пополам гальках. Нередки дисковидные односторонние нуклеусы — они также, как правило, галечные. Собственно призматических нуклеусов, практически нет, но встречаются близкие к клиновидным формам торцовые ядрища, а также конусовидные.

Сколы представлены в основном отщепами. Пластины не столь многочисленны и в большинстве своем сильно преобразованы вторичной обработкой (рис. XIX-A: 17-21, 23-26). Встречаются пластины со множественными ретушными выемками (рис. XIX-A: 17), с намечающимся черешком (рис. XIX-A: 23, 24), некоторые из них обработаны по всему периметру. Есть формы близкие удлинненным сотроконечникам (рис. XIX-A: 26).

Не только ретушированные пластины, но и орудия вообще весьма разнообразны, причем разнообразие форм свойственно и для изделий одной категории. Так, скребки, составляющие самую многочисленную группу орудий (рис. XIX: 1-16; XX: 5-7), делятся на концевые на пластинах и пластинках, микроскребки, скребки высокой формы ладьевидные и нуклевидные, скребки на отщепе с ретушью по всему или почти по всему периметру. Хорошо представлены скребла (рис. XIX-A: 22, 27-30; XX: 8), значение которых для характеристики индустрии Самаркандской иногда недооценивается. Роль этих орудий в

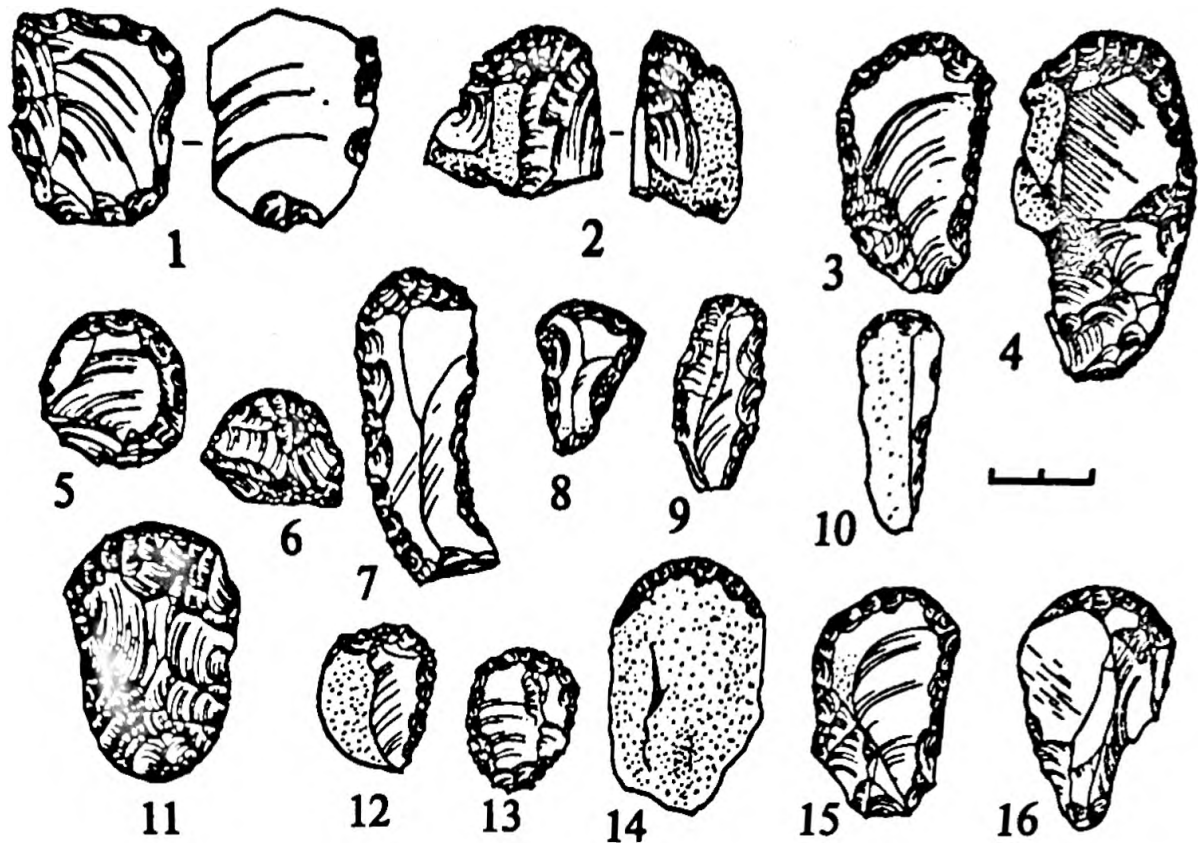

Рис. XIX. Самаркандская стоянка. Скребки. По М.Д. Джуракулову, 1987.

инвентаре памятника показана М.Д. Джуракуловым, который отмечает также их несходство со скреблами сибирских верхнепалеолитических памятников [Джуракулов, 1987, с. 59]. Они изготовлены, как правило, на некрупных отщепах, имеют слабовыпуклый рабочий край; встречаются формы близкие к дежете (рис. XIX-А: 29, 30).

Обычны долотовидные орудия (рис. XX: 1), есть также проколки, изделия с резцовыми сколами (рис. XX: 3), ретушированные пластинки (рис. XX: 4). Галечные орудия (рис. XX: 9), видимо, не столь многочисленны, как часто принято думать, тем более, что многие из выделенных в коллекции чопперов и чоппингов являлись, прежде всего (если не исключительно), нуклеусами. Тем не менее, присутствие известного числа подобных орудий несомненно. Кроме перечисленных типов изделий найдены также отбойники, наковальни и т. п.

Существует множество различных точек зрения относительно культурно-хронологической интерпретации памятника. Общим для них является подход к материалам Самаркандской стоянки как к заведомо единому комплексу. Между тем, эта версия, несомненно, очень удобная для археологов, отнюдь не является единственно возможной. Ни

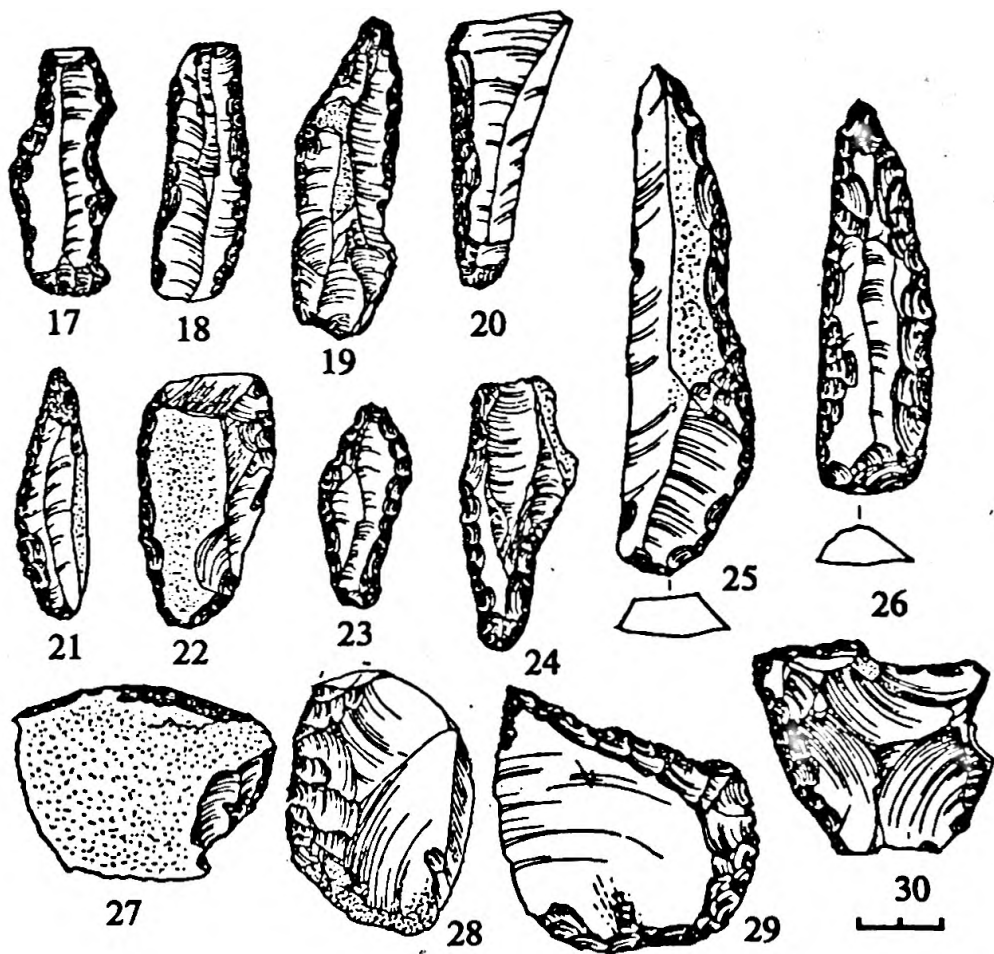

Рис. XIX-А. Самаркандская стоянка. Орудия. По М.Д. Джуракулову, 1987.

хронологическая, ни генетическая близость комплексов различных локальных прослоев и уровней пока никем серьезно не обосновывалась, она принимается, по- существу, априори. Таким образом, нельзя исключать, что правы одновременно и Д.Н. Лев, датировавший памятник началом верхнего палеолита (с этим соглашался П.П. Ефименко, 1964), и В.А. Ранов, отнесший его ко второй половине этой эпохи [Ранов, 1969]. Это же касается и разного рода аналогий, которые одни видели в материалах Мальты, Бурети и Ачинской [Окладников, 1968, с. 149-150], другие в памятниках сибирского верхнего палеолита в целом, третьи, помимо прочего, в коллекции из пакистанской пещеры Сангао [Ранов, 1969, с. 36]. Что касается геологического возраста, то датировка покровных толщ обеих террас самым концом позднего плейс-

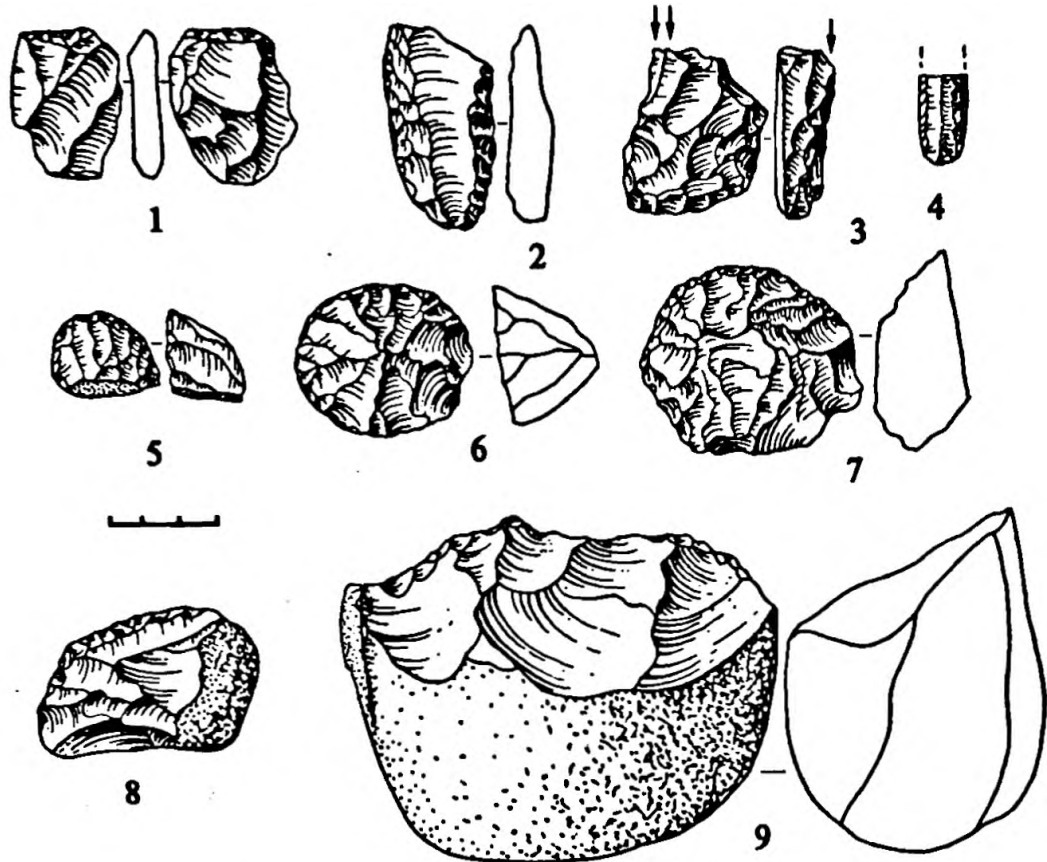

Рис. XX. Самаркандская стоянка. Орудия. По З.А. Абрамовой, 1984а.

тоцена, как и их синхронизация вообще, нуждаются еще в дополнительном обосновании. Во всяком случае, отнесение всей пачки отложений, содержащих культурные остатки, к сырдарьинскому циклу осадконакопления (он, по С.А. Несмеянову, захватывает помимо голоцена и финал позднего плейстоцена) вызывает некоторое сомнение: фауна этих слоев типично плейстоценовая (есть даже остатки слона или носорога), споро-пыльцевые данные крайне скудны, а абсолютные датировки, к сожалению, отсутствуют.

Высказано предложение пересмотреть в свете материалов Самаркандской стоянки традиционные представления о возрасте ряда единичных находок в черте г. Самарканда (скребло с Дагбитской улицы, остроконечник, найденный Г.В. Григорьевым) и датировать их впредь верхним палеолитом [Джуракулов, 1987]. Однако, представляется, что прежде не мешало бы убедиться, что в коллекции самой Самаркандской нет мустьерской примеси.

Очень интересны другие, пока еще малоисследованные, верхнепалеолитические памятники Самаркандской впадины. Один из них — **Сиабча** [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 80-86], расположенный на

северной окраине Самарканда, открыт в 1969 г. У. Алимовым и исследовался Н.Х. Ташкенбаевым. находки происходят из шурфов, где они были встречены в основном в песчанистых отложениях на глубине 2-4.5 м, а также с поверхности (пять пунктов сборов). По мнению С.А. Несмеянова, толща, содержащая культурные остатки, относится к голодностепскому комплексу [Аскарлов, Ташкенбаев, 1970, с. 82]. Материал, переотложенный и, возможно, смешанный, имеет много общего с коллекцией Самаркандской стоянки. Здесь также представлены галечные нуклеусы, встречаются скребки разных типов и скребла, аморфные отщепы укороченных пропорций сочетаются с пластинами и пластинками, а многие из последних обработаны по краям непрерывной ретушью. Могут быть выделены также проколки, долотовидные орудия.

Близки по составу и находки на стоянке **Ходжамазгиль** [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 76-79; Ташкенбаев, 1987], открытой в 1969 г. и с 1981 г. исследуемой Н.Х.Ташкенбаевым. Она расположена в 75 км к юго-востоку от Самарканда у западного подножия Туркестанского хребта. Палеолитические изделия и фрагменты костей животных залегают здесь в плотном суглинке бурого цвета на глубине около 1 м. Возраст отложений определен как голодностепский. Раскопом, достигшим в 1984 г. площади 48 кв. м, вскрыты остатки очага (?), но можно ли в данном случае говорить о наличии культурного слоя пока не ясно.

В коллекции более 500 изделий, в основном из кремня хорошего качества. Нуклеусы одно- и двухплощадочные, часто из галек. Среди сколов, как сообщается, преобладают пластины, встречена масса осколков и чешуек, изделия со вторичной обработкой представлены скребками на укороченных заготовках, долотовидными и галечными орудиями, скреблами.

Кроме трех описанных памятников, изделия, относимые к верхнему палеолиту, обнаружены еще в ряде пунктов в черте Самарканда и за его пределами. Таковы находки в 1.5-2 км к северу от Афрасиабского городища [Ташкенбаев, 1974], в местечке **Раватходжа** в 50 км восточнее Самарканда [Буряков и др., 1972, с. 507], у кишлаков **Гишали** и **Каттакишлак** [Ташкенбаев, 1985] и т. д. Возможно, верхнепалеолитический возраст имеют и некоторые изделия, собранные в горной части Зеравшана, в его верховьях, в частности, находки Б.И. Маршака в **Пенджикенте** и В.А. Ранова на левом берегу р.Магиан у кишлака **Оби-Борик** [Ранов, 1978а].

Палеолитические материалы из юго-западных Кызылкумов, территориально примыкающих к западным отрогам Южного Тянь-Шаня, исследованы А.В. Виноградовым [Виноградов, Мамедов, 1969; Виноградов, 1981]. Они представлены исключительно находками на поверхности и по условиям залегания близки палеолиту Бегарслан-Те-

кеджикского низкогорья (см. главу I, раздел 3). Последнее относится, прежде всего, к местонахождениям **Кызылнура 15** и **16**, а также **Кызылнура 1**, расположенным во впадине Карасыгыр. На этих памятниках получен массовый материал среднепалеолитического (в основной его части) возраста. Среди находок преобладают сколы и обломки, но встречаются хорошо выраженные нуклеусы, в том числе дисковидные, пластинчатые заготовки, скребла, зубчатые орудия. Имеется и бифас, видимо, незаконченный (Кызылнура 1). Как и материалы с Джанака, эти изделия различаются по степени коррозированности, что было использовано А.В. Виноградовым и Э.Д. Мамедовым для выделения разных хронологических комплексов.

Палеолитические и предположительно палеолитические изделия были собраны также в ряде пунктов впадины Аякагитма, в Лявлякане (район Лявляканских озер) и в долине Эчкиликся [Виноградов, 1981, с. 46-53]. На основе анализа морфологии находок и физического состояния их поверхностей большая часть этих материалов отнесена “к мустьерской эпохе” [там же, с. 52]. Верхний палеолит, как считает А.В. Виноградов, на территории Кызылкумов пока по существу не известен [там же, с. 54].

3. Таджикская депрессия.

Обширная тектоническая депрессия на юге Таджикистана ограничена с севера и востока высокогорными сооружениями Тянь-Шаня и Западного Памира, с запада отрогами Гиссарского хребта и с юга долиной Пянджа-Амударьи. Пересекающие зону депрессии горные хребты понижаются с северо-востока, где они достигают высоты 3000-3500 м на юго-запад (1500-2000 м), в этом же направлении происходит и их виргация. Между хребтами находятся долины ряда крупных притоков Амударьи (Вахш, Кафирниган, Кызылсу) и рек, питающих эти притоки (Яхсу, Обимазар и др.). Южный Таджикистан является “наиболее хорошо изученным в области каменного века регионом Средней Азии. Нигде больше... не сконцентрировано на сравнительно небольшой территории столько разновременных памятников, начиная от нижнего палеолита, кончая неолитом” [Ранов, 1987, с. 50]. Здесь, как и в зоне Южного Тянь-Шаня, известны палеолитические памятники разных типов: пещерные, открытые стратифицированные, местонахождения на поверхности. Большое значение имеют палеолитические материалы, происходящие из лессово-почвенных образований Таджикской депрессии.

Лессово-почвенные образования слагают покровы, широко развитые на водоразделах и склонах средневысотных хребтов. Мощность лессовых толщ достигает 200 м, а абсолютные высоты их распространения 2000-2500 м. Они имеют ритмичное строение, что отчетливо

проявляется в чередовании горизонтов лесса и ископаемых почв. Считается, что главным фактором при накоплении лессового материала были в данном случае эоловые процессы, а источником его служила пыль, выносимая ветром в предгорья из пустынь, а также из долин крупных среднеазиатских рек (Амударья, Сырдарья, Зеравшан и др.). Происходило это на протяжении позднего плиоцена и плейстоцена [Додонов, 1986].

Палеолитические находки в лессовых толщах связаны с ископаемыми почвами. Последние наиболее четко выражены в разрезах северной части южного Таджикистана, где они отличаются красновато-бурым цветом и хорошо различимы в разрезах и обнажениях на фоне желтовато-палевых лессов. Мощность горизонтов ископаемых почв составляет 1-2.5 м, а мощность почвенных комплексов, состоящих, как правило, из двух-трех наложенных почв, доходит до 5-6 м. Горизонты лессов, разделяющих почвы, имеют мощность до 10-12 м [Додонов, 1986, с. 16; Лазаренко, 1990].

К концу 1982 г. в лессовых разрезах Таджикской депрессии было зафиксировано, по данным В.А. Ранова, 25 пунктов с находками палеолитических изделий [Ломов, Ранов, 1984, с. 26]. Согласно более поздней информации того же автора число таких точек превысило 30 [Ранов, 1988, с. 103]. Во всех случаях культурный слой отсутствует, артефакты залегают "во взвешенном состоянии", не образуя видимых горизонтов. С ними, практически, не встречено фаунистических остатков, нет очагов, каких-либо элементов организации пространства. Не исключено, что, по крайней мере, в большинстве случаев материал, прежде чем попасть в места своей нынешней концентрации, претерпел под воздействием естественных процессов более или менее значительное перемещение, что, как уже отмечалось [Абрамова, 1984, с. 137], делает безусловным применение для характеристики описываемых памятников термина "стоянка".

Благодаря тому, что многие лессовые разрезы к настоящему времени всесторонне и достаточно детально изучены представителями естественных наук, археологические материалы, происходящие отсюда, могут быть сравнительно надежно датированы. При этом, однако, было бы преждевременно принимать существующие датировки как окончательные, поскольку "определение возраста почв в лессовых разрезах Средней Азии представляет значительные трудности, и пока эта задача не всегда решается однозначно" [Додонов, 1986, с. 61].

Наиболее древние находки, среди известных в лессово-почвенных толщах, происходят из сая Кульдара [Ранов и др. 1987; Ranov, Carbonell, Rodriguez 1995], прорезающего левый борт долины р.Обимазар в 2-х км западнее пос. Лахути. Открыт этот памятник в 1980 г. отрядом, возглавляемым В.А. Рановым. Археологический материал залегают здесь в верхней части 12-й почвы и в основании 11-й. Обе почвы, разделен-

ные карбонатной коркой, находятся в зоне обратной намагниченности Матуяма выше эпизода Харамильо и датируются в пределах 750-850 тысяч лет назад. По стратиграфическому положению материалы Кульдары коррелируют к костеносному горизонту Л-2, выявленному в нижней части разреза Лахути и содержащему фауну, возраст которой определяется интервалом времени, когда в Восточной Европе совершался переход от таманского фаунистического комплекса к тираспольскому. Результаты палинологических исследований также не противоречат выводу о нижнеплейстоценовом/эоплейстоценовом возрасте отложений, содержащих археологический материал.

За четыре года работ на Кульдаре раскопом была вскрыта площадь 65 кв. м. Всего в коллекция 40 предметов, на которых идентифицированы следы искусственного раскалывания. Сырьем служили кварцевые и иные гальки, плитки фельзитпорфира. Артефакты в большинстве своем очень мелкие, длиной 2-5 см, что, возможно, связано с размерами галек (2-3 см, редко 5-10 см), встречающихся вместе с инвентарем Кульдары. Отмечается характерная для всей индустрии аморфность, типологическая невыраженность изделий, что затрудняет описание и вообще характеристику комплекса. Среди находок 2 нуклеуса (рис. XXI: 4, 6), обломки, осколки и отщепы (в том числе 3 цитрона, рис. XXI: 2, 3), обломок с двусторонней обработкой (рис. XXI: 1). Почти на половине вещей В.А. Ранов усматривает вторичную обработку, выделяя среди них, в частности, скребла (рис. XXI: 5), скребки (рис. XXI: 7) и проколки. По мнению этого автора индустрия Кульдары представляет собой особый вариант галечных индустрий, известных на юге Таджикистана, входя в каратаускую галечную культуру.

Между 11-м и 5-м педокомплексами встречены лишь единичные палеолитические изделия, в том числе массивный цитрон в 9-й почве и отщеп в 8-й. Сообщается, что еще 3 пункта находок связаны с 7-й почвой [Ранов, 1987, с. 55]. Эти почвы имеют возраст в пределах 480-280 тысяч лет [там же, с. 56].

Наибольшее количество материалов происходит из 6-го и 5-го педокомплексов. Возраст их, согласно ТЛ датам и комплексу геологических данных оценивается, соответственно, в 200 и 130 тысяч лет [Додонов, 1986]. Более древняя почва сопоставляется с внутририсским (одинцовским) межледниковьем, вторая с ресс-вюрмским [Додонов и др., 1978, с. 95].

С шестым педокомплексом связано около 10 пунктов находок палеолита, в том числе **Каратау 1** [Лазаренко, Ранов, 1975, 1977; Додонов и др., 1978; Ранов, Жуков, 1979; Davis et al., 1980; Ломов, Ранов, 1984; Ранов, Амосова 1990], где и был открыт впервые южнотаджикский лессовый палеолит. Первые находки в Каратау 1 сделаны в 1972 г. А.А. Лазаренко, исследовавшим опорный лессовый разрез на водораздель-

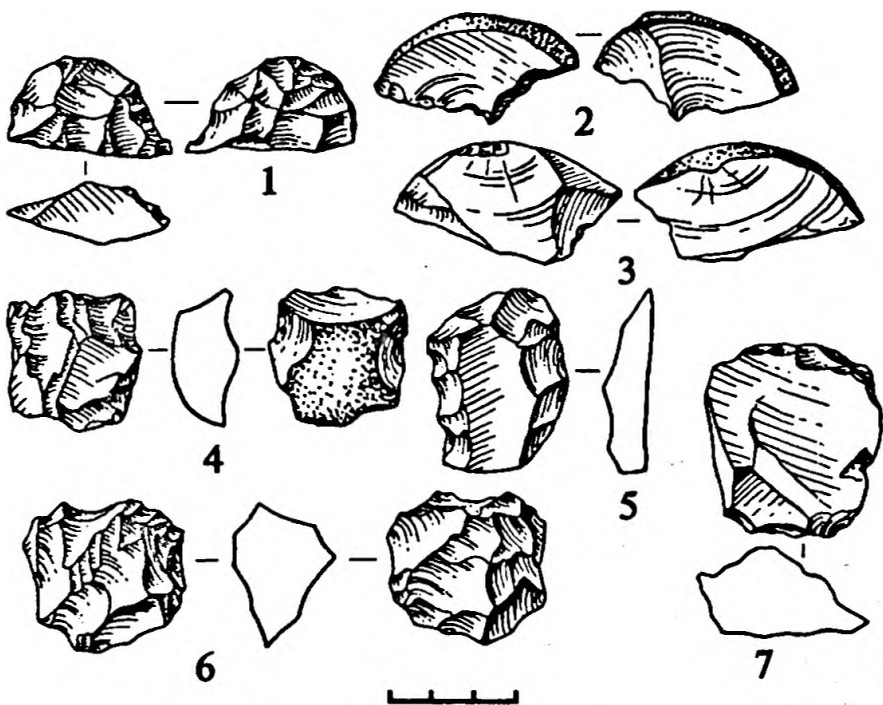

Рис. XXI. Кульдара. Каменные изделия. По В.А. Ранову.

ном гребне в северной части хребта Яванский Каратау в нескольких километрах к западу от Нурека. Раскопочные работы проводились В.А. Рановым. Обработанные камни рассеяны в нижней части погребенной почвы. Предполагается, что артефакты были делювиальным путем перемещены вниз по склону. Менее вероятно, что раскоп затронул периферийную часть стоянки.

К концу 1982 г. вскрытая площадь составила 315 кв. м, а в коллекции было около 500 предметов (артефакты составляли лишь половину этого числа). В последних публикациях говорится о 1000 предметов, из которых 58% — несомненные артефакты, а остальные — манупорты [Ranov, 1993, p. 5]. Сырьем служили в основном окатанные гальки изверженных и метаморфических пород, отсутствующие в районе хребта Каратау, но встречающиеся в аллювии р. Вахш, а также светлосерый кремль, пропластки которого имеются в мел-палеогеновых известняках окружающих хребтов. Большинство вещей сильно патинизированы, но есть и сохранившие свежие поверхности.

Выразительных нуклеусов, практически, нет, за исключением, может быть, единичных экземпляров (рис. XXII: 8), среди которых имеется дисковидное одностороннее ядрище. Преобладают обломки, осколки,

весьма аморфные в массе своей отщепы (рис. XXII: 1-3, 5, 7). Для подавляющего большинства отщепов характерны “гладкие” ударные площадки, образованные одним сколом или естественные (покрытые галечной коркой). Угол между площадкой и поверхностью скалывания составляет, как правило, от 105 до 130°, чаще всего 110°. Огранка спинок бессистемна. Имеются цитроны и близкие им по генезису мелкие клиновидные осколки с галечной коркой на “обушке” (рис. XXII: 6, 10). Изделия со вторичной обработкой в массе своей не имеют четко выраженных признаков и не образуют сколько-нибудь устойчивых типов. Есть крупные обломки с ретушью (рис. XXII: 11). Могут быть выделены несколько скребел на массивных галечных сколах, одно из них двойное. Два предмета В.А. Ранов склонен рассматривать как обломок бифаса (рис. XXII: 4) и до конца неоформленный бифас. Характерны чопперы, среди которых преобладают изделия из целых галек с выпуклым рабочим краем (рис. XXII: 9, 12). Индустрия Каратау 1, давшая название культуре, выделенной по южнотаджикским материалам в нижнем палеолите, характеризуется как “настоящая галечная” с элементами тейяка.

Разрез **Карамайдан**, расположенный в узком глубоком сае на левом берегу р. Джонгоды, притока р. Иляк, в 9 км к северо-западу от поселка Файзабад, исследовался археологами в 1984 г. [Додонов и др., 1989]. Раскоп, вскрывший 6-ю почву на площади 37 кв. м дал коллекцию в 39 каменных предметов. Из них, однако, лишь на семи выявлены явные следы обработки. Исходным материалом служили гальки эффузивных и метаморфических пород, гранодиоритов. Среди находок кубовидный нуклеус, чоппер, отщепы и обломки. Кости, обнаруженные в том же педокомплексе, примерно в полуметре над артефактами, не имеют признаков, по которым их можно было бы связывать с деятельностью человека: следы раскалывания или раздробления отсутствуют.

Из пятого педокомплекса массовый материал получен на разрезе **Лахути 1** [Додонов, Ранов, 1976; Davis et al., 1980; Додонов и др., 1982; Ломов, Ранов, 1984; Ранов, 1986, 1987a], находящемся в устье р. Хошар на правом берегу р. Обимазар в 80 км к востоку от Каратау. Каменные изделия были обнаружены здесь впервые А.Е. Додоновым в 1974 г., а раскопки велись под руководством В.А. Ранова, начиная с 1976 г. Вскрыто 216 кв. м. В коллекции около 1000 предметов, половина из них со следами обработки. В отличие от Каратау 1, где материал в почве сильно рассеян, Лахути демонстрирует большую степень концентрации находок. Кроме того, здесь встречены и обломки костей (неопределимых). В.А. Ранов склонен интерпретировать этот памятник как стоянку (ее периферическую часть), считая даже возможным уточнять функцию последней: она, по его мнению, имела, скорее всего, характер временного охотничьего лагеря [Додонов и др., 1982, с.

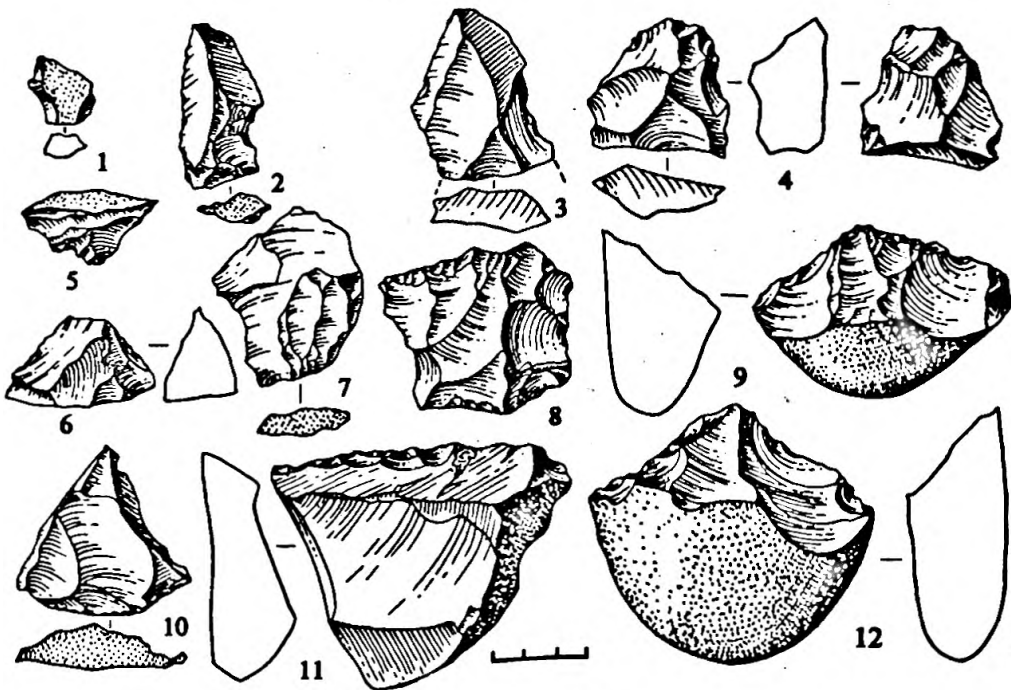

Рис. XXII. Каратау. Каменные изделия. По В.А. Ранову.

120]. Впрочем, в другой работе Лахути 1 как “стоянка в собственном смысле” противопоставляется охотничьему лагерю в Каратау [Ранов, 1980, с. 198].

В качестве исходного материала служили гальки кварцитового песчаника, кварцевого порфира, роговика, других пород. Использовалась галька руслового аллювия палеореки Обимазар. Наряду с артефактами, на памятнике часто встречаются целые нерасколотые гальки. Для индустрии Лахути 1 характерны те же черты, что и для индустрия Каратау 1. Здесь также редки подготовленные нуклеусы, хотя среди них уже встречаются одноплощадочные параллельного скалывания с выпуклым фронтом и дисковидные на расколотых гальках (как минимум один). Сколы в массе своей аморфны, имеют широкие, сильно скошенные площадки и слабо огранные спинки. Изделий с хорошо выраженной ретушью очень мало. Гораздо больше, чем в Каратау, цитронов (рис. XXIII: 1, 5) — их несколько десятков, встречаются и клиновидные осколки. Среди сколов выделяются две пластины (рис. XXIII: 4). Говоря об орудиях, кроме многочисленных чопперов (рис. XXIII: 3, 6) и единичных скребел, следует упомянуть группу аморф-

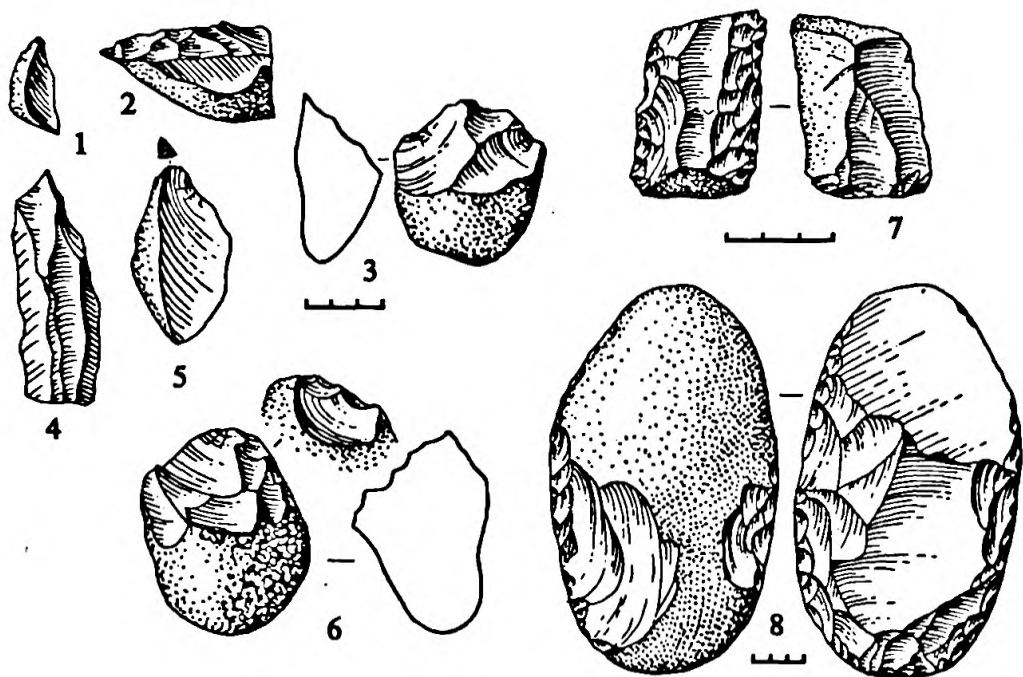

Рис. XXIII. Лахути (1-6), Хонако I (7), Хонако II (8). Каменные изделия.
По В.А. Ранову.

ных зубчатых изделий, куда входит и зубчатое скребло, определяемое В.А. Рановым как остроконечник (рис. XXIII: 2).

Относя индустрию Лахути I к нижнепалеолитической каратауской культуре, В.А. Ранов считает инвентарь этого памятника "в технологическом плане значительно более развитым по сравнению с инвентарем Каратау I". Однако, если различия в данном случае и есть, то их не стоит преувеличивать. Конечно, разрыв в 70 тысяч лет побуждает искать какие-то изменения в культуре, но пока их существование не показано сколько-нибудь четко.

В 1974 г. палеолитические изделия были обнаружены А.Е. Додоновым в 5-м педокомплексе разреза **Кайрубак** [Додонов, Ранов, 1976, с. 99-101] на водоразделе рек Куруксай и Тира. В коллекции 7 отщепов, один из них, возможно, с преднамеренной ретушью. Малочисленны и материалы из разрезов **Хонако I** и **II** [Додонов и др., 1978], расположенных, соответственно, в приводораздельной и склоновой частях хребта Куштек. Из 5-го педокомплекса первого разреза происходят 4 предмета, в том числе двойное скребло на ромбовидном в сечении обломке, оформленное ступенчатой с заломами ретушью (рис. XXIII:

7), а второго — 3, и среди них изделие на расколотой гальке, напоминающее кливер (рис. XXIII: 8). Выше 5-й почвы залегают, насколько можно судить, среднепалеолитические и верхнепалеолитические материалы. Единичные находки были сделаны в 4-м и 3-м педокомплексах. Их возраст, согласно палеомагнитным данным и ТЛ датировкам, оценивается примерно в 90-70 и 50-40 тысяч лет [Додонов, 1986, с. 68]. Происходящие отсюда изделия (массивные пластины, дисковидные нуклеусы) не опубликованы, но в целом характеризуются как мустьерские [Ранов, 1987, с. 64]. “Тонкие пластинки верхнепалеолитического облика, собранные на склонах разреза Гульхор (хр. Яванский Каратау), были, видимо, связаны со 2-й или 1-й почвой” [Ранов, 1987, с. 64], которые сформировались в конце плейстоцена, в интервале от 30 до 12 тысяч лет назад [Додонов, 1986, с. 68]. Эти почвы разделены палеомагнитной инверсией Лашамп (20 тысяч лет назад).

Помимо лессовых местонахождений, в Южном Таджикистане известно еще два стратифицированных среднепалеолитических памятника. Это открытая стоянка Худжи и пещера Огзи-Кичик. Кроме того, предполагается среднепалеолитический возраст для находок еще в ряде пунктов с частично сохранившимся слоем.

Стоянка Худжи [Никонов, Ранов, 1978; Ранов, Амосова, 1984] была открыта А.А. Никоновым и В.А. Рановым в 1977 г. Она расположена в 40 км западнее Душанбе, в зоне адыров передовых гряд южных склонов Гиссарского хребта на абсолютной высоте 1200 м. Раскопом и траншеями, заложенными на правом берегу ручья Худжи, примерно в 150 м от одноименного источника, вскрыта площадь около 230 кв. м. К сожалению, основная часть культурного слоя до начала раскопок была разрушена в ходе строительства дороги, сохранилось лишь его основание.

Стоянка Худжи связана с лессами душанбинского комплекса. Культурный слой выявлен в кровле болотистых глин, непосредственно на контакте с плотным лессовидным суглинком. Мощность сохранившейся части слоя 15-20 см, в западинах до 30-50 см. Он, по мнению исследователей памятника, находится *in situ*, подвергшись лишь вторичному перемыву. В плане хорошо прослеживаются очажные пятна (их можно сгруппировать в три больших пятна), в которых и вокруг которых концентрируется основная масса находок, как каменных изделий, так и костного материала. В слое также встречаются крупные камни, игравшие, возможно, какую-то конструктивную роль.

В процессе раскопок был получен богатый фаунистический материал — 3667 костей. Он охарактеризован пока лишь предварительно, статистических данных в публикациях не приводится. Подавляющее большинство костей относятся к остаткам горных козлов и баранов, точнее не определенных (*Capra et Ovis*), затем идут кости оленей (*Cervus sp.*, *Cervidae*), лошадей (*Equus sp.*), черепахи (*Testudo sp.*), одиночные

кости дикобраза (*Histrix sp.*), быка (*Bos sp.*), медведя (*Ursus sp.*), волков (*Canis sp.*) и лося (*Alces sp.?*). Среди лошадей и оленей выделяются, как сообщается, архаичные формы, придающие, по мнению Ш. Шарапона, фауне Худжи более ранний облик по сравнению с близкой ей в целом фауной Огзи-Кичика (см. ниже). В то же время этот исследователь считает, что фауна обеих стоянок (а также и Шугноу) свидетельствует о существовании довольно холодных и в основном влажных климатических условий [Ранов, Амосова, 1984, с. 44]. По палинологическим данным время, когда накапливались озерно-болотные глины и лессовидные суглинки, вмещающие культурный слой, тоже характеризуется как довольно холодное [Пахомов и др., 1982]. Несколько выше слоя в лессовидных суглинках выявлены следы зачаточных почв.

По углю, собранному в культурном слое Худжи, была получена радиоуглеродная дата 38900 +/- 700 (ГИН-2905). В.А. Ранов считает ее омоложенной, полагая, что "в силу плохого качества угля, сильно карбонизированного и почти утратившего свою органику, трудно ждать хорошую радиоуглеродную дату" [Ранов, Амосова, 1984, с. 46].

Коллекция включает 7642 каменных предмета, 5613 вещей происходят из раскопа, остальные из строительного отвала, зачисток и траншей. В качестве сырья использовались, главным образом, кварцевый мелкозернистый песчаник и кварцевый алевролит. Обломки этих пород встречаются в русле соседнего сая. Единичные вещи изготовлены из кремня, порфирита и кремнистого сланца, отсутствующих в районе стоянки.

Основные категории изделий представлены следующим образом: нуклеусов 67, пластин 392, отщепов 375 и изделий со вторичной обработкой 136. Остальные вещи — это главным образом осколки и обломки, в том числе 218 обломков пластин.

Особенностью нуклеусов памятника, по В.А. Ранову, является их разнообразие и нечеткость формы. "Нуклеусов хорошо выраженных, ярких, хорошо помещающихся в известные типы, немного". Все же выделены дисковидные односторонние и двусторонние ядрища, грубопризматические и грубоконусовидные, одноплощадочные параллельного скалывания (рис. XXIV: 16, 17), многоплощадочные, торцовые (рис. XXIV: 13). Стремления к подготовке нуклеуса заданной формы незаметно, однако, это не мешало обитателям стоянки получать сколы пластинчатых пропорций, симметричные или близкие к таковым по форме, часто тонкие в сечении (0.5-1.0 см), с длинным краем (рис. XXIV: 9-12, 14, 15). Правда, край далеко не всегда был ровным — отмечается, что пластины "регулярной толщины" представлены в сравнительно небольшом количестве, — но здесь могло сказаться, помимо техники скалывания, и качество сырья, очень хрупкого и недостаточно пластичного. Технологию расщепления индустрии Худжи, ее направленность, достаточно однозначно характеризует как явное

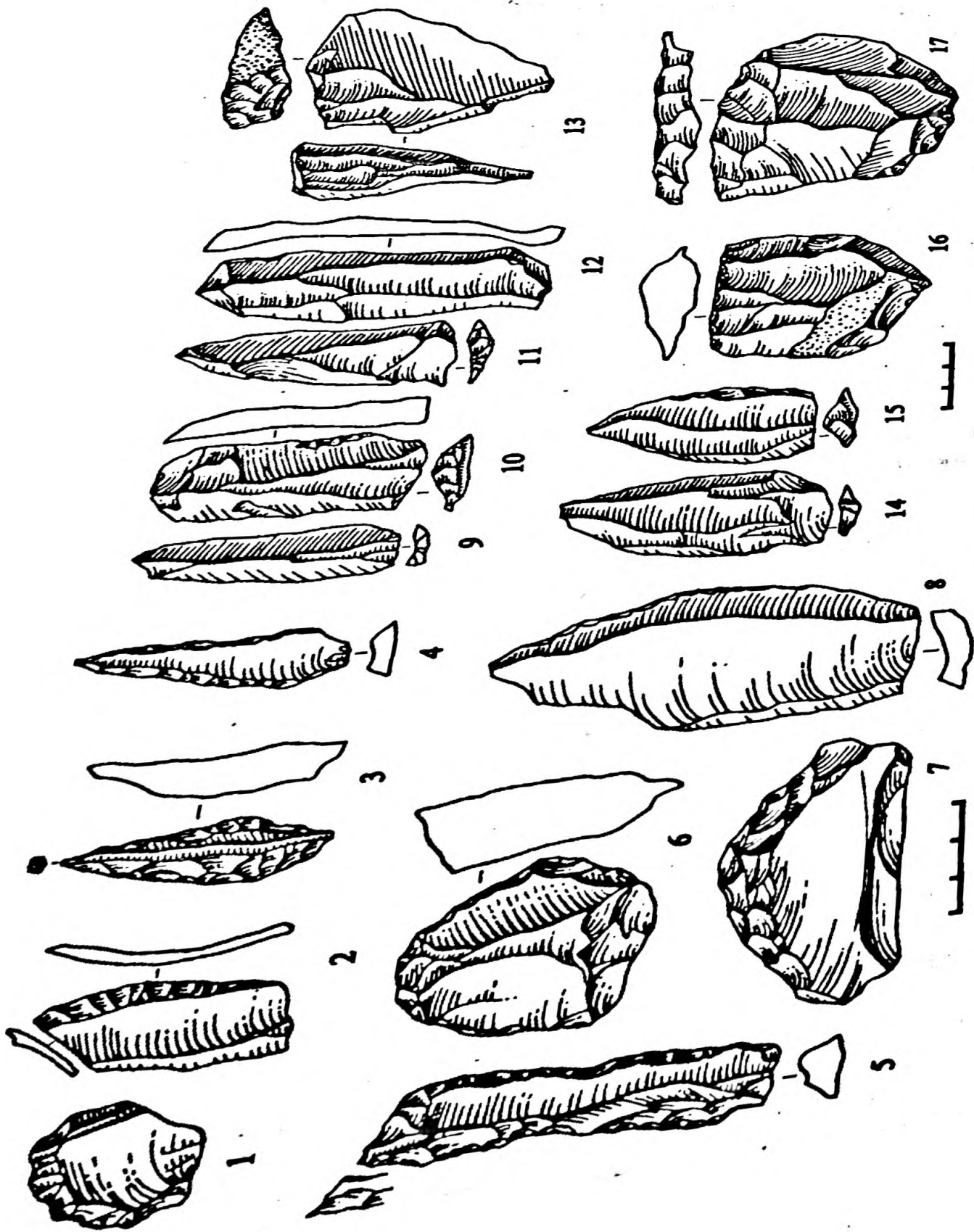

Рис. XXIV. Отгни-Клчик (1-8) и Худжн (9-17). По В.А. Ранову и А.Г. Амосовой.

преобладание среди сколов пластин, так и аморфность отщепов — это преимущественно сколы первичной обработки, “отходы”. Таким образом, скалывание было, без сомнения, ориентировано на получение удлиненных пластинчатых заготовок, то же обстоятельство, что достигалось это не столько за счет специальной подготовки предметов расщепления, сколько за счет умелого использования их естественной формы и техники единичного скола, не только не умаляет, но, напротив, подчеркивает искусственность носителей данной культуры в обработке камня. Как отметил В.А. Ранов, материалы Худжи являются хорошей иллюстрацией того, что получение качественных заготовок не обязательно требует специально подготовленного (леваллуазского) нуклеуса.

Сказанному выше о технологии расщепления Худжи вполне соответствует тот факт, что большую часть орудий (56.6%) составляют изделия на пластинах. Выделяется серия пластин с непрерывной ретушью по одному (рис. XXV: 3, 5, 7) или обоим (рис. XXV: 1, 2) краям, которые В.А. Ранов рассматривает как простые скребла, конвергентные скребла и удлиненные остроконечники. Есть несколько двойных скребел (рис. XXV: 11), но гораздо более обычны простые, а также скребловидные изделия с небрежной краевой ретушью. Есть один остроконечник (рис. XXV: 14) и своеобразное орудие с выделенным ретушью длинным острием (рис. XXV: 4). Серией из 6 предметов представлены тронкированные острия (по В.А. Ранову) — небольшие подтреугольной формы орудия со скошенным дистальным концом, обработанным с одного края крутой ретушью (рис. XXV: 10, 12, 13). Многочисленны отщепы с ретушью и зубчато-выемчатые изделия. Выделены также два чоппера на отщепках (?), резцы (лишь один типичный), своеобразные скребки (по В.А. Ранову) небольших размеров, оформленные на ударной площадке. Значительное количество изделий со вторичной обработкой представлено в обломках, что связывается с хрупкостью сырья.

По всем параметрам индустрия Худжи является мустьерской. В.А. Ранов относит ее к леваллуа-мустьерской группе и к поздним стадиям мустье в Средней Азии. Исследователи стоянки полагают, что она являлась временным летним лагерем открытого типа. Что касается возраста памятника, то, видимо, имеющаяся радиоуглеродная датировка может с некоторым допуском быть принята как вполне реалистичная.

Говоря о Худжи, часто упоминают другой мустьерский памятник Южного Таджикистана — **Огзи-Кичик** [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 79-82; Ранов и др., 1973; Ранов, 1975, 1977, 1980а; Амосова, 1990]. Он был обнаружен Г. Ербабаевым в 1969 г. и исследовался В.А. Рановым с 1971 по 1977 год. Памятник находится в 20 км к северо-востоку от пос. Дангара, в западных отрогах Вахшского хребта. Здесь, в верховьях сая

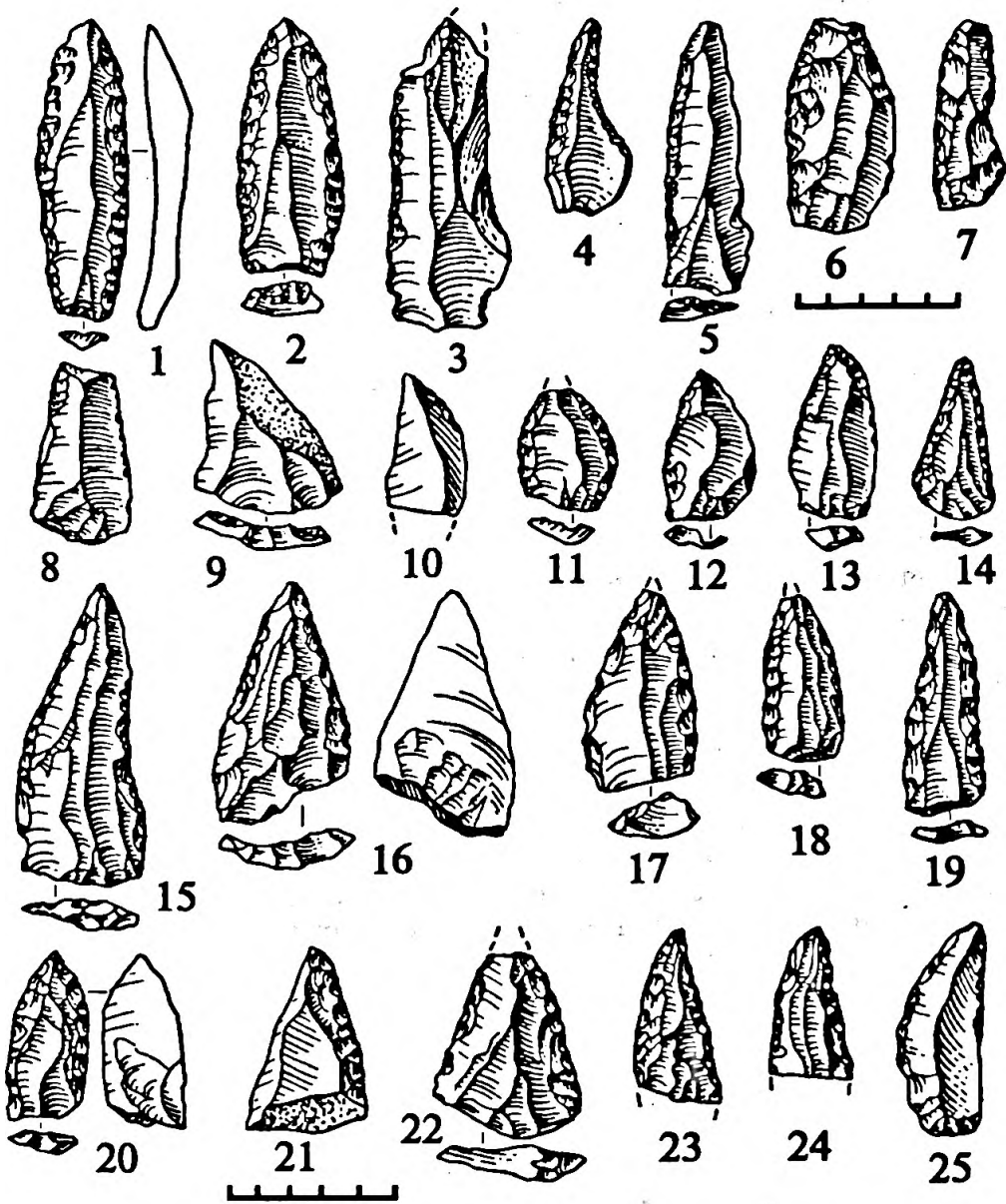

Рис. XXV. Худжи (1-14) и Огзи-Кичик (15-25). Орудия.
По V.A.Ranov, 1984.

Чақырбулак, имеется карстовая пещера, к устью которой примыкает наклонная площадка останца прибортовой части раннедудушанбинской (?) террасы. Высота останца над тальвегом 11 м, абсолютная высота 1200 м. Шурфовка показала, что внутри самой пещеры культурного слоя нет, там встречены лишь единичные переотложенные находки. Основной материал получен из раскопов (200 кв. м), заложенных на площадке перед пещерой, где вскрывается многометровая толща щебнистых и без щебня пылеватых суглинков. На большей части площади раскопа археологические и остеологические находки залежали во взвешенном состоянии, не образуя сколько-нибудь выраженных горизонтов; последние, видимо, были сильно размыты и потому выделяются с большей или меньшей степенью уверенности лишь на отдельных участках. В частности, предполагается, что у входа в пещеру, на площади 35 кв. м сохранился непотревоженный слой мощностью до 1.5 м, состоящий из больших кострищ, промежутки между которыми на всю толщину заполнены скоплением обломков панцрей и костей степной черепахи, частично обожженных. Однако, археологический материал, найденный в "черепаховом" слое, не особенно значителен; каменные изделия были распространены и за его пределами на площади 144 кв. м.

К сожалению, существующие описания стратиграфии и планиграфии памятника, равно как и опубликованные разрезы и планы, не дают сколько-нибудь отчетливого представления о характере залегания материалов. Видимо, теперь уже невозможно установить, как связаны каменные артефакты с костными остатками животных, и в каком соотношении между собой находятся сами изделия, представляют ли они один комплекс или несколько. Исследователи памятника первоначально были склонны рассматривать часть находок как мезолитическую примесь к основной мустьерской коллекции, допуская, что кострища и сохранившийся слой отвечают мезолитической стоянке, а мустьерские изделия являются переотложенными с более высоких геоморфологических уровней. Другими археологами (Г.П. Григорьев, В.П. Любин) высказывалось мнение о возможности отнесения всех каменных артефактов к мустье. После того, как гипотеза о делювиальном переносе мустьерских изделий с более высоких уровней была проверена шурфовкой склона в 10 м от основного раскопа, ее пришлось отвергнуть. В.А. Ранов присоединился к точке зрения В.П. Любина и Г.П. Григорьева, считая, что, скорее всего, в Огзи-Кичике представлено не две, как предполагалось раньше, а одна единая индустрия. Однако, нельзя все же исключить вероятность смешения мустьерского и более позднего материала — это касается как самих изделий, так и фауны, и угля из очагов [Абрамова, 1984, с. 142].

В результате раскопок получено более 15 тысяч костей животных, подавляющее большинство их представлено обломками. В составе фауны 17 видов млекопитающих, два вида рептилий, птицы. Наиболь-

шее количество костных остатков принадлежит черепахе (*Testudo horsfieldi*). Среди млекопитающих на первом месте по количеству костей овца или коза (*Capra auf Ovis*), далее следуют лошадь (*Equus caballus*), благородный олень (*Cervus elaphus*), плейстоценовый осел (*Equus hydruntinus* ?), дикобраз (*Histrix sp.*). Встречены также немногочисленные останки волка, лисицы, медведя, куницы, барсука. Впервые для палеолита Средней Азии найдены кости (два обломка зубов) шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* ?). Сохранность костей разная, наряду со свежими обломками имеются явно субфоссильные. Присутствие останков шерстистого носорога и ископаемого осла говорит о плейстоценовом (позднеплейстоценовом) возрасте части фауны Огзи-Кичика. Интересно, что обломок зуба первого из этих животных и челюсть второго найдены в основании черепахового горизонта, т.е. в слое, для которого ранее постулировался мезолитический возраст.

Из черепахового слоя были взяты образцы для споро-пыльцевого анализа. Палинологические данные говорят о холодном и влажном климате. Отмечается господство травянистых растений, пыльца древесных пород единична. Из разных кострищ этого же слоя отбирались угли для получения радиоуглеродной даты. Она равна 15700 +/- 900 (ЛЕ-1050). Позже был продатирован еще один образец из Огзи-Кичика, давший возраст 30000 л. н. (ГИН-2906).

Если условия залегания археологических материалов в Огзи-Кичике малопонятны, то сами эти материалы весьма выразительны. Всего в коллекции около 10000 изделий. Сырье разнообразно: использовался кремень двух типов, окремненный известняк, яшмовидные породы. Весьма широко применялись гальки порфиритов и прочих эффузивных материалов.

Нуклеусы в Огзи-Кичике представлены плохо — это в основном сильно сработанные дисковидные формы, часто двусторонние, которые явно не соответствуют характеру основной массы заготовок — пластинчатых пропорций, с параллельной огранкой спинок. Подобное же несоответствие уже отмечалось для Кутурбулака, где оно было объяснено интенсивностью использования сырья на стоянке, что приводило к максимально возможному истощению большинства ядрищ. Думается, что такое же объяснение приемлемо и для Огзи-Кичика. Это тем более вероятно, что здесь так же как и в Кутурбулаке большая часть пластин и отщепов подверглась вторичной обработке, а хороших неиспользованных заготовок очень мало. Изделия со вторичной обработкой не только многочисленны, но и весьма разнообразны, большая часть их на пластинах. Лучшее всего представлены скребла, среди них много двойных, в том числе группа “инверсионных”, т. е. с противоположной ретушью. Простые скребла могут иметь как выпуклый (рис. XXIV: 2, 7), так и вогнутый или прямой (рис. XXV: 21) рабочий край, которому во многих случаях противоположит естественный (корковый)

или искусственный обушок. Есть конвергентные скребла. Можно выделить группу остроконечников (рис. XXV: 16, 17, 19, 22, 23), имеются орудия морфологически близкие к лимасам. Много пластин с ретушью по одному или обоим краям (рис. XXIV: 5, 8), встречаются скребковидные формы (рис. XXIV: 1, 6), отдельные вещи с резцовым сколом, ретушированные пластины, которые можно определить как острия (рис. XXIV: 3, 4). Есть 1-2 орудия, морфологически близких ножам типа шательперрон (рис. XXV: 25).

В.А. Ранов определяет индустрию Огзи-Кичика как развитое мустье и включает этот памятник в группу типичного мустье Средней Азии, сближая его с Тешик-Ташем, Семиганчем и Кутурбулаком.

В 4 км южнее Огзи-Кичика, близ кишлака Пушинг, находится навес **Кальфи Норбой** [Ранов, 1978а, с. 18]. Заложенный здесь в 1972 г. шурф (5 x 1 кв. м) дал, как предполагается, мустьерские материалы. На глубине 2.7-3 м от дневной поверхности в лессовидной породе были найдены отдельные угольки, обожженные кости, отщепы и обломок скребла. Второй уровень с находками зафиксирован на глубине 3.5 м.

Возможно, из разрушенного мустьерского культурного слоя происходит и часть изделий, полученных при раскопках небольшого навеса у **Кумтепинской скалы** [Юсупов, Филимонова, 1982, с. 47-49; Ранов, Юсупов, 1983] на берегу Нурекского водохранилища. Среди находок крупные пластины "леваллуазского облика", скребла, острия.

Наконец, к среднему палеолиту или началу верхнего предлагается теперь относить материалы нижнего слоя поселения **Сай-Сайед** [Юсупов, 1984], находящегося на левом берегу Вахша у подножья склона Вахшского хребта. Из этого слоя, залегающего на аллювиальном песке на глубине 7.5 м, происходит коллекция в 500 предметов. По определению А.Х. Юсупова — это галечная индустрия, на которую наслаивается пластинчатая техника.

В целом ряде пунктов на территории Южного Таджикистана материалы, относимые к среднему палеолиту, были собраны на поверхности. Среди подобного рода памятников наиболее значительным является местонахождение **Кара-Бура** [Крылков, Ранов, 1959; Ранов, 1961, 1965, с. 50-30; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 73-75], открытое В.А. Рановым в 1957 г. в 37 км юго-западнее г. Курган-Тюбе.

Местонахождение связано с возвышенностью на левом берегу р. Вахш, представляющей собой серию меридиально вытянутых эрозионных останцов. Останцы сложены песчаниками и глинами кулябской свиты и перекрыты пластом галечников мощностью до 2 м. Генезис галечников спорен, неясен и вопрос о времени их отложения. Археологические материалы связаны с галечниками молодой части позднеилякской террасы, однако, палеолитические изделия были, скорее всего, переотложены (об этом говорит характер их залегания и наклон прослоев галечника на позднеилякском уровне)

с более высоких, ныне размытых, останцов к северу от современной возвышенности.

Основная масса обработанного камня встречена в галечных шлейфах, стекающих по склонам останцов. Всего зафиксировано 9 пунктов, расположенных на участке длиной 2.5 км. На одном из них (пункт б), давшем наибольшее количество находок, были заложены шурф и три траншеи общей площадью около 15 кв. м, вскрывшие двухметровую толщу лессовидного суглинка с галечными прослоями и линзами. Наибольшее число находок отмечено в средней части толщи, на глубине от 0.4 до 1 м.

Всего коллекция Кара-Буры включает около 3000 предметов. Основным сырьем служил здесь порфирит. В значительно меньшей степени использовались роговики, кремнистый известняк, кварцит, совсем редко кремень. Изделия, за редким исключением, совершенно неокатаны, иногда лишь слабо патинизированы. В.А. Ранов, довольно подробно описавший большую часть коллекции, рассматривает материалы Кара-Буры как единый комплекс.

Хорошо, несколькими сотнями экземпляров, представлены нуклеусы. Почти половина их дисковидные односторонние, изготовлявшиеся, преимущественно, из более или менее округлых галек, часто уплощенных в сечении (рис. XXVI: 3, 5, 7). Во многих случаях на тыльной стороне таких нуклеусов по всему периметру подготовлены ударные площадки. Двусторонние дисковидные нуклеусы редки, как, впрочем, и выработанные формы иных типов. Среди сколов доминируют отщепы с беспорядочной огранкой спинок, пластин очень мало, а с параллельной огранкой — единицы. Значительная часть отщепов имеет выраженный тупой угол между ударной площадкой и брюшком — 110-120, площадки в основном прямые гладкие или, реже, грубофасетированные. Обращают на себя внимание незначительные размеры сколов: большинство их не превышает в длину 5 см. Это связано с тем, что гальки, служившие в качестве нуклеусов, тоже в массе своей невелики. Орудий на отщепах и пластинах немного. Среди них выделяется серия остроконечников (8 экземпляров). Они тщательно обработаны и вполне вписываются в группу мустьерских (рис. XXVI: 1). Есть нож шательперрон (рис. XXVI: 2), идентичный одному из орудий этого типа в коллекции Огзи-Кичика (ср. с рис. XXV: 25). Хорошо выраженные скребла малочисленны, преобладают пластины и отщепы с частичной краевой ретушью. Много галечных орудий, причем отмечается, что чоппинги явно преобладают над чопперами (рис. XXVI: 4, 6, 8-10). Возможно, значительную часть изделий, включенных в группу галечных орудий, правильнее рассматривать как нуклеусы в начальных стадиях расщепления, но несомненно и присутствие некоторого количества вещей именно орудийного предназначения.

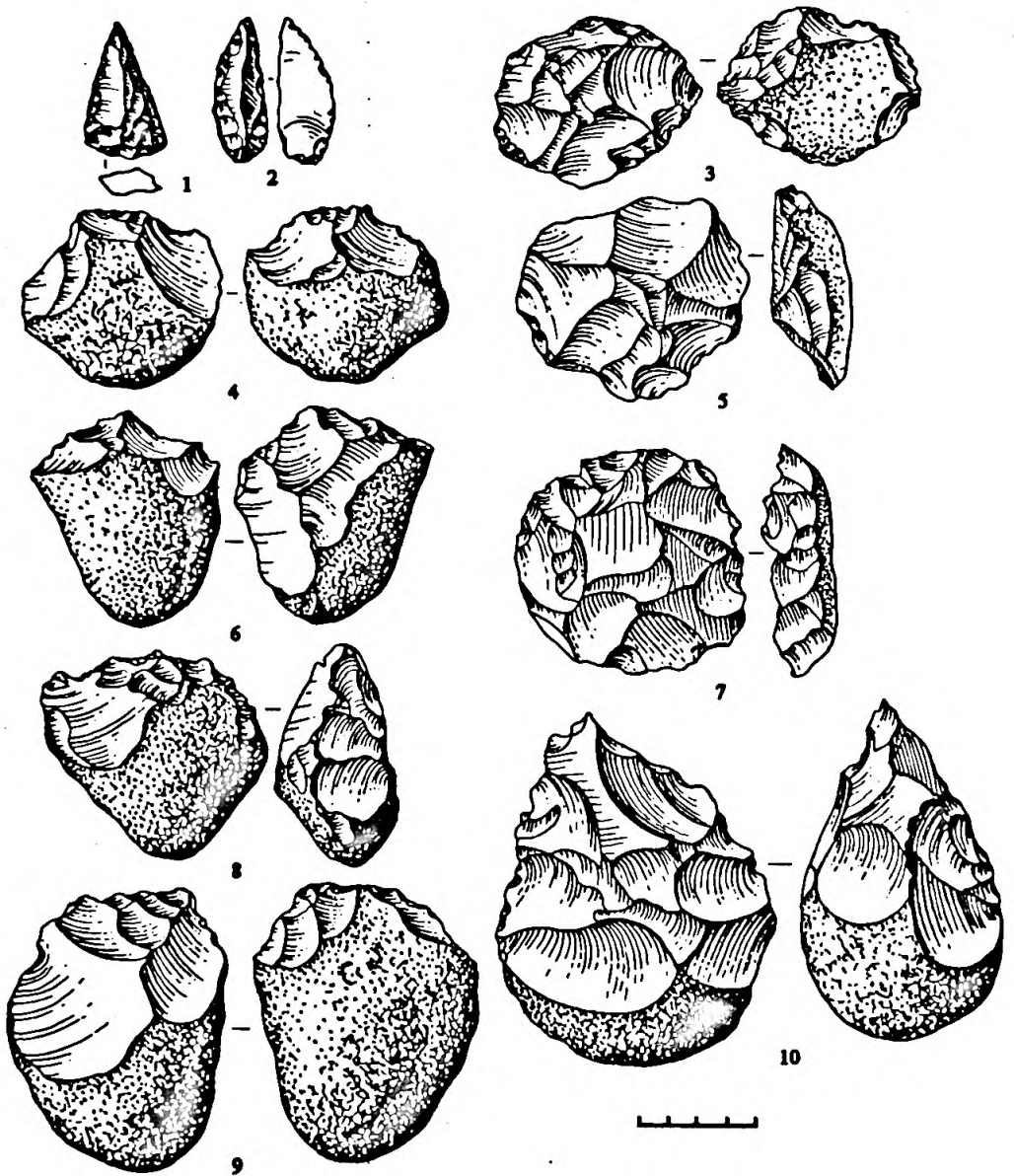

Рис. XXVI. Кара-Буря. Орудия (1, 2, 4, 6, 8-10) и нуклеусы (3, 5, 7).
По В.А. Ранову, 1965.

В.А. Ранов сопоставлял галечные изделия Кара-Буры с поздним соаном, относя индустрию в целом к мустьеро-соанской группе. Впоследствии высказывалось предположение, что эта индустрия связана генетически с каратауской культурой [Ранов, 1988а, с. 25; Кулаковская, 1990, с. 212]. Однако, наличие в инвентаре памятника серии остроконечников и ряда других, несвойственных галечным культурам, орудий на отщепках, заставляет считать, что, скорее всего, здесь имеет место проявление обычной мустьерской традиции на необычном для нее сырье. Вероятно, описываемое местонахождение являлось, прежде всего, мастерской. Использование галек — наиболее обильного и доступного в районе местонахождения вида сырья — привело в данном случае (как и в Кутурбулаке) к смешению в едином (?) комплексе черт галечной и типично мустьерской индустрий. То же самое отмечается и для некоторых среднепалеолитических комплексов Европы, находящихся, как, например, аллювиальное местонахождение Маври (Греция), вблизи галечников [Darlas 1995].

Примерно в 10 км северо-западнее Кара-Буры, на правом берегу р. Вахш, расположено другое среднепалеолитическое местонахождение — Ак-Джар [Костенко, Несмеянов, Ранов, 1961; Ранов, 1965, с. 80-81; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 71-73]. Основная масса палеолитических изделий была собрана на вершине одноименной возвышенности, где обнажаются илякские галечники. Предполагается, что артефакты находятся на месте своего изготовления. В коллекцию, насчитывающую около 250 предметов, были включены и находки из расположенного в 3 км к северу от Ак-Джара урочища Тангузар, где материал залегал в аналогичных условиях, на склонах гряд галечников. В качестве сырья использовался порфирит и другие породы. Сообщается о наличии одно- и двухплощадочных, а также дисковидных нуклеусов, характерных для мустьерской техники отщепов и пластин, а также небольшого числа орудий. Среди последних боковые скребла, в том числе вогнутые, и изделие, которое было определено как остроконечник, но на самом деле представляет собой отщеп с зубчатой ретушью неясного происхождения. Присутствуют и характерные галечные изделия — нуклеусы и хорошо выраженные чопперы.

В.А. Ранов сближал и синхронизировал Ак-Джар с Кара-Бурой, допуская даже, что это “две стоянки охотников, может быть принадлежавших к одной и той же общине неандертальцев” [Ранов, 1965, с. 81].

Местонахождение Семиганч [Ранов, 1972] находится близ одноименного кишлака в 30 км восточнее Душанбе, в небольшом расширении долины р. Семиганч. Палеолитические изделия, залегающие в переотложенном состоянии, собраны в 8 пунктах — 6 на правом берегу и 2 на левом — разбросанных по площади в несколько квадратных километров. Пункты сборов расположены на разной высоте над рекой — от 80-100 м и выше.

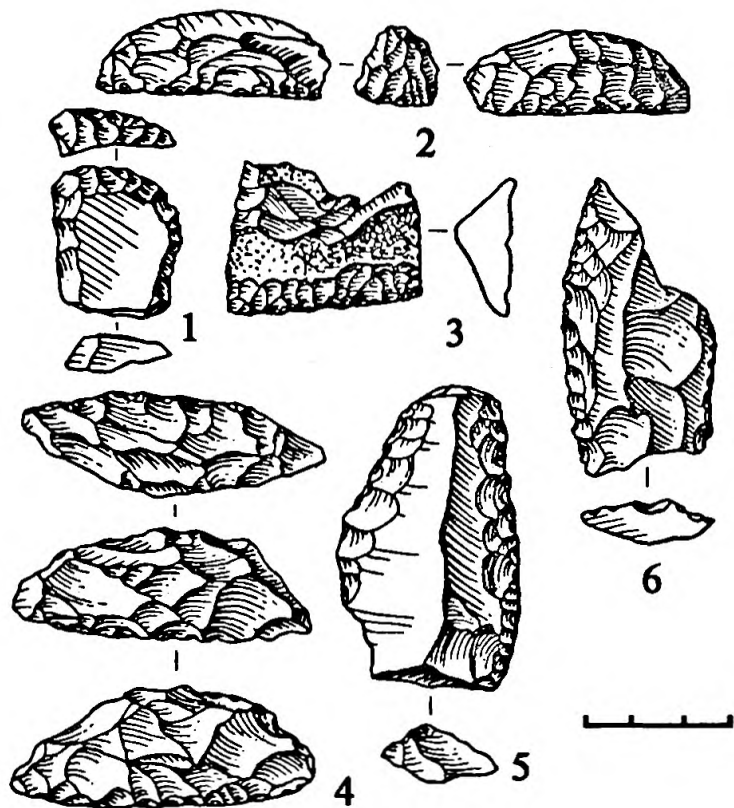

Рис. XXVII. Семиганч. Орудия. По В.А. Ранову, 1972.

В коллекции более 300 предметов; о характере сырья, к сожалению, почти ничего не сообщается. Нуклеусы, если не считать нуклеидных обломков, единичны; с них, судя по рисункам, осуществлялось параллельное и встречное скалывание. Среди сколов одну треть составляют пластины, часть отщепов также характеризуется удлиненными очертаниями. Ударные площадки преимущественно гладкие, но есть и фасетированные, в том числе тонкофасетированные. Десятая часть изделий отмечена вторичной обработкой, но собственно орудий полтора десятка. Несмотря на немногочисленность, они довольно разнообразны. Интересно наличие целых трех лимасов (рис. XXVII: 2, 4). Имеются также скребла (рис. XXVII: 3, 5, 6), в том числе двойные и 3 поперечных, скребок (рис. XXVII: 1), выемчатые и зубчатые орудия, пластина с ретушью с брюшка, отщепы с ретушью. В таком контексте несколько странно отсутствие остроконечников, и потому понятно предположение В.А. Ранова, что они в данном случае просто не найдены.

В.А. Ранов включает Семиганч, наряду с Тешик-Ташем, Огзи-Кичиком и Кутурбулаком в группу типичного мустье Средней Азии.

Кроме перечисленных памятников, в Южном Таджикистане име-

ется целый ряд пунктов, где были собраны изолированные единичные изделия, для которых разными исследователями предполагался средне- или даже нижнепалеолитический возраст. А.П. Окладников считал нижнепалеолитическими находки, сделанные им на поверхности у основания 4-й террасы Вахша близ кишлака **Кызыл-Кала** [Окладников, 1959, с. 47-48]. Однако, типологически оба предмета, о которых идет речь, слишком невыразительны (во всяком случае, это не остроконечник и не рубило, как определил их А.П. Окладников), а условия их залегания ничего не говорят о возрасте [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 75-76]. Недостаточно обосновано отнесение к нижнему палеолиту массивного отщепа, поднятого у подножия высокого (40-60 м) террасированного уступа юго-восточной окраины хребта **Койки-Тау** [Ранов, 1965, с. 9-10], а также нуклеуса и двух чоппингов, найденных в урочище Ялгыз-Как (**Кухи-Пиез**), в 55 км к юго-западу от Курган-Тюбе, вместе с изделиями, близкими по характеру материалам Кара-Буры [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 69].

К среднему палеолиту были предположительно отнесены скребла, обломки, пластины и отщепы, собранные среди аллювиальных галек на бровке душанбинской террасы близ склона горы **Буритау (Тигровая балка)** [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 76], отщепы, пластины и чоппинг, найденные на душанбинской террасе в месте, где Кафирниган впадает в Амударью [там же, с. 76; этот пункт именуется **Курджалак-Кум**], единичные изделия, найденные близ кишлаков **Гуфилабад, Кызыл-Аскер, Арал, Чим-Курган** [Ранов, 1965, с. 81], на плато **Малое Дашгако** [Жуков, 1973] и т.д. Около 50 пунктов с находками, относимыми к развитому мустье, было выявлено в последние годы в среднем течении р. Вахш, на территории протяженностью 60 км. Об этих материалах имеется пока лишь предварительное сообщение [Юсупов, Филимонова, 1988], не считая публикации десятка изделий из сборов в районе кишлака **Кулисуфлен** в зоне Нурекского водохранилища [Юсупов, Филимонова, 1987, с. 98-100].

Верхний палеолит в зоне Таджикской депрессии представлен, как считается, материалами четырех нижних слоев стоянки **Шугноу**, а также единичными находками в ряде пунктов.

Стоянка **Шугноу** [Ранов, 1973; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 83-86; Ранов и др., 1976] была открыта в 1968 г. В.А. Рановым и А.А. Никоновым и исследовалась под руководством В.А. Ранова в 1969 и 1970 гг. Она расположена на окраине одноименного кишлака в верховьях реки Яхсу и приурочена к третьей (душанбинской) надпойменной террасе. Абсолютная высота памятника около 2000 м, а высота над рекой 55-70 м.

Двумя раскопами, а также траншеями и шурфами вскрыта площадь более 5000 кв. м и установлено наличие 5 культурных горизонтов. В итоге дискуссии о генезисе вмещающих отложений возобладала точка зрения, что археологические материалы залегают в покровной лессо-

вой толще, подстилаемой тонкозернистым пойменным аллювием мощностью около 5 м. Лессовый покров формировался в конце позднплейстоценового времени и в голоцене.

Культурные горизонты имеют мощность от 20 до 40 см. Они залегают ровно, между собой не контактируют, лишь изредка в разделяющих их отложениях встречаются отщепы или иные изделия. Горизонт "0", относимый к мезолиту, залегает на глубине 3 м от поверхности террасы. Он исследован на площади 50 кв. м. Ниже следуют палеолитические слои: первый (глубина 7 м, вскрыт на площади 200 кв. м), второй (8.5 м; 180 кв. м), третий (10 м; 90 кв. м) и четвертый (11.5 м; 90 кв. м). Для первого горизонта получена радиоуглеродная дата 10700 +/- 500 (ГИН-590). В разрезе четырем нижним культурным горизонтам отвечает некоторое потемнение слоя, но нельзя с уверенностью сказать связано ли оно с погребенными почвами или вызвано антропогенными причинами (утаптывание, размыв кострищ и т. д.). Характер всех горизонтов одинаков — каждый из них представляет собой ряд скоплений кремневых артефактов и редких костей, плюс остатки кострищ в виде пятен угольной пыли или красноватой пережженной земли. Никаких очажных конструкций и остатков жилищ не обнаружено. В.А. Ранов интерпретирует стоянку как временный охотничий лагерь.

Определимые кости малочисленны. В первом горизонте встречены ископаемая лошадь (*Equus caballus*), бык или бизон (*Bos auf Bison*), овца или коза (*Capra auf Ovis*), сурок (*Marmota sp.*), черепаха (*Testudio*), во втором — лошадь, овца или коза, бык, сурок, в третьем — единичные кости овцы или козы, а в четвертом — бык или бизон, овца или коза. По видовому составу и степени сохранности костного вещества фауна признана верхнеплейстоценовой. Количество и состав костных остатков недостаточны, чтобы реконструировать палеоландшафт и сопутствующие климатические условия и проследить их эволюцию. По данным споро-пыльцевого анализа первые следы обитания на стоянке, приуроченные к переходу пойменного аллювия в покровные лессовые субазральные отложения (4-й горизонт), совпадают с началом расширения древесной растительности и с общим похолоданием. Прохладные условия сохранялись и позднее, во время формирования других палеолитических слоев.

Всего в коллекции Шугноу около 5000 каменных изделий. Они изготовлялись в основном из серовато-зеленых фильзитпорфиров, частью из окремненного известняка или сланца, реже — из кремня. Отсутствие в окрестностях стоянки выходов перечисленных пород заставляет предполагать, что в качестве сырья использовались гальки окружающих конгломератов и галечников. Отмечается, что кремь использовался чаще в двух верхних горизонтах и почти полностью отсутствовал в двух нижних.

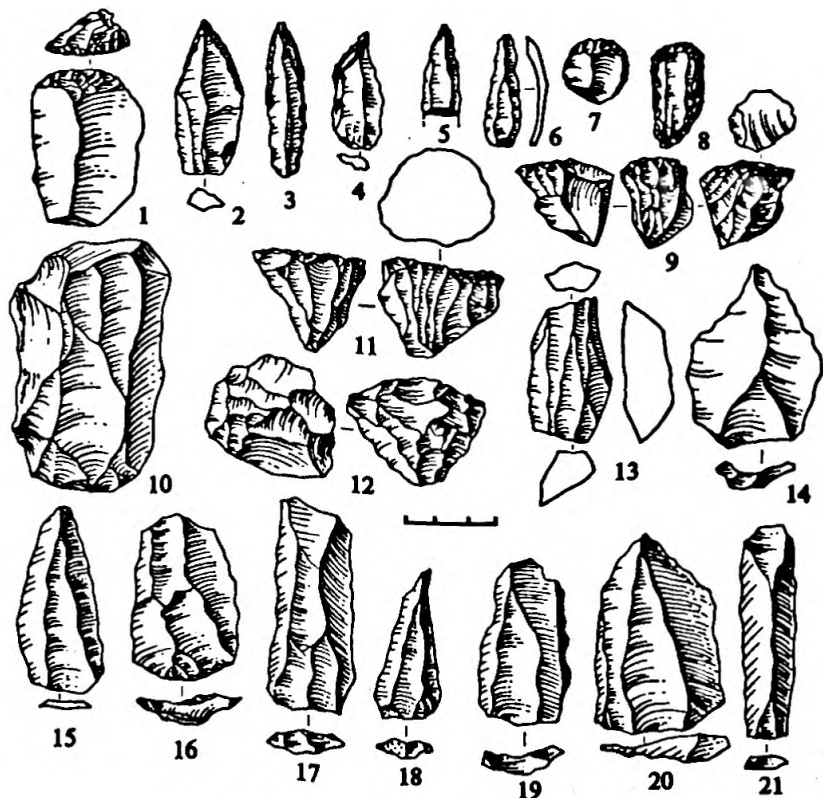

Рис. XXVIII. Шугноу. 5, 7, 10, 12 - горизонт 0; 6, 8, 9, 11 - слой 1; 1-4, 13 - слой 2; 14-17 - слой 3; 18-21 - слой 4. По В.А. Ранову, 1973.

Материалы горизонта "0" (рис. XXVIII: 5, 7, 10, 12), где с мелкими, микролитовидными изделиями сочетаются крупные сколы и нуклеусы, выполненные в палеолитической манере, сближаются В.А. Рановым с инвентарем мезолитических памятников Памира и датируются предположительно 8-м тысячелетием до н. э.

Первый слой отнесен к концу верхнего палеолита. Он дал более 1700 каменных изделий. Выделяется серия сильно изогнутых пластинок трехгранного сечения длиной от 1.4 до 4 см (рис. XXVIII: 6), дошедших большей частью в обломках. Для них характерны точечные ударные площадки, почти полное отсутствие ретуши. Заметную, но немногочисленную группу составляют крупные пластинчатые отщепы с прямыми гладкими ударными площадками. Нуклеусы малочисленны, они представлены единичными конусовидными ядрищами для пластинок (рис. XXVIII: 9, 11), крупным дисковидным ядрищем и рядом плохо выраженных многоплощадочных форм. Орудия, во В.А. Ранову, представлены нуклевидными скребками высокой формы, в том числе с "носиком", скребками на пластинах, с тщательно обрабо-

таннным концом, а иногда и краями (рис. XXVIII: 8), скребками на отщепах. Имеются также скребла на осколках или крупных отщепах, редкие острия, долотовидные изделия, единичный угловой резец, отщепы и пластины с ретушью.

Из второго горизонта получена самая богатая коллекция — более 1800 изделий. Отмечается заметное отличие этого материала от инвентаря первого горизонта. Здесь многочисленны крупные пластины (7-10.5 см), встречаются отщепы очень больших размеров. Среди такого рода заготовок теряются мелкие пластинки. Достаточно значительную и выразительную группу составляют пластины и отщепы с боковым утолщением (иногда — сколом, имеющим характер обушка). Нуклеусы малочисленны и аморфны: они угловатые, двух- или многоплощадочные (рис. XXVIII: 13), иногда с намеченной тенденцией к круговому скалыванию с округлой площадки. Отмечено наличие нуклеусов леваллуазского типа. Среди орудий особенно заметны острия. Они многочисленны и разнообразны (рис. XXVIII: 2-4). Имеются острия с притупленным краем граветтоидного облика, острия с краевой приостряющей ретушью с обушком. Выразительны и скребки, как правило, на крупных удлиненных или укороченных толстых пластинах (рис. XXVIII: 1), а в единичных случаях округлые, обработанные по всему периметру. Выделены также проколки, провертки, скребловидные орудия, орудия с выемками и др. В.А. Ранов оценивал возраст второго горизонта в 25-28 тыс. лет [Ранов, 1973, с. 56], позднее в 20-25 тысяч [Ранов и др., 1976, с. 13].

Горизонты 3 и 4 дали сравнительно небольшое количество находок и представлены они в основном отщепами и пластинами. В третьем горизонте найдено около 300 изделий, среди которых, как сообщается, преобладают “крупные отщепы мустьероидного облика” (рис. XXVIII: 14-17). находка здесь же торцового нуклеуса говорит, по мнению В.А. Ранова, против отнесения этого комплекса к среднему палеолиту. В четвертом горизонте, где собрано около 200 предметов, отмечается укрупнение пластин и отщепов (рис. XXVIII: 18-21), а “мустьерские элементы в характере заготовок проявляются, как кажется, еще явственнее” [Ранов, 1972, с. 57]. Здесь встречены также острие с ретушью с одного края, выемчатое скребло, несколько отщепов и пластин с небольшими выемками, обработанными мелкой ретушью. Малое число находок в 4-м горизонте контрастирует с обилием здесь кострищ, которых, даже не считая мелких пятен, более 20. Это, как предполагается, объясняется разрушением верхней части горизонта селевыми потоками. В.А. Ранов находит общий облик инвентаря 3-4 горизонтов близким облику материалов Оби-Рахмата. Он относит эти горизонты к раннему этапу верхнего палеолита, помещая их в хронологический интервал от 35 до 30 т. л. н.

Отнесение двух нижних горизонтов Шугноу ко времени древнее 30

тысяч лет назад, как кажется, выдержало проверку временем. Об этом говорит, в частности, радиоуглеродная дата 38900 ± 700 л. н., полученная для культурного слоя стоянки Худжи, также залегающего в основании толщи душанбинских лессов. Кроме того, можно полагать, что фаза похолодания, фиксируемая по споро-пыльцевым спектрам из разреза Шугноу, синхронна холодным фазам установленным для отложений Худжи и Огзи-Кичика и соответствует последней из трех плювиальных фаз, установленных для позднего плейстоцена Памиро-Алая. Начало похолодания примерно одновременно четвертому культурному горизонту, а возраст плювиала — не менее 30-40 тысяч лет [Никонов и др., 1989, с. 121]. Таким образом, нижний горизонт Шугноу вполне может иметь возраст порядка 35 тысяч лет или даже несколько древнее.

Гораздо труднее датировать второй культурный горизонт. В.А. Ранов сам отмечает условность принятой им даты в 25 тысяч лет и приводит ряд археологических аналогий для инвентаря этого горизонта с мезолитическими слоями Туткаула (2 и 2а). Р. Дэвис отдает предпочтение более молодой дате, "ближе к 15 тыс. лет", исходя при этом в основном из своих представлений о скорости накопления лесса [Дэвис, 1980, с. 50-51].

Возраст первого слоя, как уже говорилось, был определен по C-14 (10700 ± 500 л. н.), но, возможно, несколько омоложен при этом, что допускает и В.А. Ранов.

Соглашаясь с В.А. Рановым в том, что касается абсолютного возраста двух нижних горизонтов Шугноу, трудно в то же время принять отстаиваемую им археологическую датировку этих же горизонтов. Материал, залегающий в них, вполне может быть определен как мустьерский, чему не противоречат ни торцовый нуклеус из третьего слоя, ни острия с ретушью. Торцовые нуклеусы, как известно, нередко встречаются в мустьерских комплексах, в том числе и в Южном Таджикистане, где они представлены выразительной серией в инвентаре Худжи, а острия позднего облика известны на этой же территории в комплексе Огзи-Кичика — комплексе, который сам В.А. Ранов склонен рассматривать как единый, мустьерский. Таким образом, нижние горизонты Шугноу не только примерно синхронны материалам Худжи и Огзи-Кичика по абсолютному возрасту, но и близки им в археологическом плане: на всех трех памятниках представлена мустьерская техника расщепления, направленная на получение пластинчатых сколов.

Возможно, права З.А. Абрамова, предположившая, что 4 и 3 слои, с одной стороны, и 2 и 1, с другой, могут быть объединены в две временные группы и критикующая утверждение В.А. Ранова о том, что все четыре горизонта являют одну развивающуюся во времени культуру [Абрамова, 1984а, с. 306]. Однако, следует отметить, что мустьерская техника расщепления, господствующая в нижних слоях, не исче-

зает бесследно и в верхних. Она проявляется в них довольно явственно, и многие орудия верхнепалеолитических типов сделаны на мустьерских заготовках.

Кроме материалов Шунгоу, к верхнему палеолиту принято относить скребок высокой формы, найденный А.П. Окладниковым в 1953 г. в уже упоминавшемся обнажении близ пос. Кызыл-Кала на Вахше [Окладников, 1958а, с. 160, 169]; скребок на пластине из Хорангона [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 77-78], извлеченный из лессовидных суглинков душанбинской террасы в 15 км к северу от Душанбе; отщеп, обнаруженный в аналогичных условиях у поселка Уялы [Ранов, 1965, с. 86] А.Г. Мавляновым в 1960 г., и “отщеп с острием, выделенным крутой микролитической ретушью” из Ак-Джара [Костенко и др., 1961, с. 34], также найденный в отложениях душанбинской террасы, в одном из щебнистых прослоев. Кроме того, предполагается, что к верхнему палеолиту могут относиться скребки, собранные Г. Ербабаевым в местности Тутибулак, на одном из языков крутого адыра южного склона хребта Рангантау, и опубликованные В.А. Рановым [Ранов, 1987, с. 65-66].

4. Ферганская депрессия.

Ферганская депрессия — крупнейшая из межгорных впадин Тянь-Шаня. Ее протяженность с запада на восток около 400 км, а максимальная ширина превышает 150 км. Депрессию опоясывают высокие горные хребты: Кураминский и Чаткальский на севере, Ферганский на востоке, Туркестанский и Алайский на юге. Ее западной границей является пологое Беговатское поднятие. Равнинная часть депрессии образована поймой и надпойменными террасами р. Сырдарьи. Вдоль подножий гор, окаймляющих равнину, развит холмисто-увалистый рельеф (адыры). В предгорьях сырдарьинские террасы постепенно сливаются с конусами выносов горных рек. В долинах этих рек расположены многие из описываемых ниже палеолитических памятников.

До недавнего времени палеолит на территории Ферганской депрессии был представлен почти исключительно находками на поверхности. Первый стратифицированный палеолитический памятник, давший массовый материал, появился здесь лишь в начале 80-х гг. в результате раскопок, проводимых в пещере Сель-Унгур [Исламов, 1984, 1988; Исламов, Оманжулов, 1984; Исламов, Зубов, Харитонов, 1988; Батыров, Батиров, 1988; Величко и др., 1988, 1990; Исламов, Крахмаль, 1990, 1992]. Пещера расположена в долине р. Сох, близ западной окраины пос. Хайдаркан, на абсолютной высоте 2000 м. Вход находится примерно в 50 м над днищем долины, в нижней части склона отрога хр. Катрантау. Ширина пещеры в привходовой части 34 м, высота свода около 25 м, глубина ее достигает 120 м.

Первый шурф был заложен в Сель-Унгуре А.П. Окладниковым и П.Т. Коноплей в 1955 г. В 1964 г. М.Р. Касымов произвел зачистку стенок этого шурфа, обнаружив на глубине 110 см изделие из коричневой кремнистой породы [Касымов, 1966]. В промежутке между работами А.П. Окладникова и М.Р. Касымова пещеру исследовал А. Пошка. Согласно его сообщению, на глубине 1.5 м были найдены остатки кострища, несколько поделок из кварцита, костяное шило и проколки. А. Пошка отметил, что “вместительная, сухая и достаточно светлая пещера, имевшая удобный вход, благоприятный температурный режим и летом и зимой, не могла не привлекать человека с древнейших времен” [Пошка, 1960, с. 38]. Эта мысль нашла окончательное подтверждение в ходе планомерных раскопок, начатых в 1980 г.

Раскопками в привходовой части пещеры выявлено несколько уровней залегания археологического материала или, по терминологии исследователей памятника, культурных слоев, относящихся к палеолиту. В первых публикациях речь шла о пяти таких слоях, но впоследствии один из них (третий) был расчленен на три, хотя опубликованный разрез [Исламов, Крахмаль, 1992, с. 51] вызывает сомнения в правомерности и самой возможности подобного разделения. Мощность культурных слоев колеблется от 20 до 40 см, они разделены стерильными прослойками толщиной от 0.3 м до 1 м. Пещерные отложения, представленные туфами, алевролитами, суглинками, с включениями обломочного материала, вскрыты на глубину до 8.5 м. Палеолитические находки залегают на глубине от 2.5 до 6.5 м. Наиболее высока их концентрация в южной части раскопанного участка, к северу же культурные слои выклиниваются. К сожалению, план раскопок до сих пор не опубликован, как и сведения об их площади (сообщается, правда, что в 1981 г. было вскрыто 64 кв. м).

М.Х. Годин, проводивший геологическое изучение разреза, делит его на две ритмотолщи, нижняя из которых, включающая 5-й и 4-й культурные слои, представлена в основном глинисто-алевритовыми отложениями, а верхняя пещерно-обвальными (щебнево-валунный материал) с прослоями известняковых глин и туфа. В верхней ритмоподтолще зафиксированы четыре размыва и перерыва в осадконакоплении, к ним приурочены 3-й, 2-й и 1-й культурные слои. Для этих слоев, как и для двух нижних, предполагается залегание *in situ*: считается, что они формировались в периоды относительного геологического покоя.

В культурных слоях Сель-Унгуре обнаружено более 4000 костных фрагментов, принадлежащих 30 видам млекопитающих, а также найдены единичные кости рептилий и птиц. Сохранность костей плохая: они, как правило, сильно раздроблены, покрыты натеком из карбонатного цемента, а при обработке скальпелем крошатся в мелкую труху. Определению поддается лишь 30% фаунистических находок.

Значительная фрагментированность костей и приуроченность их в основном к тем же уровням, где залежали каменные изделия, заставляет предполагать, что их накопление в пещере было, главным образом, результатом деятельности человека (в “межкультурных” слоях костей мало, но собрано много копролитов крупных млекопитающих). В 1-м и 2-м культурных слоях преобладают остатки барана (*Ovis cf. ammon*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*), оленя (*Cervus cf. elaphus bactrianus*), пещерного медведя (*Ursus spelaeus*), быка-тура, в 3-м и 4-м слоях — первобытного тура (*Bos primigenius*), носорога (*Dicerorhinus cf. kirchbergensis*), барана, козла, в 5-м слое обнаружены кости яка (?). Кроме того, для Сель-Унгура определены волк (*Canis cf. lupus*), лисица (*Vulpes vulpes*), пещерная гиена (*Crocuta spelaea*), пещерный лев (*Panthera (Leo) cf. spelaea*), плейстоценовый осел (*Equus hydruntinus*) и лошадь (*Equus sp.*). Выявлено также 10 видов мелких млекопитающих — грызунов. Среди них фоновыми видами, представленными наибольшим числом костных остатков, являются памирские полевки (*Microtus (Neodon) ex gr. juldaschi*) и восточные слепушонки (*Ellobius tancrei*). В значительном количестве встречены также кости серого хомячка (*Cricetulus migratorius*), серебристой горной полевки (*Alticola argentatus*), краснохвостной песчанки (*Meriones libycus*) и рыжеватой пищухи (*Ochotona rufescens*). Фауна грызунов, по заключению специалистов, указывает на условия горных степей с участками лесной и кустарниковой растительности по берегам ручьев и с опустыненными участками на склонах южной экспозиции. Ее состав и основные соотношения видов мало менялись во время существования стоянки.

О степных условиях в окрестностях Сель-Унгура во время формирования всех пяти культурных слоев говорят и данные палинологических исследований. Таксономический состав споро-пыльцевых спектров, не претерпевает заметных изменений по разрезу. Среди пыльцы древесных пород преобладает пыльца березы и лещины, в составе травянистых хорошо представлены маревые, полынь, злаки и т. д. Предполагается, что в то же время, когда в долине и нижней части горных склонов господствовали степные ландшафты, в пойме реки росли ольха и береза, а в горах существовали леса — арчевые, а выше широколиственные и хвойные. В целом растительный покров был более мезофитен по сравнению с современным, что говорит о более влажном, чем сейчас, климате в период заселения пещеры в палеолите.

В Сель-Унгуре, помимо фаунистических остатков, обнаружены и кости человека. В 3-м культурном слое пещеры было найдено 6 изолированных зубов (3 верхних резца и 3 нижних премоляра), принадлежащих, по крайней мере, двум, а возможно, трем или четырем индивидам, скорее всего, разнополым, и фрагмент правой плечевой кости (нижняя половина диафиза и нижний эпифиз) ребенка, близкого по возрасту палеоантропу из Тешик-Таша (около 10 лет). А.А. Зубов по-

лагает, что морфология премоляров дает основание рассматривать сельунгурского человека как специализированный локальный вариант архантропа, сохранившего ряд весьма архаических черт, но, в то же время, обладающего некоторыми признаками существ, несколько продвинувшихся в своем эволюционном развитии по своеобразной боковой линии, уклоняющейся от магистрали, ведущей к современному человеку. Плечевая кость, по мнению антропологов, также достаточно архаична, о чем, в частности, свидетельствует сопоставление ее с плечевой костью тешикташского палеоантропа. Кроме только что упомянутых, в Сель-Унгура было найдено еще несколько человеческих костей, в том числе обломок затылочной, но описание этих материалов в литературе пока отсутствует.

Археологическая коллекция Сель-Унгура достаточно представительна, хотя точные данные о количестве находок не публиковались. Во всяком случае, они исчисляются сотнями (в коллекции 1981 г. 521 предмет). Как меняется число и состав каменных изделий от слоя к слою также неясно: получить об этом сколько-нибудь четкое представление из имеющихся публикаций, практически, невозможно. Беглое ознакомление с коллекцией оставляет впечатление, что в целом материал более или менее однороден.

В качестве сырья палеолитические обитатели Сель-Унгура использовали яшму желто-коричневого цвета, серо-зеленый глинистый сланец и темно-серую вулканическую породу. Сырье было доступно, главным образом, в виде речной гальки, что, несомненно, наложило свой отпечаток на общий облик индустрии. Наиболее заметны в коллекции сколы, массивные, с широкими гладкими ударными площадками, образующими с брюшком тупой угол. Как правило, они имеют укороченные пропорции. Пластин, практически, нет, редки и отщепы, которые бы можно было назвать леваллуазскими. Довольно много разного рода трудноопределимых фрагментов, обломков и осколков. Нуклеусов немного и представлены они в основном остаточными, сильно сработанными экземплярами.

Процент изделий со вторичной обработкой сравнительно невелик: они составляют не более десятой части всех находок. Несомненно наличие чопперов (рис. XXIX: 3), простых скребел с прямым или выпуклым рабочим краем (рис. XXIX: 2), зубчато-выемчатых форм, отщепов и обломков с ретушью (рис. XXIX: 4). Возможно выделение по меньшей мере одного кливера (рис. XXIX: 1). Труднее согласиться с выделением в коллекции остроконечника и лимасов, хотя отдаленное сходство с последними можно усмотреть в ряде изделий. Что касается рубила, которому уделяется основное внимание в описаниях материалов Сель-Унгура, то в данном случае достоверность типологического определения крайне сомнительна. Это изделие является, скорее, нуклеусом, даже о бифасиальной обработке здесь нельзя говорить

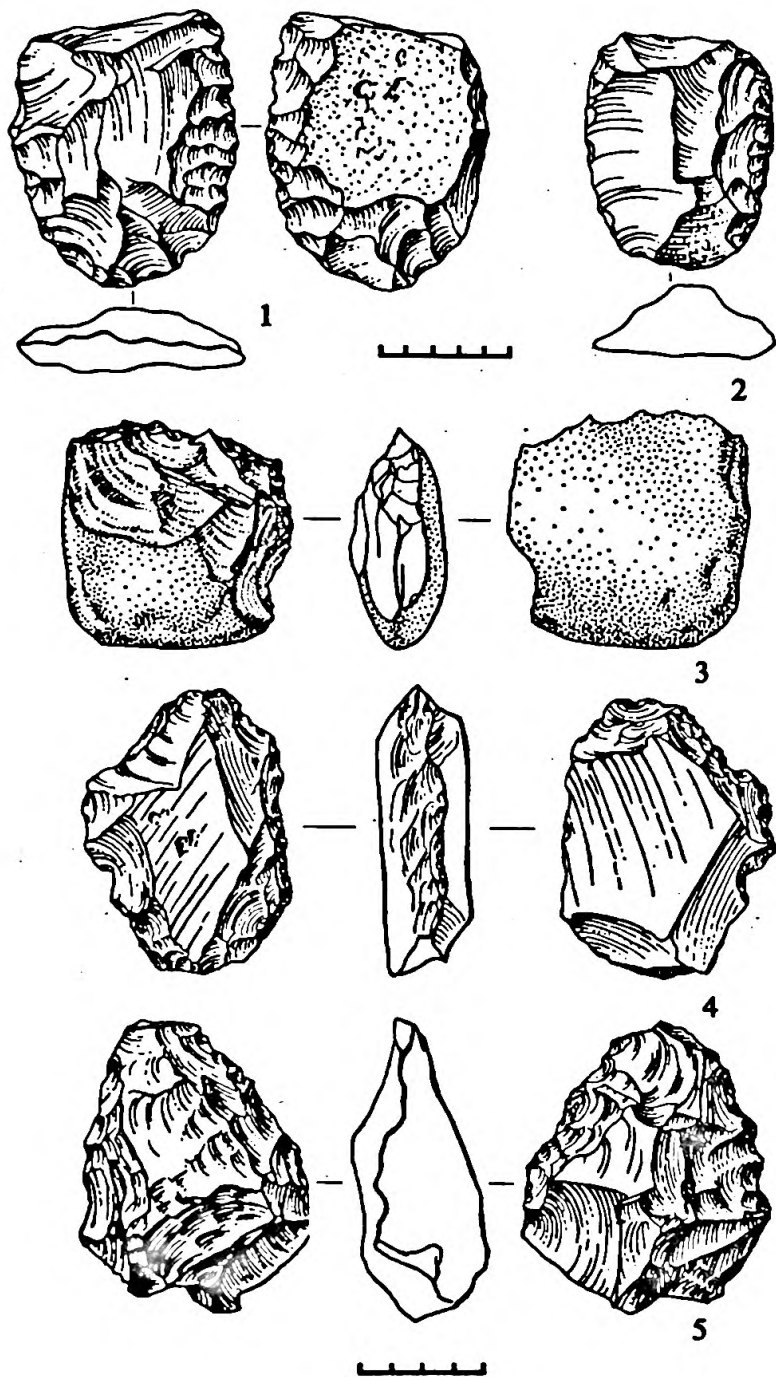

Рис. XXIX. Сель-Унгур. Орудия. По У.И. Исламову и К.А. Крахмалю, 1992.

с полной уверенностью. Опубликованные рисунки “рубилы” (рис. ХХІХ: 5), к сожалению, не дают точного представления о действительной морфологии соответствующего предмета.

Исследователи Сель-Унгура склонны относить материалы всех культурных слоев этого памятника к ашелю. Такое определение индустрии в данном случае вызывает серьезные сомнения: можно ли говорить об ашеле, не имея в коллекции настоящих рубил? С другой стороны, такие признаки, как характер сырья (речная галька), наличие чопперов, отсутствие типологически выразительных нуклеусов, обилие укороченных массивных сколов и редкость сколов пластинчатых или близких к таковым пропорций позволяют сближать Сель-Унгур с галечными индустриями Средней Азии и, прежде всего, с материалами таких памятников, как Каратау 1 и Лахути 1. Если воспринимать инвентарь всех слоев пещеры суммарно, в целом — а такой подход впредь до появления тщательного послойного описания коллекции остается единственно возможным, — то, по сравнению с южнотаджикскими памятниками, где все же имеется некоторое количество характерных мустьерских форм, Сель-Унгур выглядит даже более архаичным. Видимо, наиболее правильным было бы рассматривать индустрию памятника как нижнепалеолитическую, не относя ее при этом к ашелю, но включая в круг галечных культур [Вишняцкий, 1989а, с. 15; Ранов, 1990, с. 264; Ранов, 1993, р. 6].

Геологическая древность культурных слоев Сель-Унгура остается пока под вопросом. В публикациях У.И. Исламова и его сотрудников настойчиво проводится мысль о нижнеплейстоценовом возрасте вмещающих отложений, но аргументов в пользу этого собрано пока еще явно не достаточно. Имеющиеся палинологические и фаунистические материалы указывают, скорее всего, на среднеплейстоценовый возраст находок [Величко и др., 1990, с. 78-79], а технико-типологический анализ палеолитических изделий, как уже отмечалось, в данном случае мало что дает для определения их геологической, а тем более абсолютной древности [Ранов, Додонов, 1988, с. 71-72]. Тем не менее, не вызывает сомнения, что Сель-Унгур является одним из древнейших палеолитических памятников, известных на территории Средней Азии — в пользу этого свидетельствует вся совокупность палеонтологических, антропологических и археологических данных, а также уран-иониевая дата, полученная по куску травертина, найденного над верхним культурным слоем: 126 +/- 5 тысяч лет (ЛУ-936).

В относительной близости от Сель-Унгура, в районе кишлака Чашма на останце одной из террас р. Сох было найдено несколько изделий (чопперы и отщепы), которые, как предполагается, могут отвечать одному из периодов обитания в пещере [Исламов, Крахмаль, 1987]. Материал слишком незначителен, чтобы оценить достоверность подобной гипотезы.

Изделия, которым в литературе традиционно приписывается нижнепалеолитический возраст, были собраны еще в ряде пунктов на территории Ферганской депрессии, но во всех подобных случаях речь идет лишь о единичных изолированных находках на поверхности. Правда, о чоппере, обнаруженном А.П. Окладниковым в 1954 г. в среднем течении реки Ходка-Бакирган у кишлака **Кайрагач** [Окладников, 1958а, с. 68], сообщается, что он был извлечен из разреза, но точной геологической привязки места находки нет, что затрудняет определение ее действительной древности. Столь же мало обоснована нижнепалеолитическая датировка и для нескольких изделий, найденных П.Т. Коноплей к югу от Ферганы: на обоих берегах р. Исфайрам близ кишлака **Пальман** (чоппер и чоппинг), несколько выше по течению той же реки у кишлака **Уч-Курган** (чоппинг) и на р. **Ходжа-Гаир**, близ одноименного кишлака (изделие из черного кремня, которое А.П. Окладников считал рубилом, а В.А. Ранов чоппингом) [Конопля, 1959; Окладников, 1963; Ранов, 1965, с. 11; Ранов; Несмеянов, 1973, с. 47-48]. Что же касается так называемого "рубилы с поперечными лезвиями", найденного В.А. Рановым в 1956 г. на крайнем западном пункте местонахождения **Кайрак-Кумы** (см. ниже), вошедшем в литературу под названием **Шоркуль** [Ранов, 1959], то это изделие из окремненного песчаника, сильно окатанное, типологически аморфное [Ранов, 1965, рис. 2], хотя и действительно отличается от основного комплекса кайраккумского материала, не может быть датировано сколько-нибудь однозначно ни археологически, ни геологически.

Среднепалеолитические памятники представлены в зоне Ферганской депрессии тремя крупными местонахождениями и множеством пунктов, давших немногочисленные, часто единичные находки. Три предположительно среднепалеолитических изделия (скребло и два отщепы) были обнаружены вместе с обломками трубчатых костей животных при шурфовке пещеры **Капчигай 1** [Касымов, 1966], находящейся в ущелье Данги, неподалеку от Капчигайских палеолитических мастерских; еще 5 изделий в пещере **Сасык-Ункур** близ с. Араван [Юнусалиев, 1970, с. 14, 24]; во всех остальных случаях материал происходит с памятников открытого типа.

Наиболее значительный в количественном в качественном отношении среднепалеолитический материал происходит с местонахождения **Кайрак-Кумы** [Окладников, 1958а, 1959; Литвинский и др., 1962, с. 29-88; Ранов, 1965, с. 16-29; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 49-52], открытого в 1954 г. А.П. Окладниковым и исследовавшегося под его руководством в 1954-1956 гг. Кайрак-Кумы представляют собой ряд пунктов сбора подъемного материала, расположенных по обоим берегам р. Сырдарьи между городом Ходжент (близ Ленинабада) на западе и Наукатом на востоке, на протяжении примерно 70 км. Эти пункты разделяются на две группы: Хаджа-Ягонинскую (7 пунктов) и Наукат-

скую (24 пункта), первая находится на правом берегу, вторая на левом, выше по течению.

Находки связаны с протянувшимися цепочкой останцами сырдарьинских террас, имеющими длину от нескольких десятков метров до 1.5 км. Основная часть материалов была приурочена к двум позднеплейстоценовым (голодностепским) террасам, высотой 30-60 и 70-120 м над уровнем Сырдарьи, но встречаются палеолитические изделия и на более молодой — раннесырдарьинской, и на более древней — поздне-ташкентской — террасах. В пределах сырдарьинской террасы находки отмечаются лишь в шлейфах, сползающих с более высоких останцов, а на голодностепских террасах они встречаются как в галечных шлейфах у подножия и на склонах останцов, так и на их поверхностях. В 1961 г. В.А. Рановым и С.А. Несмеяновым было заложено 6 шурфов на останцах обеих голодностепских террас, в местах наибольшего скопления подъемного материала, но ни в одном из них палеолитические изделия обнаружены не были. Видимо, археологический материал последовательно переотлагался путем делювиального или делювиально-флювиального переноса с более древних на более молодые террасы, хотя его первоначальная локализация осталась неустановленной. Неравномерное — отдельными пятнами — распределение изделий на поверхности террас истолковывается как свидетельство незначительности их горизонтального переноса, а это дает основание для предположения о том, что местонахождения располагаются недалеко от мест обитания палеолитического человека.

Количество находок по отдельным пунктам колеблется в среднем от 10-20 до 40-60 предметов, а всего в коллекции Кайрак-Кумов 1040 изделий. Сколько-нибудь существенных различий между материалами, собранными на разных пунктах или на разных уровнях не отмечается. Сходны типологические показатели, степень патинизации и окатанности артефактов, сырье (повсеместно встречается одинаковое сочетание изделий из галек порфирита и галек кремнистых пород). Все это, по мнению исследователей памятника, заставляет рассматривать материал Кайрак-Кумов в целом, как единый комплекс, хотя при монографическом издании памятника инвентарь был довольно подробно описан и по пунктам [Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 29-80].

В коллекцию попали в основном изделия, имеющие хорошо выраженные следы преднамеренной обработки. Сортировка находок уже в ходе сборов, видимо, сказалась на общем облике индустрии Кайрак-Кумов, где почти нет предметов, определяемых обычно как отходы производства и, напротив, массовыми, типологически устойчивыми сериями представлены вещи морфологически яркие, "хрестоматийные".

Нуклеусов около 100. Преобладают дисковидные, односторонние (рис. XXX: 11) и двухсторонние (рис. XXX: 6), а также одно- и двухпло-

щадочные параллельного и встречного (рис. XXX: 13) скальвания. Единичными экземплярами представлены кубовидные и подпризматические ядрища. Заготовки заметно стандартизированы, половину их составляют пластины, да и для многих отщепов характерны удлиненные пропорции (рис. XXX: 7). Длина большинства заготовок составляет от 5 до 10 см, причем, как правило, этот показатель ближе ко второй цифре. Весьма характерны для Кайрак-Кумов тонкие, параллельно ограненные пластины, симметричные в плане, треугольных или прямоугольно-вытянутых очертаний (рис. XXX: 3-5). У многих пластин длина превышает ширину в три и более раз. Для заготовок Кайрак-Кумов был подсчитан индекс фасетирования — 38, при этом замечено, что на изогнутых площадках следы фасетирования встречаются чаще, чем на прямых. Орудия представлены в основном скреблами и остроконечниками: всего изделий со вторичной обработкой в коллекции 78, а изделий двух названных типов, по подсчетам исследователей памятника, 67 (34 скребла и 33 остроконечника). Среди скребел наиболее многочисленны простые с прямым или выпуклым рабочим краем (рис. XXX: 8, 12), есть также двойные (рис. XXX: 9) и конвергентные (рис. XXX: 10). Преобладают, хотя и незначительно, скребла на пластинчатых заготовках. Часть орудий, отнесенных к остроконечникам, возможно, также было бы правильнее рассматривать как конвергентные скребла, поскольку они, по признанию В.А. Ранова, “заканчиваются притупленным концом” [Ранов, 1971, с. 224]. Остроконечники в массе своей изготовлены на пластинах, и лишь как исключение встречаются орудия на крупных пластинчатых отщепах. Характер заготовок сказывается на общем облике изделий: они имеют, как правило, удлиненные очертания и более или менее симметричны в плане (рис. XXX: 2). Большую часть остроконечников из Кайрак-Кумов В.А. Ранов определяет как леваллуазские [там же, с. 224]. К существующим описаниям можно добавить, что одно изделие рассматриваемой группы по характеру обработки спинки и форме сечения очень близко к лимасам (рис. XXX: 1). Кроме скребел и остроконечников в числе изделий со вторичной обработкой долотовидные орудия, остря, один скребок.

А.П. Окладников в ряде своих работ характеризовал порфириновый комплекс Кайрак-Кумов как более древний, ашельский или ашеломустьерский [Окладников, 1959, с. 162]. Изделия из порфирита, как сообщается, отличаются большей патинизированностью и окатанностью. В то же время, технико-типологических различий между разносырьевыми комплексами, по заключению исследователей памятника, проследить не удастся. Последнее обстоятельство заставило В.А. Ранова отказаться от расчленения собранного в сходных условиях материала только на основании различий в физическом состоянии поверхностей изделий (“так как трудно учесть связь характера патинизации с петрографическими особенностями той или иной породы”) и он стал

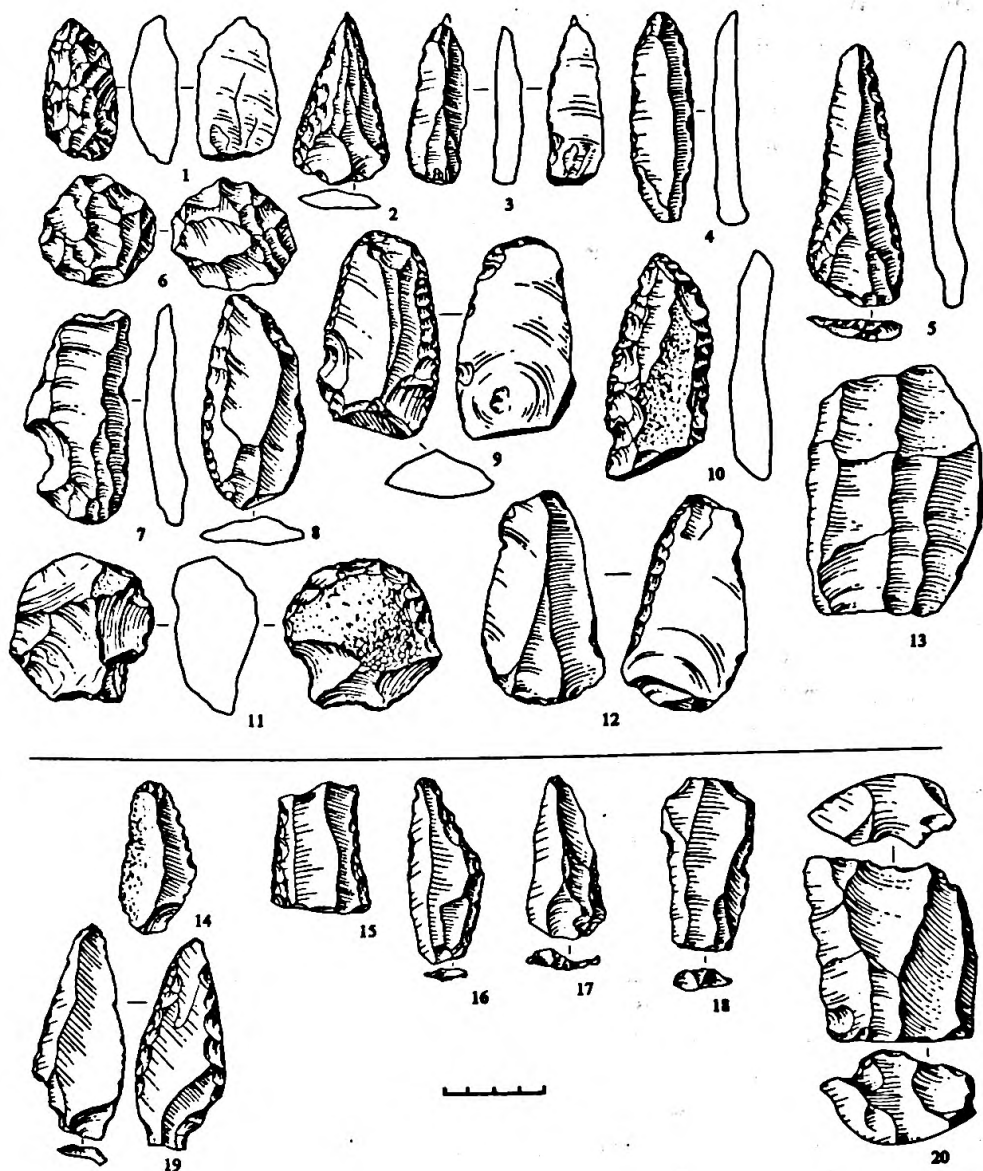

Рис. XXX. Кайрак-Кумы (1-13) и Джар-Кутан (14-20).
 Орудия (1-5, 8-10, 12, 14-16, 19), сколы (7, 17, 18), нуклеусы (6, 11, 13, 20).
 По Б.А. Литвинскому, А.П. Окладникову, В.А. Ранову, 1962.

рассматривать инвентарь Кайрак-Кумов как в целом одновозрастной, “ашеле-мустьерский или, скорее, раннемустьерский”, с небольшой примесью более позднего материала [Ранов, 1965, с. 18]. Впоследствии А.П. Окладников, говоря о Кайрак-Кумах, называл этот памятник мустьерским или леваллуа-мустьерским, продолжая все же подчеркивать большую архаичность порфиритового комплекса и допуская его большую древность [Окладников, 1966, с. 35, 39]. Другие исследователи относили кайракумский палеолит к развитому мустье [см. Ранов, 1965, с.107, прим. 12] или раннему леваллуа-мустье [Абрамова, 1984, с. 143]. В.А. Ранов включает Кайрак-Кумы в группу леваллуа-мустьерских памятников Средней Азии (наряду с Худжи, Тоссором и т. д.).

Учитывая огромную площадь сборов, явную переотложенность и более чем вероятную смешанность материалов, а также определенную их сортировку, следует очень осторожно подходить к общей оценке индустрии памятника. Нет, как будто, никаких серьезных оснований для чрезмерного удреждения ее возраста: он, судя по всему, не выходит за рамки среднего палеолита. Что же касается сопоставления Кайрак-Кумов с другими среднепалеолитическими памятниками Средней Азии, то единственным ориентиром в данном случае может служить, как кажется, направленность технологии расщепления, которая просматривается достаточно отчетливо (хотя и здесь нельзя исключить влияние сортировки при формировании коллекций): целью было получение заготовок пластинчатых пропорций, достаточно длинных, симметричных в плане, часто подтреугольных очертаний. На таких заготовках оформлено подавляющее большинство орудий, типология которых является классической для мустье, вполне отвечая палеолитоведческим канонам начала 50-х годов и более раннего времени.

Второе крупное среднепалеолитическое местонахождение — **Джар-Кутан** [Несмеянов, Ранов, 1962; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 40-42; Ранов, 1965, с. 30-49] — находится у одноименного кишлака на левом берегу Шахристан-сая в 5 км южнее Шахристана. Это крайний западный участок депрессии, а геологически — зона перехода адыров передовой гряды Туркестанского хребта в аллювиальные террасы. Здесь четко выражены все четвертичные уровни. Местонахождение открыто В.А. Рановым в 1961 г. Подъемный материал был собран на двух ташкентских террасах: на более высокой (80-100 м над руслом) он образует скопление размером 50 x 30 м, а на низкой (50-70 м над руслом) встречается в пахоте или в промоинах узкой (10-20 м), но длинной (1.5 км) полосой. Для выяснения условий залегания палеолитических изделий на обоих уровнях были заложены 3 шурфа и 4 траншеи общей площадью 22 кв.м. Эти выработки дали немногочисленные изделия, но следов культурного слоя или остатков фауны встречено не было. Согласно существующим представлениям, материалы Джар-Кутана переотложены. Общепринятая геологическая датировка отсутствует.

В.А. Ранов считает изделия, собранные на обеих террасах, одновременными. Трудно судить о правомерности этого заключения, но вызывает некоторое недоумение, что, обосновывая свою позицию не только сходством технико-типологических показателей, но и "одинаковой степенью патинизации", этот исследователь на той же странице, четырьмя строчками ниже, пишет уже о различиях в степени патинизации и даже разделяет все изделия во этому признаку на три группы [Ранов, 1965, с. 31].

Всего в коллекции 670 изделий. Сырьем служил кварцитовидный песчаник типа филлита серого или темно-серого цвета. Эта порода была доступна преимущественно в виде галек. Много расколотых галек со следами бессистемных снятий, но хорошо представлены и нуклеусы выработанных форм. Среди них господствуют ядрища параллельного скалывания, сравнительно крупные и массивные, несущие негативы пластинчатых сколов длиной в среднем чуть более 5 см. Эти нуклеусы могут быть одноплощадочными и двухплощадочными; на последних фиксируются, как правило, следы встречного скалывания (рис. XXX: 20). С нуклеусов Джар-Кутана получали пластинчатые, симметричные в плане заготовки, которые и преобладают в коллекции (рис. XXX: 17, 18). Большинство их имеют параллельную огранку спинки, совпадающую с длинной осью изделия, и длину от 5 до 10 см. Подсчитаны индексы фасетирования: общий — 55, и строгий — 4. Изделий со вторичной обработкой сравнительно немного — около трех десятков. Они представлены скреблами разных типов, в том числе конвергентным, края которого обработаны с брюшка (рис. XXX: 19), пластинами с ретушью и с усечением (рис. XXX: 15, 16), скребком на полупервичном пластинчатом сколе (рис. XXX: 14).

В.А. Ранов характеризовал Джар-Кутан как "самый леваллуазский" из всех памятников Средней Азии. Он включает его в одну группу с Оби-Рахматом и Ходжажентом.

Среднепалеолитические изделия, как считается, составляют наиболее многочисленную группу и среди находок на Капчигайских мастерских [Окладников и др., 1964; Касымов, 1972, с. 12-14, 18-36], открытых в 1956 г. П.Т. Коноплей и исследовавшихся впоследствии А.П. Окладниковым и М.Р. Касымовым. Это местонахождение расположено примерно в 40 км к югу от Ферганы в ущелье Данги близ горы Капчигай, у вершины которой выступают пласты кремня. Склоны горы усеяны осколками кварцита и черного кремня, среди них собраны многочисленные артефакты, относимые к мустье и позднему палеолиту. Всего в коллекции 2641 предмет, из них 2310 М.Р. Касымов включает в мустьерский комплекс. Вряд ли столь точное определение в данном случае уместно и возможно, но само по себе наличие достаточно представительного среднепалеолитического компонента несомненно. Кроме кремня и мелкозернистого кварцита, в качестве сырья

на местонахождении использовался базальт. М.Р. Касымов подчеркивает сильную патинизацию поверхности изделий, выделенных им в мустьерский комплекс.

Этот комплекс представлен в основном нуклеусами и сколами. На большинстве нуклеусов со сформировавшейся системой снятий фиксируется радиальное скалывание. Велось оно почти всегда лишь с одной стороны ядрища, на противоположной же стороне часто подготавливались ударные площадки. Исходные предметы расщепления при радиальном скалывании имеют в Капчигае не только подокруглые или овальные, но порой и близкие к подчетыреугольным очертания. Имеются в коллекции и настоящие черепаховидные нуклеусы. Встречаются также ядрища со следами параллельного и встречного скалывания. Сколы в массе своей аморфны, преобладают отщепы с бессистемной огранкой и гладкими ударными площадками, часто массивные, крупные. Значительная часть отщепов первичные или полупервичные. Пластины редки, причем многие из сколов пластинчатых пропорций также сохранили на спинке участки корки. Орудия в инвентаре Капчигая представлены плохо, хотя изделий со вторичной обработкой немало. В основном это сколы и обломки с ретушью, встречаются скребла на пластинчатых отдельностях породы, а также острия и проколки, но последние вполне могут иметь и более поздний возраст. Что касается остроконечников, которых по подсчетам М.Р. Касимова 44, то их выделение вряд ли правомерно: сопоставление описаний с рисунками убеждает, что речь, главным образом, идет об отщепах с ретушью. В целом можно отметить практически полное отсутствие настоящих орудий на отщепах и пластинах, что, впрочем, неудивительно, если иметь в виду функциональный характер памятника.

Среднепалеолитические местонахождения, давшие сравнительно немногочисленный материал, а также пункты единичных находок, тяготеют в основном к долинам речек, спускающихся с Туркестанского и Алайского хребтов и пересекающих южную часть Ферганской депрессии в меридиональном направлении. Если рассматривать их, двигаясь с запада на восток, то начать следует с памятников района Шахристана. Помимо уже описанного местонахождения Джар-Кутан, мустьерские, по В.А. Ранову, изделия, были обнаружены близ **Шахристана** и в самом городе еще в четырех пунктах [Несмеянов, Ранов, 1962]. Кроме того, отдельные находки встречаются в междуречье Шахристан-сая — Янгиарыка и на правом берегу последнего (пластины мустьерского облика у кишлаков **Уяз** и **Сарым-сакли**, в городе **Ура-Тюбе**, дисковидный нуклеус у кишлака **Верхний Дальян**, малочисленные изделия у кишлаков **Кишкат** и **Дакат** и на **Каирмасе** [Ранов, 1965, с. 50; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 43].

В коллекции местонахождения Ходжа-Гор, расположенного на правом берегу р. Исфара и относимого обычно к более позднему

времени, А.П. Окладников выделил три мустьерских изделия, в том числе скребло, которое он считал близким к скреблам типа кина [Окладников, 1958а, с. 66-67; 1959. с. 163-165].

Более значительны в количественном отношении среднепалеолитические, по М.Р. Касымову, находки, сделанные им в 1964 и 1966 гг. в долине р. Сох. На четырех пунктах близ кишлака **Чунгара**, на третьей террасе, собран 31 предмет: нуклеусы, отщепы, пластины. Еще представительней коллекция, полученная на двух пунктах, располагающихся в 2.5 км к югу от кишлака **Сарыкурган**. Здесь, в галечных осыпях, на площади примерно 600 x 600 кв. м, собрано более 200 предметов. Кроме того, нуклеусы, пластины и другие изделия были обнаружены в окрестностях кишлаков **Заргаш** и **Секитма** [Касымов, 1966, 1972а].

Далее к востоку, в долине Шахмардана, П.Т. Коноплей был найден в 1952 г. дисковидный нуклеус — первое палеолитическое изделие из Ферганской депрессии, ставшее достоянием археологов. Этот нуклеус, как сообщается, залегал в переотложенном состоянии в лессовидных суглинках голодностепской террасы у пос. **Охна** [Окладников, Ранов, 1961, с. 39, рис. 16: 1; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 45].

Пять пунктов находок изделий, относимых к среднему палеолиту приурочены к ташкентским террасам р. Ходжа-Гаир. Эти пункты расположенные в пределах двухкилометрового участка долины, объединяются в местонахождение **Аирбаз** [Конопля, 1959].

Крайним восточным районом сосредоточения среднепалеолитических находок являются адыры вокруг г. Ферганы. Здесь на местонахождениях **Карам-Куль**, **Ак-Таш**, **Саурбулак** и еще в шести пунктах П.Т. Коноплей еще в конце 50-х гг. было собрано около 200 изделий, в том числе полтора десятка нуклеусов и 5 орудий [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 48-49]. Впоследствии дополнительные сборы на Карам-Куле проводил М.Р. Касымов (в числе шести находок классический остроконечник); он же открыл и исследовал местонахождение **Калача** в 10 км к северо-востоку от Ферганы. Здесь, в пяти пунктах вдоль русла Куvasая, получена коллекция, включающая около 150 сильно окатанных и патинизированных изделий из кремнистого сланца и роговика [Касымов, 1966].

Пластина и отщеп, предположительно относимые к мустье, были найдены в 1964 г. Ю.А. Заднепровским в культурном слое исторического времени на городище **Кзыл-Октябрь**, в районе Узгена. Высказано предположение, что эти изделия происходят из лесса третьей (верхнеплейстоценовой?) террасы р. Яссы [Заднепровский, Ранов, 1966].

В северной части Ферганской депрессии за пределами местонахождения **Кайрак-Кумы** встречены лишь единичные изолированные находки (пластины, отщепы, нуклеус), сопоставляемые В.А. Рановым с кайраккумским материалом [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 52-53].

Из памятников Ферганской депрессии, относимых к верхнему палеолиту, наибольшей известностью пользуется местонахождение **Ходжа-Гор** [Окладников, 1958а, с. 64-66; 1959, с. 169-170; Несмеянов, Ранов, 1964; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 43-44], находящееся близ кишлака Кепкой в долине р. Исфара. Оно исследовалось в 1954-1955 гг. А.П. Окладниковым, а геологические условия залегания материала изучались дополнительно С.А. Несмеяновым и В.А. Рановым. Находки частично были собраны на поверхности, а частично в раскопах, охватывающих площадь около 200 кв. м. Изделия находились во взвешенном состоянии в слое палевого суглинка, слагающего верхнюю часть конуса выноса одного из саев. Предполагается, что эти суглинки были переотложены с какой-то верхнеплейстоценовой террасы небольшим селевым потоком.

Все изделия в коллекции изготовлены из кремня. Кроме трех, упомянутых выше, вещей, относимых к среднему палеолиту, в **Ходжа-Горе** найдены призматические нуклеусы, пластины, многочисленные скребки на пластинах (в том числе двойные) и на отщелах, острия граветтоидного облика, проколки, пластинки с ретушью. Распространена мелкая затупливающая (отвесная?) ретушь. Если бы в **Ходжа-Горе** имелись геометрические изделия, то весь комплекс вполне мог бы быть отнесен к мезолиту; отсутствие же таковых позволило А.П. Окладникову датировать этот памятник концом верхнего палеолита. А.П. Окладников и В.А. Ранов искали аналогии **Ходжа-Гору** среди индустрий Капсийского круга.

Как уже говорилось, верхнепалеолитический комплекс был выделен М.Р. Касымовым в коллекции Капчигайской мастерской. Он включил в него 331 изделие. Среди них призматические нуклеусы и их заготовки, пластинки, скребки, многочисленные отщепы и обломки [Касымов, 1972, с. 31-35].

Кроме названных памятников, малочисленные или единичные находки предположительно верхнепалеолитического возраста были собраны в **Джар-Кутане** [Ранов, 1965, с. 86-87], **Кайрак-Кумах** [там же, с. 86], около кишлака **Унджи** недалеко от Ленинабада [Окладников, 1958а, с. 66] и на местонахождении **Нейза-Таш** у одноименной скалы в долине **Шахимардана**. В последнем случае археологический материал залегал несколькими прослоями в теле останца голодностепской террасы, очевидно, в переотложенном состоянии [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 45].

5. Северо-Западный Тянь-Шань.

Северо-Западный Тянь-Шань представляет собой систему круто-склонных хребтов юго-западного простирания, отходящих от Таласского Алатау и разделяемых глубокими внутригорными впадинами. С запада к этим хребтам примыкает аллювиально-пролювиальная рав-

нина р. Сырдарьи. В геолого-географической литературе данный район иногда именуется также Чаткальским [см. напр.: Ранцман, 1975, с. 208]. Его северной границей является р. Арысь, восточной — хр. Каратау, южной — Ферганская депрессия и, наконец, западной — р. Сырдарья.

Одним из важнейших палеолитических памятников района, как, впрочем, и Средней Азии в целом, является **Кульбулак** [Касымов, 1972б, 1978, 1990; Касымов, Тетюхин, 1980; Касымов, Годин, 1982, 1984; Касымов и др., 1985, 1988, 1992], открытый в 1962 г. О.М. Ростовцевым и изучавшийся с 1963 г. до конца 80-х годов М.Р. Касымовым. Памятник находится в 6 км к западу от г. Ангрена на юго-восточном склоне Чаткальского хребта в междуречье Кызылалмасая и Джарсаия (бассейн р. Ахангарон). Шурфы и раскопы концентрируются вокруг одноименного родника. Абсолютная высота около 1000 м.

К началу 90-х гг. раскопками была охвачена площадь более 600 кв. м, а шурф 3 на одном из центральных участков доведен до глубины 19 м (площадь 9 кв. м). Каменные артефакты встречаются вплоть до низов вскрытой пачки отложений и вполне вероятно, что археологический материал может быть получен и из еще более древних, пока не затронутых шурфовкой слоев.

Девятнадцатиметровая толща отложений, вскрытая шурфом 3, сформирована осадками различного генезиса, причем чистых разновидностей пород почти не встречается. В целом преобладают мелкоземистые осадки (глина, алеврит, песчаники), но отмечаются и прослои гравия, конгломератов, валунника (особенно в верхах толщи). Для нижней части разреза характерны песчаные, песчанисто-алевритовые и гравелитовые отложения аллювиального происхождения. Наряду с ними формировались осадки пойменных болотных и озерно-болотных фаций, представленные песчанисто-глинистым, глинисто-алевритовым и глинистым материалом. Верхняя часть отложений, имеющая в шурфе 3 мощность около 5.5 м, образовалась в основном за счет действия селевых потоков, а также делювиальных и пролювиальных процессов.

Существует мнение, что археологический материал на Кульбулаке в основном переотложен [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 92-94; Несмеянов, 1978, с. 106-107; Медведев, Несмеянов, 1988, с. 139]. Предполагается, в частности, что палеолитические изделия могли быть перенесены селевыми потоками по Джарсаю с неподалеку расположенных мастерских (чему, кстати, не противоречит и характер инвентаря многих слоев). Траншея, соединившая основные раскопы с руслом Джарсаия, как будто, опровергает это предположение: сообщается, что находки артефактов в траншее прекращаются в нескольких метрах от русла [Касымов, 1978, с. 7]. Вместе с тем, М.Р. Касымов и работавшие с ним специалисты не только признавали, что верхняя часть отложений в значительной мере сформирована именно селевыми потоками,

но и, более того, связывали с осадками селевой фации несколько культурных слоев. Видимо, вопрос о том, залегают ли палеолитические изделия *in situ* или в переотложенном состоянии (возможны и компромиссные варианты) нуждается в дальнейшей проработке. В ходе возобновившихся с 1994 г. раскопок, которые затронули пока только самую верхнюю (около 1.5 м) часть отложений, “установлено присутствие слоев с непереотложенным материалом и слоев нарушенных, но не переотложенных. Нельзя исключить, — полагают нынешние исследователи Кульбулака, — что подобное явление будет характерно и для нижележащих слоев” [Анисюткин и др., 1995].

М.Р. Касымов выделял на Кульбулаке 49 культурных слоев, разделенных стерильными прослоями разной мощности (от 10-20 см до 2 м), каждый из которых он считал возможным рассматривать как след отдельного поселения. С последним трудно согласиться. Многие из этих слоев дали пока лишь по два-три десятка каменных изделий или даже меньше, причем далеко не всегда артефактам сопутствуют фаунистические остатки, а иные атрибуты культурного слоя (скопления углей или зольной массы, интенсивная окрашенность вмещающей породы, элементы организации пространства) встречаются лишь в единичных случаях или не встречаются совсем. Можно надеяться, что количество уровней концентрации находок, характер залегания последних, наличие и количество культурных слоев, корреляции слоев в разных раскопах и шурфах будут установлены более точно в ходе новых исследований памятника, пока же в этом отношении приходится ограничиваться самыми общими сведениями.

Палинологически разрез охарактеризован очень неполно. Большая часть взятых проб (около 80%) оказались пустыми, а в остальных присутствовало не более 20-30 зерен. В этих пробах преобладала пыльца трав и полукустарников — ксерофитов с некоторым увеличением доли влаголюбивой растительности в верхней части разреза. Столь же общи и сведения о фауне Кульбулака. Для нижних слоев (45-12а) отмечены лошадь (*Equus sp.*), олень (*Cervus elaphus*), первобытный тур (*Bos primigenius*), сибирский горный козел (*Capra sibirica*), кабан (*Sus scrofa*), заяц (*Lepus tolai*), для верхних эти же формы плюс волк (*Canis lupus*), пещерная гиена (*Crocuta spelaea*) и еще ряд видов. Какие-либо абсолютные даты для Кульбулака отсутствуют. Имеющихся естественнонаучных данных явно недостаточно для определения возраста отложений. М.Р. Касымов и М.Х. Годин писали, что нижние слои памятника относятся к раннему плейстоцену, но сколько-нибудь убедительно обоснован этот вывод не был [Ранов, Додонов, 1978, с. 72].

Археологическая коллекция Кульбулака насчитывает около 70000 предметов. В качестве сырья использовался в основном кремний (почти 85% всех изделий), а кроме него сланец, кремнистый известняк, кварц, кварцит, халцедон и т. д. Выходы всех перечисленных пород

имеются в непосредственной близости от памятника и легко доступны. Использовалась также галька из русел окрестных саев.

Материал Кульбулака, если судить по имеющимся публикациям и общему впечатлению, полученному от беглого просмотра части коллекции, в целом довольно однороден. Одной из его особенностей является высокий процент изделий со следами вторичной обработки. Во многих слоях они составляют более половины всех находок. Несмотря на то, что между нижними и верхними слоями существует, возможно, более или менее значительная хронологическая дистанция, их инвентарь в целом довольно схож и воспринимается как проявление одной и той же традиции обработки камня. Важной чертой, характеризующей палеолитический комплекс памятника, определяющей его своеобразие и единство, считается обилие зубчато-выемчатых изделий и орудий иных типов с зубчатым рабочим краем, нигде более в Средней Азии не встречаемых в таком количестве. Они и формируют "лицо" индустрии, образуя тот главный "фон", на котором прочие особенности инвентаря выглядят уже чуть ли не как второстепенные детали. Правда, нельзя исключить вероятность того, что "зубчатость" орудий Кульбулака далеко не всегда связана с деятельностью человека [см. напр.: Анисюткин и др., 1995, с. 10] и представляет собой во многих случаях результат естественных повреждений, но для проверки этого предположения нужны специальные исследования.

М.Р. Касымов выделял среди зубчато-выемчатых изделий множество типов, таких, как тейякские скребла, тейякские остроконечники, выемчато-скребущие орудия, выемчато-режущие, прокалывающие и т. д. и т. п. Однако, границы, проводимые между этими группами, как кажется, часто слишком произвольны, а функциональные характеристики основаны, в лучшем случае, лишь на интуиции. Морфологически зубчато-выемчатые изделия Кульбулака расчленить очень трудно, за исключением отдельных орудий с зубчатым краем, поддающихся точному типологическому определению (скребла, острия и т. д.). Во времени же этот компонент индустрии практически не меняется, так что зубчато-выемчатые изделия в нижних и верхних слоях неразличимы.

Для доверхнепалеолитических слоев Кульбулака (45-5 по М.Р. Касымову), кроме орудий с зубчатым рабочим краем, характерны также такие черты, как укороченность, массивность сколов, редкость качественных заготовок, частое использование в качестве заготовок обломков и осколков камня. Сколы пластинчатых пропорции встречаются редко, собственно пластин почти нет. Нуклеусы в этих слоях довольно разнообразны: много дисковидных, порой сработанных до предела, обычны и нуклеусы параллельного скалывания в разных вариантах (одно- и многоплощадочные, со следами встречных сколов и т. д.). Характер многих нуклеусов трудно определим из-за их сильной сработанности, нередко они переоформлялись в орудия. Процент из-

делий с коркой во всех слоях незначителен, хотя многие из имеющих первичных и полупервичных сколов также ретушированы.

Среди изделий со вторичной обработкой, кроме зубчато-выемчатых форм (рис. XXXI: 5, 6, 8) и отщепов (осколков, обломков) с ретушью, в доверхнепалеолитических слоях встречаются также скребла разных типов (рис. XXXI: 7, 9-12, 14, 15), в том числе поперечные, конвергентные, угловатые, инверсионные, единичные остроконечники (рис. XXXI: 13), резцы, проколки (рис. XXXI: 16), острия. Интересно наличие в коллекции по крайней мере одного лимаса (рис. XXXI: 2). Но самой главной, наряду с обилием зубчато-выемчатых форм, особенностью орудийного набора является наличие в нем двусторонне обработанных изделий: одного рубила (рис. XXXI: 17) и трех-четырех листовидных наконечников (рис. XXXI: 1, 3, 4). Присутствие этих форм резко выделяет Кульбулак на фоне других среднеазиатских памятников.

М.Р. Касымов полагал, что выделенные им 49 культурных слоев памятника содержат ашельский (22 слоя), мустьерский (24 слоя) и верхнепалеолитический (3 слоя) материал [Касымов 1990б, с. 36]. Действительно, инвентарь трех верхних слоев (он будет охарактеризован ниже) с достаточной долей уверенности может рассматриваться как верхнепалеолитический. Однако, что касается выделения ашельского компонента, то здесь возникают серьезные сомнения. Рубило происходит из 5-го, заведомо мустьерского, слоя, а двусторонне обработанные наконечники из 27-го и 28-го слоев (рис. XXXI: 1, 3, 4) тяготеют скорее к среднему, чем к нижнему палеолиту. В целом же индустрия изменяется от слоя к слою настолько незаметно, что о каких-либо значительных сдвигах в технологии или изменениях в типологии вплоть до перехода к верхнему палеолиту говорить не приходится. Во всяком случае, выделение ашельских слоев не обосновано сколько-нибудь серьезно и, видимо, правильное пока было бы говорить о среднепалеолитическом и верхнепалеолитическом комплексах Кульбулака, не исключая возможности того, что продолжение раскопок на этом памятнике даст и нижнепалеолитический материал. Следует также заметить, что существовала тенденция чрезмерно удревять возраст тех слоев Кульбулака, которые М.Р. Касымов считал мустьерскими: он помещал их в средний, а в отдельных работах [Касымов, Годин, 1984, с. 5] даже в ранний (!) плейстоцен.

В 1 км к северо-западу от Кульбулака, на западной окраине местонахождения Кызылалмасай 2, Н.К. Анисюткиным выявлен еще один, видимо, перспективный для раскопок пункт, названный им Кызылалма [Анисюткин и др., 1995, с. 12-27]. Проведенные здесь в 1995 г. исследования дали 214 изделий (в основном из кремня), среди которых имеется бифас листовидной формы, аналогичный кульбулакским. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что Кызылалма, расположенная у выходов сырья, использовалась обитателями Кульбулака (по крайней мере, в какие-то периоды) как мастерская.

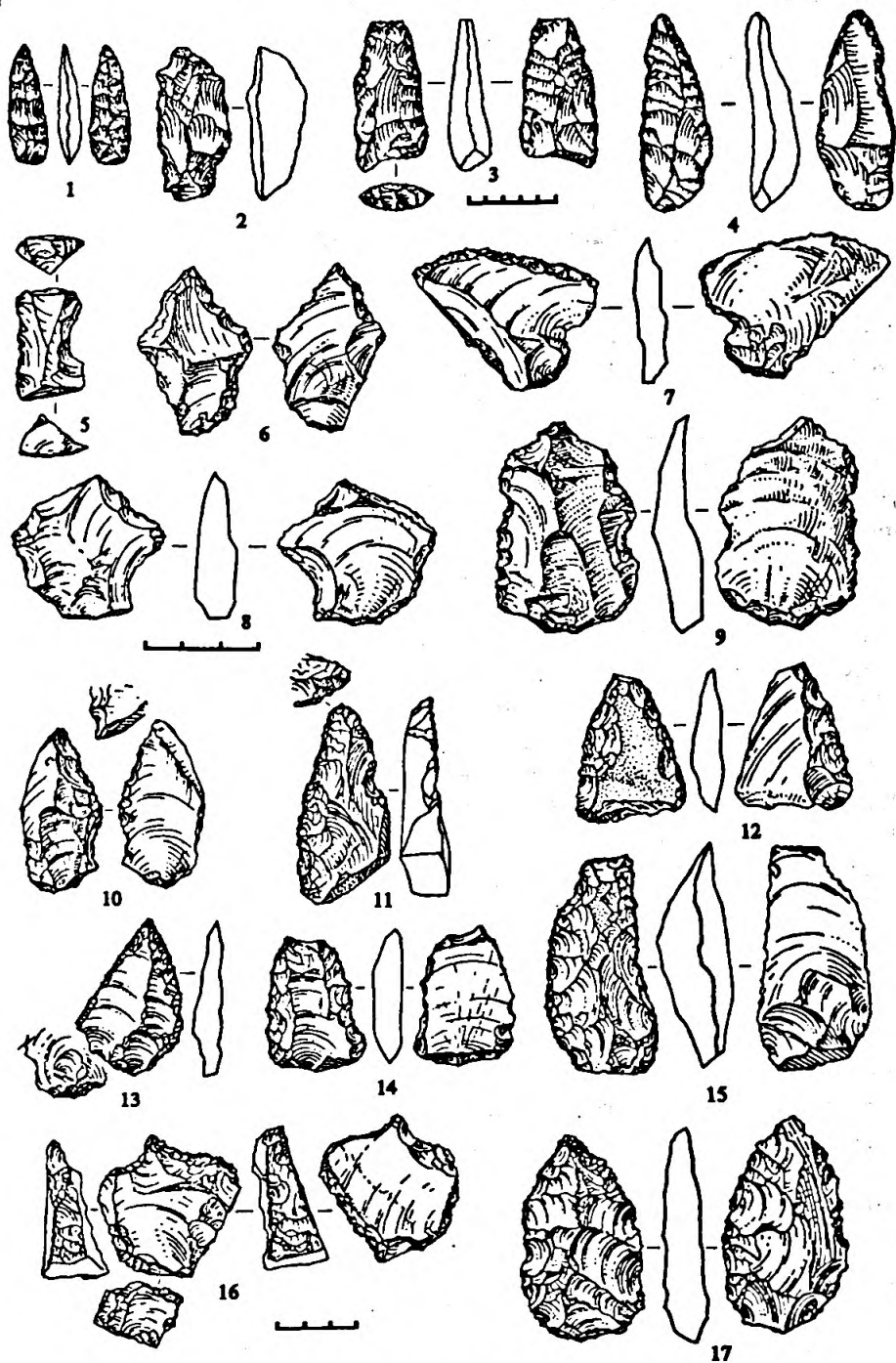

Рис. XXXI. Кульбулак. Орудия. 13 — слой 4; 16, 17 — слой 5;
 10-12, 14, 15 — слой 6; 5-9 - слой 8; 1,3 — слой 27; 2,4 — слой 28.
 По М.Р. Касымову, 1972а.

Кроме Кульбулака, в Северо-Западном Тянь-Шане известен еще ряд стратифицированных памятников. Все они связаны с разного рода убежищами в горах (пещеры, гроты).

Грот **Оби-Рахмат** [Насретдинов, 1964; Сулейманов, 1972; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 95-98] находится в 100 км к северо-востоку от Ташкента, недалеко от места слияния рек Чаткал и Пскем. Он расположен в долине сая Пальтау, являющегося правым притоком Чаткала, на абсолютной высоте 1250 м. Ширина грота в привходовой части, обращенной на юг, 20 м, глубина 9 м, максимальная высота 11.8 м. Палеолитические материалы были открыты здесь в 1962 г. отрядом, работавшим под руководством А.Р. Мухамеджанова. Раскопки проводились первоначально Х.К. Насретдиновым, а в 1964-1965 гг. Р.Х. Сулеймановым. Общая площадь раскопов, траншей и шурфов составила около 60 кв. м, скальное дно достигнуто на 2 кв. м.

Согласно заключению геологов (А.И. Исламов, Г.Ф. Тетюхин и др.), грот, связанный с 4-й террасой рек Пальтау и Чаткал, образовался в первой половине голодностепского цикла, а во второй половине его ниша была заполнена рыхлыми осадками. Десятиметровая толща отложений представляет собой чередование плотных палевых и серых суглинков, обогащенных в верхней части мелкой щебенкой, а ниже по разрезу более крупной. Отмечается, что палевые слои имеют большую мощность, но в то же время они сравнительно бедны культурными остатками. Серые слои тоньше и содержат более богатый материал. Сам их цвет, как предполагается, является следствием обитания людей в гроте, а точнее, следствием включения в отложения частиц обожженного органического вещества — детрита. Всего выделен 21 литологический слой, но не все специалисты согласны в этом с Р.Х. Сулеймановым [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 14, 96]. Судя по описаниям и опубликованному разрезу, напластования простираются в глубину грота почти горизонтально (с небольшим подъемом), мощность их при этом несколько уменьшается.

Хотя, как уже говорилось, не все выделенные литологические слои одинаково богаты культурными остатками, стерильных горизонтов не прослежено. Если это не связано с позднейшими деформациями отложений Оби-Рахмата, то остается предположить, что перерывы в заселении грота были недостаточно продолжительным, чтобы быть зафиксированными археологически. Материал не образовывал каких-либо пространственных группировок не только по вертикали, но и в плане: локально обособленных скоплений инвентаря или каких-либо строительных конструкций не обнаружено. Наличествуют лишь очажные пятна, выделяемые на разных уровнях.

Полученные при раскопках фаунистические остатки (определения Э.А. Вангенгейм), практически, не различаются по слоям. Преобладают (60%) кости сибирского горного козла (*Capra sibirica*), неплохо

(30%) представлен благородный олень (*Cervus elaphus cf. bactrianus*), изредка встречаются баран (*Ovis sp.*), сурок (*Marmota sp.*) и кабан (*Sus scrofa*). Найдены и кости крупного хищника из семейства кошачьих, возможно, пещерного льва. Фаунистический комплекс Оби-Рахмата не схож с аманкутанским, хотя оба памятника находятся почти на одинаковой высоте (1250 м и 1300 м) над уровнем моря. Если в Аман-Кутане представлены, как и должно быть, животные обычные для среднегорий, то в Оби-Рахмате преобладает горный козел — вид обычный для более высокого пояса и доминирующий, в частности, в фаунистическом списке Тешик-Таша (1800 м). Объясняется это, как предполагается, тем, что Аман-Кутан находится на сравнительно невысоком водоразделе, а Оби-Рахмат окружен высокогорьями.

В коллекции Оби-Рахмата около 30 тысяч каменных артефактов. Они изготовлены из известняка разной степени окремнености (вплоть до почти чистого кремня), глинистого сланца, гораздо реже из кварцевого песчаника и кварца. Все перечисленные виды сырья могли добываться близ грота: окремненные известняки из обнажений вдоль борта долины сая, кварцевый песчаник в виде галек из наносов р. Пальтау.

Археологический материал описан Р.Х. Сулеймановым по литологическим слоям. В шести нижних слоях находок было очень мало, всего около 50 предметов, затем насыщенность отложений палеолитическими изделиями заметно увеличивается и на уровне 7-го — 8-го слоев достигает максимума. Выше их количество опять уменьшается и, по сути, 4-й слой завершает собой археологическую колонку Оби-Рахмата. Нельзя, очевидно, исключить, что, по крайней мере, часть материалов претерпела более или менее значительные перемещения по вертикали, о чем, в частности, свидетельствуют находки фрагментов средневековой керамики в низах толщи, где прослежены следы крупной промоины.

Явно недостаточная изученность стратиграфии грота сильно затрудняет послойный анализ материала: любые суждения о характере его развития, о наличии каких-либо изменений в технике и типологии в вышележащих слоях по сравнению с нижележащими делаются в подобных условиях довольно уязвимыми. Вместе с тем, не вызывает сомнения культурная гомогенность индустрии Оби-Рахмата, которая, независимо от хронологической дистанции между находками в разных слоях, есть проявление единой традиции обработки камня.

Основная черта индустрии — ориентированность расщепления на получение пластинчатых заготовок и, прежде всего, длинных пластин с ровными острыми краями. Сколы такого или близкого к такому характера составляют самый заметный компонент коллекции (индекс пластинчатости, по подсчетам Р.Х. Сулейманова, 60%). Их снимали, как правило, с одно- или двухплощадочных нуклеусов параллельного или встречного скалывания, имевших часто выпуклый фронт (рис.

XXXII: 15), получавшийся за счет формы исходного предмета расщепления или путем намеренной подправки с латералей. Собственно призматических нуклеусов, практически, нет, изредка встречаются сработанные дисковидные ядрища (рис. XXXII: 12), а также формы близкие к черепашковидным.

Изделия со вторичной обработкой представлены, главным образом, ретушированными по одному или обоим краям крупными пластинами (рис. XXXII: 4-6, 9, 10, 16). Несколько таких орудий вполне могут рассматриваться как удлиненные остроконечники (рис. XXXII: 1-3), а одно как нож типа шательперрон (рис. XXXII: 8). Скребла на отщепях (рис. XXXII: 11, 17) сравнительно немногочисленны, имеют, как правило, один прямой или слегка выпуклый рабочий край. Встречаются резцовые сколы и сами резцы (рис. XXXII: 13), среди последних есть очень крупные, близкие к торцовым нуклесам (рис. XXXII: 14). Есть также единичные скребки (рис. XXXII: 7). В большинстве своем и скребки и резцы далеки от верхнепалеолитических кондиций и представлены формами, достаточно обычными для мустье. Может быть выделена, как и почти во всех индустриях, группа зубчато-выемчатых изделий, хотя в целом они в Оби-Рахмате мало заметны. Сложнее оценить обоснованность вычленения из числа отщепов с ретушью (в том числе с ретушью утилизации и естественной) таких групп орудий, как струги и скобели, которым Р.Х. Сулейманов отводит в своих работах весьма видное место.

По мнению Р.Х. Сулейманова, материалы Оби-Рахмата являют картину постепенного превращения мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую. С этим в целом согласен и В.А. Ранов [Ранов, 1977а, с. 214; Ранов, 1984, s. 320]. М. Габори полагает, что материалы нижних слоев Оби-Рахмата относятся к "древней фазе среднего палеолита", затем следует развитая фаза, а в верхах толщи отложений представлена уже индустрия верхнепалеолитического типа [Gabori, 1988, p. 291]. З.А. Абрамова не видит "значительной разницы между формами нуклеусов и орудий" разных слоев [Абрамова, 1964, с. 142], соглашаясь, однако, что позднепалеолитические элементы в индустрии, действительно, присутствуют [там же, с. 143]. Она разделяет точку зрения Р.Х. Сулейманова на генезис индустрии Оби-Рахмата, видя в ней результат развития той традиции, у истоков которой стоит Тешик-Таш. В.А. Ранов, в отличие от З.А. Абрамовой и Р.Х. Сулейманова, сближает Оби-Рахмат с Ходжакентом и Джаркутаном, включая его тем самым в свою леваллуазскую группу памятников.

В связи с вопросом о якобы переходном (от мустье к верхнему палеолиту) характере индустрии верхних слоев Оби-Рахмата привлекает внимание следующее обстоятельство. Р.Х. Сулейманов отмечает широкое распространение в этих слоях приема, который он, пользуясь термином С.А. Семенова, называет "снятие бахромы", отмечая в то же

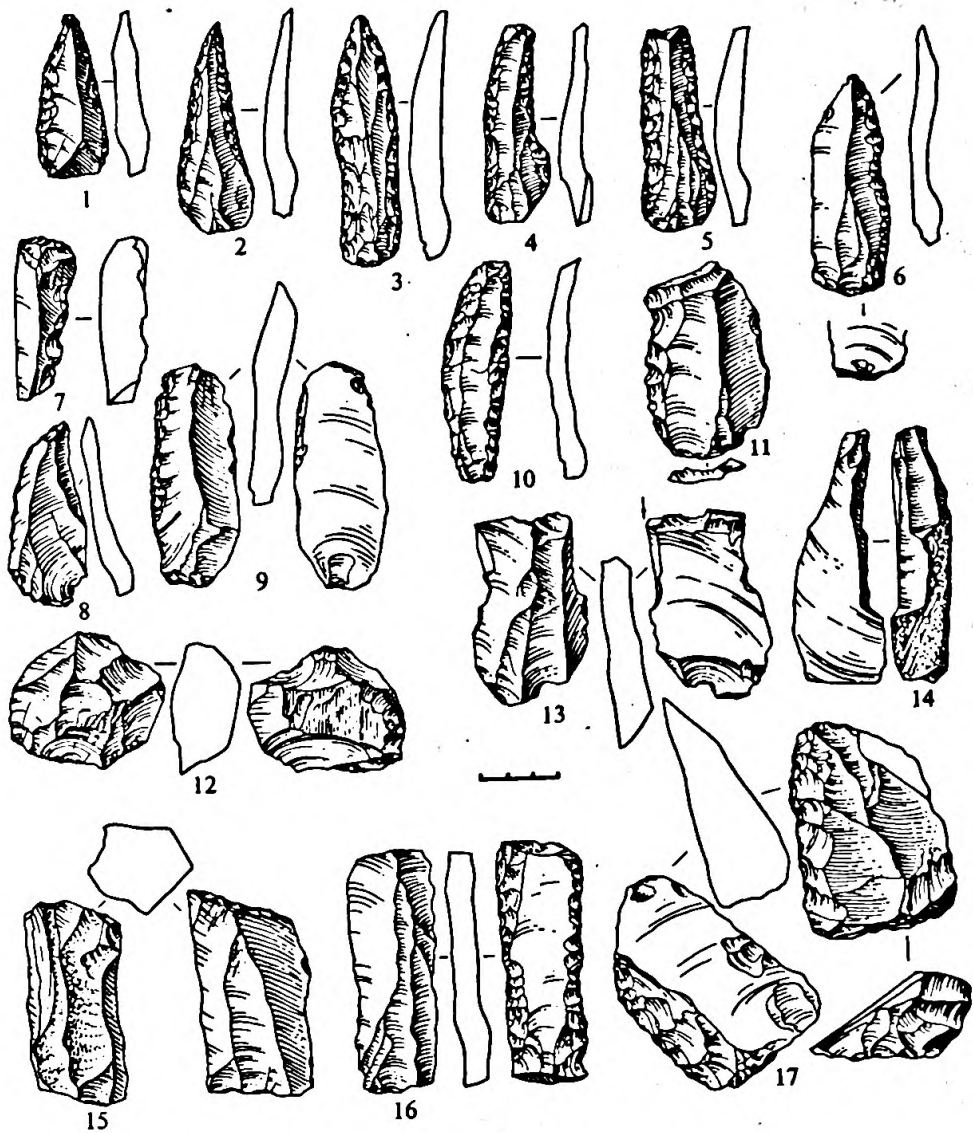

Рис. XXXII. Оби-Рахмат. Орудия (1-11, 13, 14, 16, 17) и нуклеусы (12, 15).
По Р.Х. Сулейманову, 1972.

время, что имеет в виду нечто большее, чем просто удаление заусениц с края площадки нуклеуса. Из нескольких строчек, уделенных этой теме [Сулейманов, 1972, с. 35, 125], трудно точно понять, что именно имеется в виду, но может возникнуть предположение, что речь идет о попытке описать прием, который П.Е. Нехорошев обозначает как “перебор карниза” и который, по его мнению, характерен именно для верхнелалеолитической техники скола, отличая ее от нижнепалеолитической [Нехорошев, 1993].

Выявление в Оби-Рахмате такого приема значило бы очень много для понимания индустрии этого памятника и подтверждения ее переходного характера. Однако, просмотр значительной части сколов и нуклеусов из слоев 5-8 не подтвердил возникшее предположение: редуцированные площадки в этих слоях, практически, отсутствуют (за единичными и притом сомнительными исключениями). Это, наряду с другими техническими и типологическими чертами (отсутствие призматических нуклеусов, крайняя редкость точечных площадок, малочисленность и атипичность орудий “верхнепалеолитической группы” и др.), заставляет с большим сомнением относиться к идее о перерастании среднего палеолита Оби-Рахмата в верхний палеолит. С большими основаниями, как кажется, можно говорить о технологической и типологической близости данного комплекса к левантийскому мустье типа Табун D.

Невозможно пока сказать, каков временной разрыв между нижними и верхними слоями грота. Что же касается возраста отложений в целом, то ничто, в том числе и археологический материал, не противоречит предположению геологов об отнесении всей толщи ко второй половине голодностепского цикла, т.е. позднего плейстоцена. Для костей из Оби-Рахмата (слой неизвестен) по неравновесному урану были получены две даты — 125 +/- 16 и 44 +/- 1 тыс. лет [Чердынцев, 1969, с. 290], из которых одна — более поздняя — кажется вполне реалистичной.

Интересные среднелалеолитические материалы были получены при раскопках двух гротов в селении Ходжакент, находящемся в 75 км к северо-востоку от Ташкента близ места слияния Угама и Пскема в Чирчик, на левом берегу последнего.

Грот **Ходжакент I** [Окладников, 1958б, 1961, 1963] исследовался А.П. Окладниковым в 1958-59 гг. Он открыт на северо-запад, имеет высоту в привходовой части 2.5 м, ширину около 6 м и глубину до 4 м. Раскоп размерами 6 x 6 кв. м был заложен на площадке перед входом в грот. О стратиграфии вскрытых этим раскопом отложений данных нет. Культурный слой, как сообщается, сохранился лишь у скальной поверхности. Обработанные камни залегали в слое желтой глины с примесью мелкой щебенки. На 8-10 см ниже основного уровня залегания находок, было обнаружено скопление углистой массы плохой сохранности, диаметром 0.4 м и толщиной не более 1 см. Фаунистические остатки отсутствовали, за исключением рога козла.

В качестве сырья обитатели грота использовали гальки кремнистого известняка и изверженных пород. Всего в коллекции 374 предмета. Преобладают отщепы и осколки, но хорошо представлены и сколы пластинчатых пропорций, имеющие часто подтреугольные очертания. Распространены нуклеусы параллельного скалывания, реже встречаются дисковидные односторонние. Из изделий со вторичной обработкой, строго говоря, можно отметить лишь пластины с ретушью — их 5, причем у одной ретушированы оба края. Остроконечников, как, видимо, и орудий иных типов в коллекции нет.

А.П. Окладников, отмечая, что в целом материал Ходжажента I “остается еще на чисто мустьерском уровне”, допускал в то же время, что “мы находим здесь свидетельство о перерастании леваллуа-мустьерской культуры Средней Азии в верхний палеолит” [Окладников, 1963, с. 30]. В.А. Ранов основной упор при характеристике этого памятника делает на его леваллуазские черты [Ранов, 1971 и др.] и включает его в одну группу с Оби-Рахматом и Джар-Кутаном.

Материалы, аналогичные находкам в гроте Ходжажент I, были получены А.П.Окладниковым в 1959 г. при раскопках расположенного рядом грота Ходжажент II [Насретдинов, 1962]. Палеолитические изделия залегали здесь в тех же условиях, в перекрывающем скальнсдно слое желтой глины, обогащенной щебенкой. Максимальная мощность отложений, вскрытых раскопом размерами 7 x 7 кв. м, составил около 1.5 м. Кроме каменных изделий, были обнаружены единичные кости животных, в частности, кабана и архара. Часть обломков трубчатых костей находилась рядом со слабо выраженным очажным пятном. Для производства каменных изделий использовался темно-серый кремнистый известняк. В коллекции около 150 предметов. Состав находок тот же, что и в Ходжаженте I.

Грот Ак-Таш [Насретдинов, 1963], открытый в 1960 г., расположен примерно в 60 км к северо-востоку от Ташкента и в 40 км к северу от Ходжажентских гротов. Он открыт на восток, глубина его 10 м, высота свода 2.1 м, ширина 3.8 м. Шурф размерами 2 x 2 кв. м и глубиной 1 м был заложен у входа. На глубине около 0.5 м в плотном пещерном слое найдены три предположительно мустьерских отщепа из дымчато-коричневого кремня. Исследования грота были продолжены в 1964 г., но полученные материалы не опубликованы. М.Р. Касымов упоминает этот памятник как позднепалеолитический [Касымов, 1990а, с. 36].

Ряд новых пещерных памятников открыт в последние годы в верховьях р. Чирчик. Шурфовка и раскопки в пещере Пальтау [Оманжулов, 1982], изучавшейся в 1978-79 гг. Т. Оманжуловым и Л.М. Тарасовым, дали около 60 изделий из кремнистого сланца и кремнистого известняка. В числе находок скребла, остроконечник, угловой резец, отщепы и пластины. Для комплекса предполагается мустьерский возраст. Близкие, по оценке Т. Оманжулова, материалы, были получены

и в других соседних памятниках пещерного типа — **Чаткал I-II**, **Кук-Яйлов** и др. [Оманжулов, 1988].

Можно предполагать, что не менее интересны для палеолитчиков и пещеры в бассейне р. Угам в районе Угамского хребта и хр. Каржантау. Имеются краткие сообщения Х.А. Алпысбаева о находках палеолитических, напоминающих, по его мнению, ашельские и мустьерские орудия, изделий в **Азартекинской** и **Калыптинской** пещерах в среднем течении р. Азартеке (левый приток Угама), в безымянной пещере, расположенной в 2 км к востоку от другого левого притока Угама — реки Бесагаш [Алпысбаев, 1972], в пещере **Сырыунгур** в верховьях Угама [Алпысбаев, 1972a]. Эти объекты, как и вся прилегающая территория, еще ждут своего исследователя.

Среднепалеолитические материалы были собраны в разное время также на ряде открытых местонахождений. Из памятников этой группы наиболее важны такие, как **Бозсу I-VI** в 10-12 км к западу от Янгиюля [Окладников, Исламов, 1961; Парфенов, 1961; Касымов, Менвапов, 1975], **Кухисим** близ Ангрена, где кремневые изделия обнаружены под средневековым культурным слоем [Ташкенбаев, 1972b], **Каракамыш** близ Бозсу [Ташкенбаев, 1969; Оманжулов, 1984]. Эти местонахождения, а также расположенные неподалеку от Кульбулака мастерские — **Кызылалмасай 1 и 2**, **Гыптсай** и др., дали по несколько десятков, или, реже, сотен изделий. Хуже известны материалы местонахождений **Зах** близ Бозсу, **Бургулюксай I-IX** в низовьях р. Ахангаран [Оманжулов, 1984], **Куприк-Бали**, **Бричмулла**, **Тусье**, **Новалисай** и **Юсупхона** в среднем течении р. Чирчик [Касымов, 1960; Насретдинов, 1963a; Оманжулов, 1984, 1988], **Келес** на левом берегу р. Келес, в 20 км к северо-западу от Ташкента [Касымов, Крахмаль, 1984], **Шиванбай** и **Яккабаг** близ Кульбулака [Касымов, 1979] и еще ряда пунктов. Следует упомянуть также сборы предположительно среднепалеолитических изделий на берегах **Туябугузского** водохранилища [Касымов, 1978a; Касымов, Дуке, Гречкина, 1979] и единичные находки из разреза **Бурлжар** в долине Ахангарана близ Пскента [Лазаренко, Громов, 1970], а также в среднем течении Чирчика на **Сайлыке**, **Аксакатасе** [Касымов, Алимов, 1978] и близ **Каварданга** [Алимов, Дуке, Крахмаль, 1989].

На северной оконечности северо-западного Тянь-Шаня, в районе хр. Каржантау, материалы, относящиеся в большинстве своем к среднему палеолиту, были собраны в конце 60-х — первой половине 70-х годов Х.А. Алпысбаевым на местонахождениях и пунктах **Сусынген**, **Жалпаксу I-III**, **Жалгызарча I-II**, **Княкты**, **Жаутурек**, **Макпалсай** и др. [Алпысбаев, 1978]. Не исключено, что некоторые из этих находок, в частности, бифасы из Сусынгена, имеют и более древний возраст. В разрезе **Оркутсай**, в междуречье Угама и Чирчика, Н.Р. Мавлянов обнаружил обломок пластины из кремнистой породы. Вмещающую лессово-почвенную толщу он относит к среднему плейстоцену [Мав-

лянов, Касымов, 1984], тогда как А.Е. Додонов датирует ее серединой верхнего плейстоцена [Додонов, 1986, с. 93].

В коллекциях целого ряда местонахождений, упоминавшихся выше, их исследователи, помимо среднепалеолитических изделий, выделяли и верхнепалеолитические (Бозсу, Келес, Туябугуз и др.). В большинстве случаев, однако, очень трудно расчленить на разновозрастные комплексы материал, собранный в одном месте и в сходных условиях. Поэтому с полной уверенностью могут быть отнесены к верхнему палеолиту лишь находки в 1-3 слоях Кульбулака. Индустрия этих слоев отличается от предшествующих ей, прежде всего, более развитой техникой раскалывания: по подсчетам М.Р.Касымова уже в 3-м слое треть всех нуклеусов составляют призматические и близкие к ним, тогда как доля дисковидных ядрищ уменьшается до 3%. Соответственно меняется и характер сколов. Эта тенденция в развитии техники расщепления сохраняется и дальше. Что же касается типов орудий, то они в верхних слоях Кульбулака, по-существу, те же, что и в нижних. Новые формы появляются лишь среди скребков (ногтевидные), а в целом продолжают господствовать зубчато-выемчатые изделия, скребла и т.д. Обилие в верхнепалеолитических слоях зубчато-выемчатых изделий подтверждается и новыми раскопками [Анисюткин и др., 1995, с. 9-10].

6. Центральный и Северный Тянь-Шань.

В горах Центрального и Северного Тянь-Шаня известно пока сравнительно немного палеолитических памятников. Причиной тому, прежде всего, слабая изученность района, где поиски палеолита предпринимались лишь от случая к случаю. Публикации имеющихся материалов носят в основном предварительный характер.

К нижнему палеолиту долгое время было принято относить чоппер, скребловидное орудие и отщепы, найденные А.П. Окладниковым в 1953 г. на правом берегу р. **Он-Арча** [Окладников, 1966, с. 19; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 98-99; Никонов, Шумова, 1981], в месте пересечения ее дорогой Рыбачье — Нарын. Основанием для такой датировки, помимо архаичного облика галечных изделий, служила связь их с отложениями, для которых предполагался среднеплейстоценовый возраст. Находки залегали в нижней части галечников одной из террас р. Он-Арча, вскрытой карьером. Однако, в ходе позднейших геологических исследований А.А. Никонову и Г.М.Шумовой удалось установить, что в 1953 г. в карьере были обнажены лишь переотложенные позднплейстоценовые галечники, тогда как среднеплейстоценовые оставались нетронутыми вплоть до 1968 г. Таким образом, находки А.П. Окладникова в Он-Арче не могут иметь возраст древнее позднего плейстоцена; что же касается археологической датировки, то она в данном случае, при столь малой численности коллекции, состоящей к

тому же из изделия хронологически нейтральных типов, вряд ли может быть надежной.

К среднему палеолиту относятся материалы, обнаруженные в ряде пунктов на территории Иссыккульской котловины, а также в долине р. Чу, при выходе ее из гор на равнину.

В пределах Иссыккульской котловины коллекция наиболее архаичного облика получена на местонахождении Саламат-Булак [Юнусалиев, 1978, 1981], находящемся на западном побережье озера, в 3 км южнее Рыбачьего. Здесь в трех пунктах (Боз-Бармак, Ук-Улен, Саламат-Булак) собрано более 600 изделий, в основном из темно-коричневого порфирита. Профессиональное описание коллекции отсутствует. Из публикации ясно лишь, что в основном материал представлен массивными отщепами укороченных пропорций, преимущественно с гладкими ударными площадками. О характере изделий со вторичной обработкой сообщается, что они обычны для "мустьерского времени". Тем не менее, М.Б. Юнусалиев считает Саламат-Булак домустьерским памятником, сопоставляя его с тейякскими индустриями, а в качестве ближайших аналогий указывая на Кульбулак и Жанатас (Южный Казахстан). Однако, тот факт, что половина всех сколов являются первичными или полупервичными, заставляет подозревать, что в данном случае речь идет об инвентаре мастерской, "архаизм" которого определяется не столько возрастом памятника, сколько его функцией в древности.

Другое иссыккульское местонахождение, давшее массовый материал — Тоссор [Костенко и др., 1969; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 100-101; Ранов, Юнусалиев, 1975]. Оно расположено на правом берегу р. Тоссор, впадающей в озеро с юга. Абсолютная высота около 1700 м. Исследовалось В.А. Рановым. Палеолитические изделия собраны здесь на поверхности позднеашкентской террасы, а также в семи шурфах, траншее и раскопе (15 x 8 кв. м), вскрывших толщу покровных делювиально-пролювиальных суглинков на глубину 2.5-3.1 м. Культурный слой отсутствует, материал переотложен, отмечается увеличение концентрации находок к тыловой части террасы.

В коллекции свыше 3000 предметов. В качестве сырья использовались местные породы: кремнистый сланец, яшма и т. д. Среди трех десятков нуклеусов преобладают одно- и двухплощадочные параллельного скалывания, дисковидные односторонние; сообщается и о наличии ядрищ близких призматическим. Сколы представлены в основном отщепами, в 24% случаев они сохраняют корку на спинке. Пластины, согласно имеющимся подсчетам, составляют 25.3% всех сколов, но часть их характеризуется как "атипичные", "грубые". Орудий мало. Это несколько скребел, в том числе угловатые и два двойных, зубчато-выемчатые изделия и остроконечник, который В.А. Ранов определяет как леваллуазский с ретушью. Этот исследователь

относит индустрию Тоссора к финальному мустье, включая ее в группу леваллуа-мустьерских памятников Средней Азии (наряду с Кайрак-Кумами, Худжи и т.д.).

Изделия, относимые к среднему палеолиту, обнаружены еще в ряде пунктов на южном побережье Иссык-Куля (Тамга, Джууку, Джеты-Огуз). Отдельные находки, в том числе мустьерский асимметричный остроконечник, были встречены и на северном берегу, в долине р. Сугетты у селения Бостери [Костенко и др., 1969].

Самое крупное палеолитическое местонахождение региона — Георгиевский Бугор [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 101-103] — связано с долиной р. Чу. Этот памятник, открытый В.А. Рановым в 1967 г., находится на левом берегу реки, примерно в 20 км севернее Бишкека. Палеолитические изделия были собраны здесь на территории средневекового городища, приуроченного к останцу позднеаташкентской террасы. Они залегали как на поверхности, так и в покровных делювиальных суглинках, вскрытых серией разведочных шурфов.

Коллекция насчитывает несколько тысяч предметов. Отсутствие в литературе сколько-нибудь подробных описаний затрудняет ее характеристику. Среди нуклеусов, которых собрано довольно много, преобладают, как сообщается, галечные с беспорядочным скалыванием. Сколы, по В.А. Ранову, в основном “нелевалуазские”, хотя встречаются настоящие пластины с параллельной огранкой. Изделий со вторичной обработкой около 200. Выделены выемчато-зубчатые орудия, ножи, скребки, резцы, галечные орудия, но детально охарактеризованы только скребла. Скребел 26, кроме простых с прямым или, реже, выпуклым рабочим краем, имеются угловатые, конвергентные, двойные прямые. В четырех случаях рабочий край оформлен чередующейся ретушью [Гинзбург, Горенштейн, Ранов, 1980, с. 12, табл. 5]. Обращает на себя внимание полное отсутствие в столь большой коллекции остроконечников [там же, с. 31, табл. 23]. В.А. Ранов отмечает близость материалов Георгиевского Бугра индустриям выделяемой им мустье-ро-соанской группы (Кара-Бура), делая при этом, однако, некоторые оговорки [там же, с. 25].

Среднепалеолитические материалы обнаружены также в долине р. Чарын. Коллекция весьма однородных в технико-типологическом отношении изделий из кремнистых алевролитов и порфиринов, собранная здесь в четырех пунктах (Актогай 1-4) Б.Ж. Аубекеровым, включает 201 предмет. Индустрия определяется как мустье леваллуа и датируется, исходя из археологических и геоморфологических данных, в пределах начала-середины верхнего плейстоцена [Артюхова, 1992].

Что касается верхнего палеолита, то соответствующие материалы в регионе практически отсутствуют. Правда, М.Б. Юнусалиев рассматривает в качестве таковых находки, сделанные им в 1973 г. на правом берегу р. Ничке-Су, при выходе ее в долину Нарына [Юнусалиев,

1974], но малочисленность коллекции и ее состав (округлый скребок на отщепе, обломок пластины, несколько отщепов, нуклеус, не определенный более точно) заставляют с сомнением относиться к возможности точной датировки. Это же относится и к находкам М.Б. Юнусалиева в районе с. Мин-Булак [Юнусалиев, 1985], в верховьях р. Талас на правом ее берегу ("два призматических частично сработанных нуклеуса", скребловидное орудие, три отщепа).

7. Хребет Каратау и прилегающие районы Южного Казахстана.

Хребет Каратау является отрогом Тянь-Шаня. Сочленяясь на юге с Таласским хребтом, он простирается далее в северо-западном направлении на 380 км. Рельеф Каратау колеблется от холмистого до среднегорного, максимальные высотные отметки несколько превышают 2000 м. Начиная с конца 40-х годов в районе хребта открыты десятки палеолитических памятников. Они сосредоточены, главным образом, в его юго-восточной части. Кроме того, отдельные местонахождения обнаружены в среднем и нижнем течении р. Чу, которую можно считать примерной северо-восточной границей рассматриваемого региона.

Несмотря на то, что палеолитическим находкам в Южном Казахстане посвящены десятки статей и две монографии, пользуясь лишь литературными источниками, практически невозможно получить сколько-нибудь удовлетворительное представление об этих материалах. Приводимые в существующих публикациях описания коллекций и отдельных изделий, как правило, либо слишком поверхностны, либо в недостаточной степени отвечают профессиональным требованиям; что же касается предлагавшихся культурно-хронологических интерпретаций, то в силу указанных причин их обоснованность во многих случаях более чем сомнительна. Последнее относится, в частности, к выделению в Южном Казахстане индустрии, сопоставляемой с олдубаем, — так называемого "арыстанды".

На протяжении уже почти трех десятилетий обсуждается — в основном казахскими археологами и геологами — вопрос о находках А.В. Вислогузовой, Б.Ж. Аубекерова и других исследователей в конгломератах верхней, приводораздельной части левобережного склона долины р. **Арыстанды** [Алпысбаев, 1961, 1977, с. 205; Вислогузова, 1961, 1980; Алпысбаев, Костенко, 1968, 1974; Ранов Несмеянов, 1973, с. 104; Медоев, 1980а, 1982, с. 33-35]. При этом археологические материалы остаются неопубликованными (не считая нескольких нечетких фотографий камней, принимаемых за артефакты), равно как и данные об их точной геологической привязке. Конгломераты, о которых идет речь, имеют, как считает сейчас большинство специалистов, позднплиоценовый [Черняховский, 1962; Вислогузова, 1980; Медоев, 1982, с.

35] или, по иной терминологии, эоплейстоценовый возраст (они сопоставляются с широко распространенными в горной части Средней Азии конгломератами сохской свиты), хотя ранее их относили к нижнему плейстоцену [Вислогузова, 1961; Алпысбаев, Костенко, 1974]. Однако, какова бы ни была датировка вмещающих отложений, наличие в них артефактов пока не продемонстрировано должным образом и вызывает определенные сомнения. Просмотр коллекции, собранной в конгломератах в последние годы, приводит к убеждению, что среди нескольких десятков предметов, представленных в ней, нет таких, которые можно было бы уверенно признать изделиями. Тем более трудно воспринимать всерьез выделение по ранним находкам в конгломератах целой культуры — “арыстанды” — для чего оказалось достаточно двенадцати (!) халцедоновых предметов, собранных в двух пунктах [Медоев, 1980а, 1982; с. 33].

Гораздо более многочисленны материалы, отнесенные к “шелльско-ашельскому периоду”. Они были обнаружены Х.А. Алпысбаевым на ряде местонахождений в южной части Каратау, а также в бассейне р. Чу.

На юге Каратау основные памятники этой группы располагаются в низовьях р. Коктал, к северу от города Каратау и к западу от озера Акколь [Алпысбаев, 1979, 1980]. Это местонахождения **Борыказган** (открыто в 1958 г., в коллекции 442 предмета), **Танирказган** (1961 г., 351 предмет), **Акколь** (1961 г., 117 предметов) и **Кзылкийдык** (1973 г., 228 предметов). Чуть в стороне, к северо-западу от названных пунктов, находится местонахождение **Шабакты** (на р. Шабакты), а к югу от оз. Акколь расположены местонахождения **Кемер I-III** (1961 г., 218, 114 и 79 изделий). Подъемный материал, практически, во всех случаях был собран на поверхностях останцовых возвышенностей, связанных с водоразделами. В Борыказгане и Танирказгане отдельные находки встречены также при шурфовке, в верхней части (примерно до 0.2-0.5 м глубины) покровных суглинков и супесей. В одних случаях местонахождения включают несколько скоплений, разбросанных на большой, до 1 кв. км., площади (Танирказган), в других же речь идет о материалах с одного, пространственно достаточно ограниченного, участка (Акколь, 20 x 10 кв. м).

Насколько позволяют судить опубликованные описания и рисунки, коллекции всех названных памятников чрезвычайно сходны. Сходство в составе и облике изделий усугубляется однообразием использовавшегося сырья — в основном это валуны нижнекарбонтовой кремнистой породы черного, серого и, реже, белого цвета. Х.А. Алпысбаев описывает материал по следующим группам: двусторонне обработанные грубые рубящие орудия, орудия-диски, ручные рубила, унифасы, орудия из отщепов, отщепы. Однако, на деле, видимо, в коллекциях представлены лишь пренуклеусы, нуклеусы, сколы с них (часто круп-

ные, массивные) и галечные орудия — чопперы и чоппинги, причем, как заметил А.Г. Медоев, в качестве последних в имеющихся публикациях нередко рассматриваются нуклеусы [Медоев, 1982, с. 31-32]. Это, несомненно, касается и рубил, что также отмечалось в литературе [Медоев, 1982, с. 32; Абрамова, 1984, с. 138]. Сопоставление описаний с рисунками показывает, что ни в одном случае изделия, принятые и выдаваемые за рубила, даже близко не приближаются к таковым по своей морфологии. Нуклеусами (как правило, дисковидными, одно- и двухсторонними) являются и так называемые орудия-диски, тогда как унифасы — это, в основном, пренуклеусы, либо ядрища со следами различных способов одностороннего скалывания (например, вееро-видного, с подготовленной площадки [см. Алпысбаев, 1979, рис. 18, 19]. Что касается орудий из отщепов, то их, практически, нет, а есть лишь сколы с ретушью (может быть, псевдоретушью).

Конечно, на основании одних лишь публикаций в данном случае невозможно прийти к сколько-нибудь определенному заключению об археологическом возрасте материалов, но согласиться с отнесением их к “шелль-ашельскому периоду” очень трудно, поскольку рубила в коллекциях, как уже сказано, отсутствуют. Следует иметь в виду и вероятность (весьма высокую) того, что Борыказган, Танирказган и другие памятники рассматриваемой группы являлись мастерскими, причем мастерскими лишь по первичной обработке обильного в местах их расположения сырья — на эту мысль наводит, прежде всего, состав находок, преобладание среди сколов первичных и полупервичных (их почти во всех случаях значительно больше половины), а также практически полное отсутствие орудий на отщепах. Таким образом, нижнепалеолитический возраст каратауских местонахождений если и не исключен в принципе, то уж, во всяком случае, не безусловен.

Далеко не ясен и вопрос о геологическом возрасте. Х.А. Алпысбаев и Н.Н. Костенко предложили и пытались обосновать нижнеплейстоценовую датировку [Алпысбаев, Костенко, 1968, с. 7], но аргументация, выдвигаемая ими в подтверждение этой точки зрения, как уже отмечалось, явно слаба и не выдерживает критики [Абрамова, 1984, с. 138]. По мнению А.В. Вислогузовой, поверхности, с которыми связаны археологические находки в Борыказгане и Танирказгане, сформировались в начале среднего плейстоцена [Вислогузова, 1973], и тогда это нижний возрастной предел для местонахождений. Поскольку же материал подъемный, то он мог быть оставлен и в более поздние периоды. Все сказанное о нижнепалеолитических, по Х.А. Алпысбаеву, памятниках Каратау, относится и к синхронизируемому с ними местонахождению **Казангап** [Костенко, Алпысбаев, 1969], расположенному в низовьях р. Чу на правом ее берегу между сопками Тантай и Казангап. Около 300 изделий, аналогичных описанным выше, было собрано здесь Х.А. Алпысбаевым в 1961 г. на поверхности самой высо-

кой, нижнечетвертичной, по Н.Н. Костенко, террасы, по соседству с выходами кремня.

К “ашельско-мустьерскому периоду” были отнесены материалы, собранные на более низких останцах в той же части хребта. Коллекции происходят с местонахождений **Токалы I-III** (1957 г., 200, 78 и 57 предметов), **Дегерез** (1958 г., 118 предметов), **Дарбаза III** (1958 г., 111 предметов), **Сулейменсай 1-4** (1968 г., 66 предметов), **Сулейменсай 31-34** (1958 г., 139 предметов), **Дауренбек 1 и 12** (1958 г., 145 предметов), **Кзылрысбек** (1961 г., 100 предметов), **Жанатас** (1973 г., 429 предметов), **Байкадам** (1958 г., 47 предметов) [Алпысбаев, 1979, 1980]. Ни по сырью, ни по составу и облику находок эти памятники, насколько позволяют судить имеющиеся публикации, не отличаются заметно от памятников первой, “шелльско-ашельской” группы. Их возраст столь же спорен, но в целом среднепалеолитическая датировка кажется наиболее приемлемой.

Одним из самых интересных среднепалеолитических памятников Южного Казахстана (и Средней Азии в целом) является **Кошкурган**, где выявлена индустрия, совершенно непохожая на те, что изучал Х.А.Алпысбаев. Кошкурган [Артюхова, Аубекеров, 1988; Артюхова, 1990, 1994] находится близ одноименного поселка, в 18 км к северо-востоку от г. Туркестана, т. е. в известном отдалении от памятников юго-восточной части хребта Каратау. Здесь еще в 50-х годах обнаружено и исследуется по сей день богатое местонахождение плейстоценовой фауны, послужившее в свое время основой для выделения кошкурганского фаунистического комплекса [Бажанов, Костенко, 1962]. Археологический материал происходит из заложенного в 1986 г. Б.Ж. Аубекеровым и О.А. Артюховой шурфа площадью 2 x 2.5 м и глубиной 5 м (далее обильные грунтовые воды), а также из продолжавшихся в последующие годы палеозоологических раскопок. Находки в шурфе связаны в основном с русловым аллювием водоносной линзы и начинают встречаться с глубины около 4 м. В этой коллекции 2219 каменных артефактов, среди которых много (около 450) изделий со вторичной обработкой и сравнительно мало хорошо выраженных не сработанных нуклеусов и таких сколов, которые бы даже при самом широком подходе можно было назвать левалуазскими. Орудия представлены, прежде всего, разнообразными скреблами (их около 200), остроконечниками, зубчатыми формами; настоящих бифасов нет. Обращают на себя внимание малые, до 4-5 см, размеры большинства изделий, а также разнообразие использовавшегося сырья (преимущественно галечного): от яшмы, кремня и халцедона до кварца и песчаника.

При всем своеобразии индустрии Кошкургана мустьерские элементы в ней явно преобладают. О.А. Артюхова определяет ее как мустье типичное, не имеющее аналогов в регионе, и относит к первой половине мустьерской эпохи, “но не к самому ее началу” [Артюхова,

1994, с. 110]. Как мустье типичное рассматривает материалы Кошкур-гана и В.С. Волошин, изучивший часть находок (около 1000 вещей), собранных палеозоологами, но помимо этого он выделяет еще (исходя, главным образом, из различий в состоянии поверхности изделий) немногочисленную (19 предметов) “древнемустьерскую серию” [Волошин, 1989]. Геологический возраст археологических материалов — явно переотложенных — неясен. Вполне вероятно, права О.А. Артюхова, относящая их к первой половине — середине позднего плейстоцена, но пока эта датировка может быть обоснована только археологически (общими представлениями о возрасте мустье). Необходимо разобраться, как каменные изделия попали в место своей нынешней локализации, почему они залегают в ассоциации с фаунистическими остатками кошкурганского (нижнеплейстоценового, как считается) комплекса, и может ли кошкурганское местонахождение служить в качестве стратотипа для выделения последнего.

Еще более сложен вопрос об археологическом и геологическом возрасте **стоянки им. Ч. Валиханова (Карасу)** [Алпысбаев, 1960, 1979, с. 152-176; Таймагамбетов, 1984, 1990, 1990а; Вишняцкий, 1993] — многослойного памятника, расположенного в верховьях р. Арыстанды, на правом ее берегу, примерно в 140 км к северу от Чимкента. Он был открыт Х.А. Алпысбаевым в 1958 г. Во всех прижизненных публикациях Х.А. Алпысбаева, в том числе подготовленных совместно с геологом Н.Н. Костенко, стоянка характеризовалась как трехслойная [Алпысбаев, 1961а, с. 138; Алпысбаев, Костенко, 1968, с. 18; 1974, с. 9], но в его посмертно изданной книге, а также в монографии Ж.К. Таймагамбетова речь идет уже о 5 культурных слоях. Они, как сообщается, залегают в суглинках третьей надпойменной террасы. Судя по опубликованному разрезу южной стенки раскопа [Алпысбаев, 1979, рис. 33], не все слои выделяются достаточно четко (в частности, 2-й и 3-й в разрезе, практически, сливаются, расчленение 4-го и 5-го тоже не выглядит безусловным), но материал описан именно по пяти комплексам. В первом слое (глубина залегания от дневной поверхности 2.3 м; мощность до 5 см, вскрыт на площади 1200 кв. м) встречены лишь каменные изделия, во втором (около 4.5 м; до 25 см; 406 кв. м), третьем (около 5 м; до 20 см; 240 кв. м), четвертом (около 6.6 м: до 25 см; 140 кв. м) и пятом (около 6 м; до 25 см; 198 кв. м) слоях обнаружены также следы кострищ, фаунистические остатки, кусочки красной охры. Все это позволяет рассматривать Карасу (за исключением, может быть, первого слоя) именно как стоянку.

Среди костей животных преобладают останки лошади, в меньшем количестве встречаются бизон, сайга, благородный олень. Такой состав фауны выглядит вполне закономерным в свете результатов споропыльцевого анализа. По данным Р.Б. Байбулатовой, и Л.Н. Чупиной, во время накопления отложений, содержащих культурные остатки, в

местности, где расположен памятник, превалявали степные условия с элементами лесной растительности по долинам рек [Чупина, 1963].

Всего в коллекции, по Ж.К. Таймагамбетову, 5764 предмета (по Х.А. Алпысбаеву 14750), в том числе 161 нуклеус, 5289 отщепов, 31 пластина и 269 изделий со вторичной обработкой. Сырьем для их изготовления служил халцедон, выходы которого (в виде желваков) имеются в 1 км от памятника. Данные о количестве и составе находок по слоям разноречивы: цифры, приводимые Х.А. Алпысбаевым на порядок отличаются от результатов подсчетов, осуществленных Ж.К. Таймагамбетовым. В любом случае, каменные изделия в каждом из слоев исчисляются сотнями и, видимо, комплексы достаточно представительны для технико-типологического анализа. Однако, археологический материал охарактеризован в имеющихся публикациях так, что получить сколько-нибудь целостное представление об индустрии каждого слоя очень трудно. В какой-то мере такую возможность дают лишь рисунки каменных изделий, содержащиеся в довольно большом количестве в книге Ж.К. Таймагамбетова.

В то время как почти во всех публикациях первый — верхнепалеолитический — слой стоянки противопоставляется нижним четырем, для которых постулируется мустьерский возраст, материал, если судить по имеющимся описаниям и рисункам, очень мало меняется от слоя к слою [это отмечал и Ж.К. Таймагамбетов, см. Таймагамбетов 1984, с. 10), так что на чем основано указанное противопоставление остается неясным. Прежде всего бросается в глаза обилие скребков в четырех верхних слоях и их морфология. Изделия данной категории не только заметно преобладают в количественном отношении (в первом и третьем слоях они составляют более половины всех орудий, во втором — половину), но и выделяются в отношении типологическом, являя формы, характерные для верхнего палеолита (рис. XXXIII, XXXIV). Это симметричные, с тщательно обработанным скребковой ретушью рабочим краем орудия, многие из них на пластинах или пластинчатых отщепах, довольно тонкие в сечении. Резцы не столь многочисленны и выразительны, но ни в том ни в другом отношении они не уступают остроконечникам и скреблам, а скорее даже превосходят их. Орудия двух последних категорий, насколько можно судить по иллюстрациям (а для них ведь обычно отбираются лучшие вещи) представлены в основном случайными формами и единичными экземплярами. Таким образом, представляется, что изделия со вторичной обработкой, найденные на стоянке, во-первых, не дают особых оснований рассматривать этот памятник как мустьерский, а во-вторых, столь близки в разных слоях (особенно в трех верхних), что противопоставление первого слоя остальным выглядит очень сомнительным. Не подтверждает такое противопоставление и характер нуклеусов и сколов. Правда, согласно подсчетам Ж.К. Таймагамбетова, в

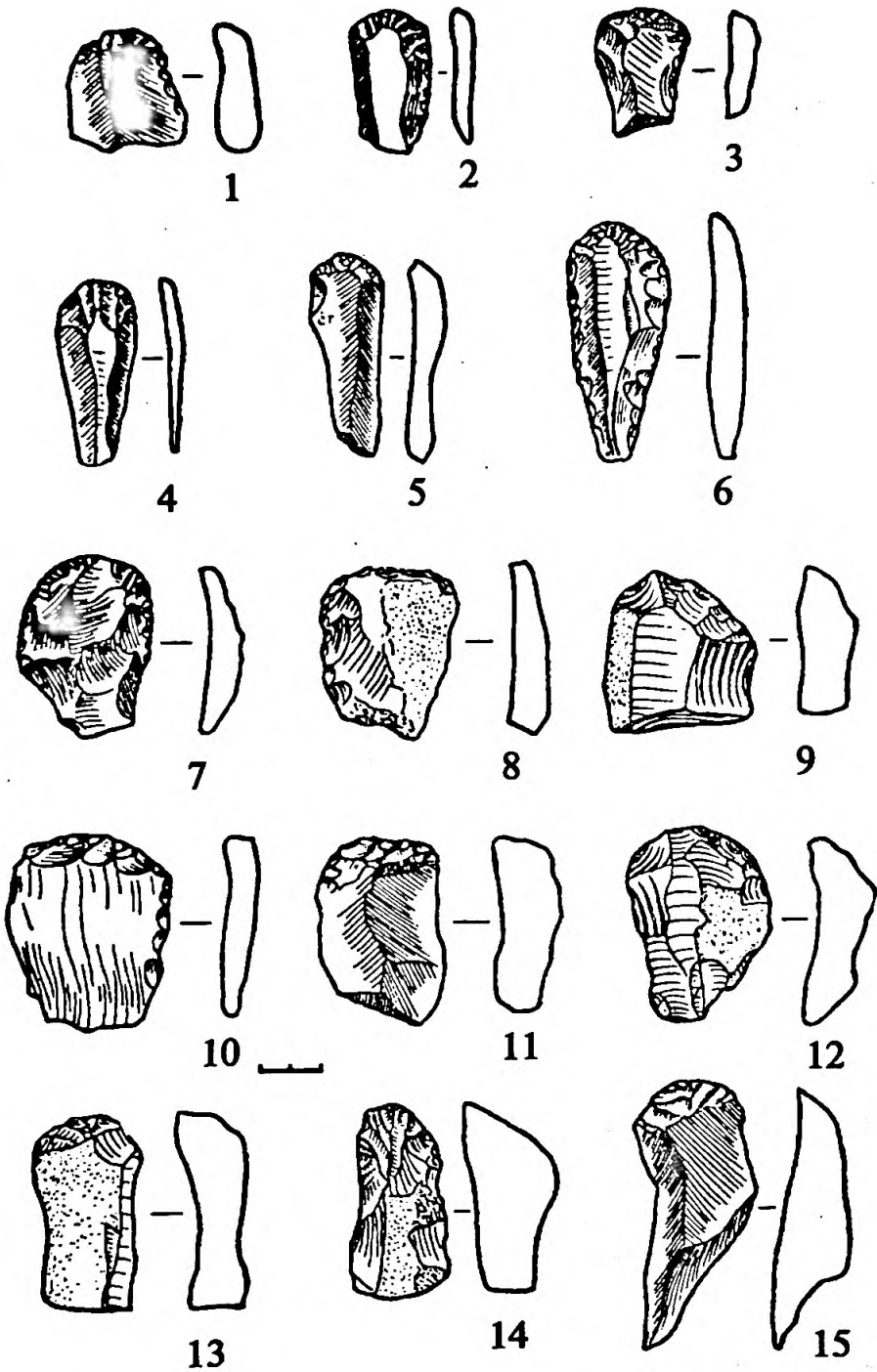

Рис. XXXIII. Карасу. Скрепки. Слой 2. По Ж.К. Таймагамбетову, 1990.

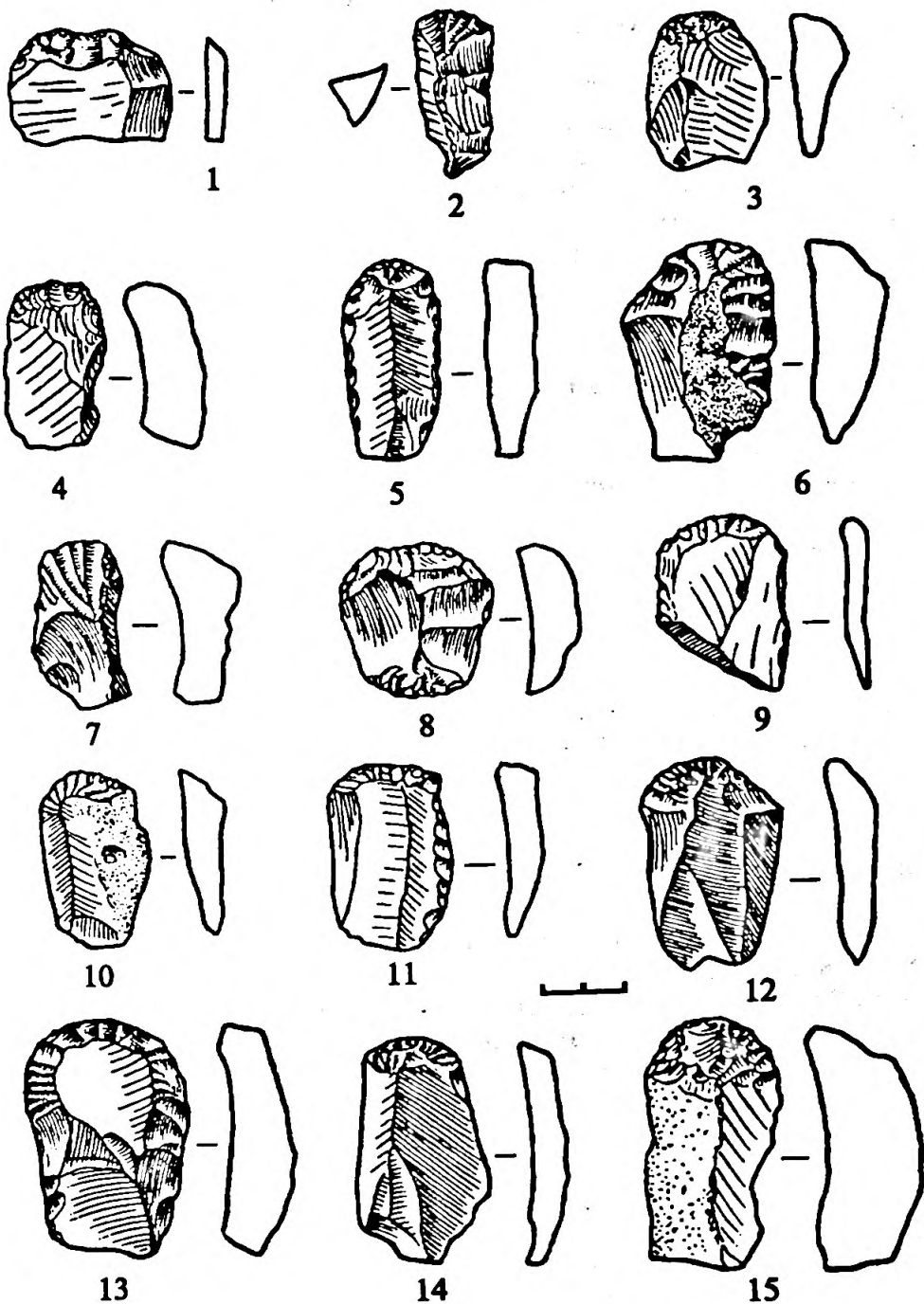

Рис. XXXIV. Карасу. Скрепки. Слой 3. По Ж.К. Таймагамбетову, 1990.

первом слое чуть возрастает количество “подпризматических” нуклеусов, но разница слишком незначительна, чтобы делать серьезные выводы. Сколы же и вовсе однородны и представлены во всех слоях почти исключительно одними отщепами.

Сколы и нуклеусы Карасу, если руководствоваться европейско-ближневосточными стандартами, действительно, уместней смотреть бы в среднепалеолитической, а не верхнепалеолитической индустрии, но здесь необходимы учет и детальное рассмотрение целого ряда факторов, могших повлиять на характер обработки камня (доступность и обилие сырья, его характер, функциональный характер памятника и др.), после чего только и возможны были бы окончательные выводы.

Геологический возраст памятника не установлен пока точно. Терраса, с отложениями которой связаны культурные остатки, определяется как среднеплейстоценовая [Вислогузова, 1961], но сами вмещающие суглинки, видимо, принадлежат покровной толще, формировавшейся уже в верхнем плейстоцене [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 105].

Кроме комплекса верхнего слоя стоянки Карасу, к верхнему палеолиту принято относить еще ряд памятников. Ни один из них не опубликован пока должным образом. Между тем, такие памятники юго-востока Каратау, как **Турланский перевал** [Костенко, Алпысбаев, 1966] и пещера **Ушбас** [Алпысбаев, 1961а, 1962] могут представлять значительный интерес для археологов, геологов и палеонтологов, поскольку каменные изделия обнаружены здесь погребенными на значительной глубине и в сочетании с костями ископаемых животных. Предположительно верхнепалеолитические материалы были встречены и в еще в ряде пунктов.

В заключение следует сказать, что на карте, опубликованной Х.А. Алпысбаевым в его монографии [Алпысбаев, 1979, рис. 1], отмечено довольно много палеолитических памятников, о которых в литературе вообще нет или почти нет информации (в лучшем случае — беглые упоминания). Эти пункты концентрируются в нижнем и среднем течении р. Чу, а также и в Каратау, особенно в северных и западных районах хребта.

ГЛАВА IV. ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРНОГО, ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

В географическом и геологическом отношении Северный, Центральный и Восточный Казахстан достаточно сильно различаются между собой. Так, если первый из этих регионов по многим природным особенностям и чертам геологического строения тяготеет к Западносибирской равнине, то последний представляет собой продолжение Алтае-Саянской горной области. Центральный Казахстан (Казахский мелкосопочник и прилегающие районы) также весьма своеобразен в физико-географическом плане, и, как и два других региона, заслуживал бы отдельной характеристики в работе, посвященной плейстоценовой археологии. Однако, несмотря на то, что в Казахстане к настоящему времени известны уже около ста палеолитических памятников (без учета рассмотренных выше территорий Мангышлака, хребта Каратау и долины р. Чу), объем информации, которую можно извлечь из соответствующих публикаций, крайне невелик: о подавляющем большинстве местонахождений имеются лишь краткие предварительные сообщения. Поэтому составление отдельных сводок по геолого-географическим регионам в данном случае не имело бы большого смысла и было бы уместным представляется общий обзор палеолита не затронутой предыдущих главах части Казахстана.

Для рассматриваемой территории в плейстоцене была характерна та же основная тенденция изменения природной обстановки, что имела место в Средней Азии. Климат направленно менялся в сторону прогрессирующей аридизации, на фоне которой наблюдались значительные похолодания, увязываемые с материковыми оледенениями в Западной Сибири, в частности, с самаровским и сарганским [Аубекеров, 1989]. Растительность в основном носила степной — в отдельных районах и в отдельные периоды лесостепной или полупустынный — характер, что отражалось на составе фауны. На казахстанских материалах выделен ряд сменяющих друг друга фаунистических комплексов — илийский, кошкурганский, прииртышский, мамонтовый, — которые сопоставляются, соответственно, с хапровским, тираспольским, хазарским и мамонтовым комплексами Восточной Европы [Бажанов, Костенко, 1962; Кожамкулова, 1969], включая, однако, больше центральноазиатских, чем европейских элементов [Кожамкулова, 1981, с. 129]. В целом животный мир был очень богат, особенно фауна копытных, представленных в позд-

некайнозойских отложениях почти шестьюдесятью видами [Кожамкулова, 1981, приложение 2].

Таким образом, можно полагать, что большая часть территории Казахстана на протяжении плейстоцена была пригодна для обитания человека. Об этом же свидетельствуют и многочисленные палеолитические памятники, открытые здесь за три последних десятилетия. Эти памятники рассматриваются ниже в порядке их расположения с запада на восток, а по-возможности, и в хронологической последовательности (для районов, где сосредоточено большое число местонахождений и есть основания предполагать разновременность последних).

На западе Казахстана массовый и достаточно представительный в типологическом отношении материал был собран Б.Ж.Аубекеровым в долине р.Аулие (верховья Эмбы), близ останца **Жалпак**, у места выхода кварцевых песчаников. Естественно, что именно это сырье и послужило для изготовления всех артефактов, имеющих в коллекции. А.Г. Медоевым, в соответствии с его схемой, этот материал был определен как леваллуа-ашель II. Кроме того, в том же месте, на второй террасе реки Аулие, собрана позднепалеолитическая, как считается, коллекция [Аубекеров, 1990].

Аналогичный по сырью материал происходит с северного побережья Аральского моря. Здесь, у г. **Аральска**, обнаружено три местонахождения на морских террасах. О.А. Артюхова, руководствуясь представлениями А.Г. Медоева, определила эти находки как леваллуа-ашель [Артюхова, 1986].

Очень мало сведений о палеолите Тургайского плато. Несколько местонахождений каменных изделий в районе Сапсынагашских озер определены как эпипалеолитические (**Каиндысор II, IV, Уркаш I**); предполагается также, что среди эпипалеолитических и неолитических материалов имеются единичные мустьерские и верхнепалеолитические изделия [Артюхова, 1979, 1980, 1982]. Несколько восточнее, на р. Тасты-Тургай близ с. **Мирное** (в районе города Аркалыка), по сообщению В.С. Волошина, найдены скребловидное орудие и обломок рубильца [Волошин, 1971].

Большое количество памятников известно сейчас в зоне Казахского мелкосопочника. Несомненно, интересны не опубликованные еще материалы с Сарысу-Тенгизского водораздела. На местонахождении **Тюемайнак I** [Волошин, 1971] собрано около 2000 порфиритовых изделий, в том числе листовидные наконечники и рубило. Отмечены различия в состоянии поверхностей находок, на основании чего “выделено 3 хронологических серии артефактов, определенных типологически как раннее и позднее мустье, верхний палеолит” [Волошин, 1990, с. 105]. Несколько тысяч артефактов насчитывается и в коллекции, собранной на местонахождениях **Ак-Кошкар** (в первых публикациях — **Окушкар**) **1, 6 и 8**, находящихся южнее оз. Тенгиз, на водораз-

деле рек Кыпшак и Керей [Волошин, 1976, 1977, 1978, 1980, 1981]. Здесь, помимо нуклеусов и сколов, встречены, как сообщается, крупные бифасы, остроконечники и зубчато-выемчатые изделия из кварцитового песчаника, реже из порфирита. Материал, видимо, разновременный, для древнейшего комплекса (Ак-Кошкар 1 и 6) предполагается нижнепалеолитический возраст.

Несколько полнее охарактеризованы в археологической литературе памятники, открытые М.Н. Клапчуком и другими исследователями в среднем и нижнем течении р. Сарысу. Самым крупным из них является местонахождение **Жаман-Айбат 4** [Клапчук, 1971, 1976]. Оно расположено на южном склоне одноименного хребта в 150 км к юго-востоку от Джекказгана, близ древнего русла Сарысу, находящегося примерно в 80 км восточнее современного. Сборы проводились М.Н. Клапчуком с 1964 г. по 1968 г. Основная масса находок происходит с поверхности останца площадью 150 x 30 кв. м, по соседству имеются выходы желваков сливного песчаника, служившего в данном случае в качестве сырьевого материала.

В коллекции более 800 предметов, следы окатанности отсутствуют. в отдельных случаях поверхности покрыты карбонатной коркой. Нуклеусы и изделия со вторичной обработкой составляют не более 10 процентов всех находок, сколов, по подсчетам М.Н. Клапчука, около 70%, остальные вещи определены как отходы производства и желваки со следами единичных сколов. Среди нуклеусов, согласно определению исследователя памятника, преобладают дисковидные и одноплощадочные, изредка встречаются многоплощадочные и нуклеусы-многогранники. Среди сколов особенно заметны крупные, массивные отщепы; пластинчатые или близкие к таковым пропорции отмечаются лишь в 34 случаях. Значительная часть сколов (более одной четвертой) являются первичными или полупервичными. Ударные площадки, как правило, гладкие, порой и они покрыты желвачной коркой. Из орудий, прежде всего, обращают на себя внимание рубила. Их в коллекции выделено 9. Есть рубила плоские и массивные, овальные и треугольные, оформлены они на небольших желваках или массивных отщепах. Длина рубил колеблется от 10 до 14 см, обработаны они радиальной оббивкой, следов ретуши не отмечено. Кроме рубил имеются скребла разных типов, в том числе скребло, рабочий край которого создан двусторонней ретушью, скребковидное изделие на отщепе, пластины и отщепы с ретушью. М.Н. Клапчук определил Жаман-Айбат 4 как позднеашельский памятник и материал, как кажется, не противоречит такой датировке.

Весьма древний возраст предполагается и для местонахождения **Обалысан 1** [Клапчук, 1971]; находящегося несколько севернее Джекказгана. Здесь, в пределах нижнеплейстоценовой долины, среди россыпей кварцитовых галек на южном склоне сопки Обалысан были

найденны чоппинг и два нуклеуса — дисковидный односторонний и двухплощадочный. М.Н. Клапчук сопоставлял эти находки с изделиями из Борыказгана и Танирказгана и, руководствуясь, главным образом, археологическими критериями, датировал их концом нижнего — началом среднего плейстоцена. Материала, однако, слишком мало для столь ответственных выводов.

Кроме Обалысана, индустрия галечного характера была выявлена еще на местонахождении **Музбель 1** [Клапчук, 1970], расположенном на правом берегу Сарысу в среднем ее течении, к востоку от Джезказгана. На поверхности останца речной террасы М.Н. Клапчук собрал 114 изделий из галек микрокварцита и кварцевого песчаника. Среди находок, несомненно, присутствуют чопперы и чоппинги, имеется единичное простое выпуклое скребло на расколоте вдоль гальке, а также несколько отщепов без следов вторичной обработки. Исследователь памятника сближал его с Кара-Бурой и датировал началом верхнего плейстоцена, но обоснованы оба тезиса явно недостаточно. Нельзя исключить и более древний возраст, по крайней мере, части находок в Музбеле.

Инвентарь другого крупного местонахождения — **Айдарлы 2** [Клапчук, 1968] — заметно отличается от материалов Музбеля 1 и Обалысана. Здесь у безымянного такыра примерно в 50 км к северо-востоку от Жаман-Айбата было собрано более 500 изделий из яшмы, имеющих, по М.Н. Клапчуку, “леваллуа-мустьерский характер”. В числе находок, как сообщается, 30 дисковидных и 13 одноплощадочных односторонних нуклеусов, атипичные и типичные леваллуазские сколы, а также 4 рубильца и еще 10 бифасов, не определенных более точно.

К среднему палеолиту отнес М.Н. Клапчук и немногочисленные изделия, собранные геологом В.С. Танырцевым на галечнике, в месте пересечения рекой Сарысу песков Моинкум. Этот пункт вошел в литературу под названием **Космола** [Клапчук, 1969, 1976], хотя в первых сообщениях обозначался как Сары-Су [Клапчук, 1964]. Одно из восьми найденных здесь кремневых изделий было определено как остроконечник, но, судя по рисунку [см. Клапчук, 1964, 1969], это, скорее, простое скребло.

Еще меньше коллекция, происходящая из обнажения первой террасы р. Сарысу у пос. Кызылжар (пункт назван **Кзыл-Джар 3**) — в ней всего два предмета. Дисковидный нуклеус и отщеп, залегавшие на глубине 1.25 м от дневной поверхности, отнесены к концу мустье [Клапчук, 1964, 1969].

К мустье принято относить и материалы местонахождения **Передержка** [Клапчук, 1967, 1969], где в двух пунктах было собрано более 2 тысяч изделий из песчаника (выходы сырья в непосредственном соседстве). Есть, однако, основания полагать, что на этом памятнике представлен разновременный инвентарь, и значительная часть его — в

частности, призматические нуклеусы, реберчатые пластины и скребок — может быть верхнепалеолитической. По функции Передержка, скорее всего, мастерская [см. также: Абрамова, 1984, с. 145].

В работах М.Н. Клапчука упоминаются еще некоторые палеолитические местонахождения, находящиеся в среднем течении Сарысу (Агайдар, Конайбек), но какие-либо сведения о полученном на этих памятниках материале в литературе обнаружить не удалось. Напротив, коллекции таких пунктов, как Кенжебайсай 7 [Клапчук, 1964] и Коскудук 7 [Клапчук, 1969а] в общих чертах охарактеризованы — на первом из них собраны, предположительно, позднепалеолитические, а на втором — среднепалеолитические изделия, — но точных географических координат в публикациях нет и приходится гадать, связаны ли эти находки с бассейном Сарысу или нет.

Следующим регионом, где известно большое количество палеолитических памятников, является центр мелкосопочника, точнее, верховья рек Нура и Ишим. Ряд местонахождений (Огиз-Тау I-II и др.) открыт и в верховьях Сарысу [Таймагамбетов, 1986, 1987а], однако, о них известно пока немного. Для Огиз-Тау I и II, где было собрано соответственно, 252 и 79 предметов из кварцита, предполагается раннемустьерский или даже ашельский возраст [Таймагамбетов 198. 1990б], но отсутствие в публикациях рисунков и чрезвычайно обобщенный характер описания инвентаря не позволяют судить об обоснованности этих датировок.

Интересные материалы происходят с местонахождений Вишневка 1, 4, 6 [Волошин, 1975, 1976, 1977, 1979, 1981, 1983, 1988], находящихся у пос. Вишневка в 60 км к юго-востоку от Целинограда, и местонахождений Батпак 7, 8, 12 [Клапчук, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969; Волошин, 1987], расположенных на одноименном ручье несколько выше Вишневки по течению Ишима (близ Осокаровка). Предполагается, что на многих из этих памятников, приуроченных к выходам сырьевых пород, содержится разновременный — от ашеля до позднего палеолита — материал. При датировании находок такого рода геоморфологические данные, как пишет В.С. Волошин, ничего не дают [Волошин, 1987а, с. 3], и основной упор предлагается делать на анализ типологии артефактов и признаков физического износа их поверхностей [там же, с. 4 и след.]. Кроме того, в последние годы проводились раскопные работы на таких памятниках, как Вишневка 1 и Батпак 7, что открывает новые возможности для хронологического расчленения имеющихся комплексов и интерпретации материалов.

В верхнеплиоценовых (апшеронских) отложениях разреза у с. Батпак В.С. Волошиным собрана коллекция предметов из “грубых трещиноватых малоизотропных докембрийских пород” [Волошин 1989а, с. 71, 1990, рис. 3], которые он рассматривает как артефакты (индустрии Актасты I и II) и сопоставляет с упоминавшимися выше наход-

ками из конгломератов р. Арыстанды [Волошин, 1992, с. 52]. Эти материалы демонстрировались на заседании Отдела палеолита ИИМК РАН (тогда ЛОИА АН СССР). Ознакомление с ними приводит к выводу, что сходство между “индустриями” Актасты и Арыстанды, действительно, велико, но заключается оно в том, что в обоих случаях вещи, выдываемые за палеолитические изделия, можно признать таковыми лишь при очень большом желании. Более достоверны и интересны вещи мустьерского облика, залегавшие в переотложенном состоянии в верхнеплейстоценовой толще Батпакского разреза.

С достаточной степенью достоверности ашельский компонент был выделен в коллекции местонахождения **Вишневка 3** [Волошин, 1988], где имеется весьма выразительная серия архаичных бифасов. Бифасы, встречающиеся почти на всех центрально-казахстанских памятниках, хорошо представлены и в Вишневке 4 и 6 — это могут быть как рубила, так и листовидные наконечники удлиненной формы с округлым основанием длиной от 7 до 20 см [Волошин, 1982]. Хотя известны эти изделия в Центральном Казахстане давно и в большом количестве, их специальное изучение сейчас только начинается. Можно предполагать, что традиция изготовления крупных двусторонне обработанных орудий существовала в регионе от нижнего (Вишневка 3-4) до верхнего палеолита (Батпак 7), а возможно, не исчезла сразу и в послепалеолитическое время. Интересно, что в Батпаке 7 один бифас, определяемый М.Н. Клапчуком как наконечник, был найден в верхнеплейстоценовых отложениях, содержащих кости шерстистого носорога и мамонта; между тем, по зубу мамонта из этого местонахождения, залегающему на той же глубине, что и культурные остатки (6.3 м), недавно получена дата 12570 +/- 500 лет (КИГН-199; Нурмамбетов, Акиянова, 1989).

Кроме Вишневки, ашельские, по мнению В.С. Волошина, материалы обнаружены им на местонахождении **Мизар** [Волошин, 1987], недалеко от Батпака. Среднепалеолитические изделия представлены в коллекциях Батпака 8 и 12 (дисковидные нуклеусы, пластины и тысячи мелких отщепов из кремнисто-железистой породы), хотя на первом из этих пунктов имеется, видимо, и более поздний материал — скребки, проколки, почти микролитические пластинки [Клапчук, 1964]. Трудно сказать что-либо определенное о возрасте инвентаря местонахождений **Аксара** [Волошин, 1971], **Досан 1** [там же] и **Карабас 3** [Клапчук, 1967, 1969], где, скорее всего, собран смешанный материал не древнее среднего палеолита.

В кратких сообщениях В.С. Волошина вскользь упоминается об открытии еще примерно двух десятков палеолитических (и в том числе нижнепалеолитических) местонахождений (**Жидели 1-2**, **Сарыозень 1, 5** и др.), но информация об их географическом положении не приводится, не говоря уже о характеристике материала [Волошин, 1977,

1978]. Не описаны и коллекции трех местонахождений, открытых этим исследователем в горах **Кызылтау** [Волошин, 1975].

Интересный объект был обнаружен в 1962 г. геологом В.Н. Матвиенко на границе Центрального и Северного Казахстана, в 3 км к юго-западу от поселка Жамантуз на юге Кокчетавской области. Речь идет о местонахождении ископаемой фауны **Актас** [Матвиенко, Кожамкулова, 1986; Кожамкулова, Пак, 1988], где среди сильно раздробленных костей пещерной гиены, шерстистого носорога, первобытного тура и коротконового бизона, залежавших в виде пяти линз в песчано-галечном горизонте на глубине 1.1-3.8 м, встречаются предметы, напоминающие ложила и иглы. О наличии каменных изделий на основании имеющихся публикаций судить невозможно, но, несомненно, что местонахождение заслуживает внимания со стороны археологов. Недавно полученная по кости из Актаса дата довольно поздняя — 7710 +/- 320 лет (КИГН-200, Нурмамбетов, Акиянова, 1989).

Большое число палеолитических местонахождений открыто в 60-е годы в Прибалхашье, где в качестве сырья палеолитическое население использовало порфирит и кремнистый алевролит. Этим материалам посвящен ряд работ А.Г. Медоева [Медоев, 1962, 1962а, 1964, 1965, 1970, 1982, с. 19-22]. К сожалению, в публикациях представлены лишь итоговые выводы этого исследователя и иллюстрирующие их рисунки нескольких типичных, на его взгляд, изделий; описания же каких-то конкретных памятников и коллекций отсутствуют, как и точные сведения об их количестве. К западу и юго-западу от озера Балхаш, в горах Хантау и Джамбул представлен, судя по всему, среднепалеолитический материал. В частности, огромная коллекция, собранная у гор Хантау, определена А.Г. Медоевым как мустье с ашельской традицией. На северо-западном побережье озера, у горы **Бале**, обнаружен, как сообщается, ашельский (леваллуа-ашель 1) и мустьерский материал. Далее же к востоку и к северу, вплоть до гор Семизбугу, в десятках пунктов собраны десятки тысяч изделий, относимых А.Г. Медоевым к леваллуа-ашелю 1 и 2, ашелю, мустье с ашельской традицией и позднему палеолиту (саяк). Как уже отмечалось в литературе, признаки, по которым производилось выделение этих индустрий, не совсем ясны [Абрамова, 1984, с. 145], но что касается их возраста, то просмотр коллекций Семизбугу приводит к выводу, что здесь действительно представлен смешанный разновозрастной материал от нижнего до позднего палеолита. К такому же заключению приходят и авторы появившегося недавно подробного описания материалов пункта Семизбугу 2 (1611 вещей), где помимо многочисленных и, видимо, в большинстве своем случайных (т. е. естественного происхождения) зубчатых форм, были собраны бифасы (не определяемые более точно), весьма выразительные нуклеусы радиального и параллельного скалывания, скребла самых разных типов, а также отщепы

и пластины с ретушью, единичные скребки и клиновидные нуклеусы [Деревянко и др., 1993].

Очень суммарно охарактеризованы материалы из Павлодарского Прииртышья, откуда происходят десятки палеолитических коллекций, содержащих тысячи и десятки тысяч изделий из кварцитовидного песчаника. Большая часть местонахождений этого района изучалась Б.Ж. Аубекеровым и А.Г. Медоевым. Самые древние, по А.Г. Медоеву, индустрии (леваллуа-ашель I) обнаружены на останцах наиболее высоких, четвертых террас озер **Кудайколь** и **Карасор** [Медоев, 1968, 1982, с. 22-28; Аубекеров, Чалыхьян, 1974, с. 61-72]. В числе находок нуклеусы, бифасы, сколы. На уровне третьих террас тех же озер, а также в долине р. Шидерты и на поверхности увалов и гряд междуречья Шидерты — Иртыш локализуются индустрии, определяемые в публикациях как леваллуа-ашель II. Наконец, на нижних озерных террасах и в ряде пунктов на междуречье концентрируются изделия, отнесенные к позднему палеолиту и эпипалеолиту. Леваллуа-ашельские материалы Прииртышья А.Г. Медоев датировал средним антропогеном, что, как считает Б.Ж. Аубекеров, подтверждается геологическими данными [Аубекеров, Чалыхьян, 1974, с. 71]. Высказано также предположение, что все перечисленные индустрии, несмотря на существование хронологических разрывов между ними, относятся к одной эволюционной линии [Медоев, 1968]. Каких-либо аргументов в обоснование этого тезиса в публикациях не приводится.

Несколько местонахождений в Павлодарском Прииртышье были открыты М.Н. Клапчуком. В 60 км к востоку от Экибастуза, на вершине сопки, усланной желваками и обломками песчаника, им собрано около 500 изделий, в том числе дисковидные двусторонние нуклеусы, полсотни листовидных наконечников и единичные скребла. М.Н. Клапчук определяет этот памятник, названный им **Таскудук 1** [Клапчук, 1969а], как позднепалеолитическую мастерскую, хотя, судя по перечню находок, индустрия может быть и более древней.

Местонахождение **Ангренсор 2** [Клапчук, 1969; Волошин, 1975, 1987], расположенное в 26 км южнее Экибастуза, на шлейфе сопки, прикрывающей с севера озеро Ангренсор, содержит, скорее всего, в основном позднепалеолитический, а также послепалеолитический материал. Среди тысяч находок нуклеусы разных типов, отщепы и пластины, листовидные наконечники, резцы, скребки и т.д. Возможно присутствие в коллекции и более древнего, чем поздний палеолит, компонента, но окончательно ситуацию прояснят лишь будущие исследования. В 1985 г. В.С. Волошиным были заложены на Ангренсоре 2 траншеи и шурфы, тогда же по соседству открыты новые палеолитические местонахождения: **Ангренсор 3-7**. Сообщается также о раскопках позднепалеолитических местонахождений в г. **Экибастузе**, где в голоценовой почве выделен кварцитовый “эпипалеолитический” ком-

плекс, включающий, наряду с резцами, скребками, проколками и клиновидными нуклеусами, “мустьероидные” скребла, остроконечники, леваллуазские нуклеусы и даже различные листовидные и овальные бифасы. В.С. Волошин пишет в связи с этим об “ашело-мустьерском традиционализме” [Волошин, 1989а, с. 74], ничего не говоря о возможности смещения разновозрастного материала.

На границе Центрального и Восточного Казахстана палеолитические материалы были обнаружены в пределах хребта **Чингиз**. Здесь открыто одно местонахождение, давшее около 200 изделий, отнесенных А.Г. Медоевым к мустье ашельской традиции [Медоев, 1962, 1982, с. 28-29]. Этот исследователь выделил в составе инвентаря скребла кина и полукина; отмечается также отсутствие нуклеусов и высокий процент изделий со вторичной обработкой. В отличие от большинства других палеолитических памятников Казахстана, где использовался в основном какой-то один вид сырья, на данном местонахождении представлены самые разные породы камня, встречающиеся на территории хребта Чингиз.

Два местонахождения подъемного материала (**Маралды 1-2**), частично относимого к раннему палеолиту, известно на озере Маралды, 60 км к востоку от Павлодара. Эти находки охарактеризованы лишь в самых общих чертах [Гайдученко, Таймагамбетов, 1982; Таймагамбетов, 1989].

Несколько палеолитических памятников исследовано на крайнем востоке Казахстана в верховьях Иртыша. Река протекает здесь через западные отроги Алтая, и в целом для района характерен горный ландшафт. Наиболее древние, как считается, изделия, были обнаружены С.С. Черниковым в 1952 г. в долине Иртыша на правом его берегу у аула **Канай** [Черников, 1951, 1952, 1956]. Условия залегания этих находок описаны не совсем ясно, но их мустьероидный облик достаточно очевиден. Кроме того, остроконечники, скребла, отщепы и нуклеусы, относимые к мустье, отличаются от найденных в том же месте более поздних изделий из кремня сильной окатанностью.

Как мустьерский памятник иногда рассматривают в литературе последних лет [Абрамова, 1984, с. 145; Таймагамбетов, 1987б, с. 9] и местонахождение **Свинчатка**. Оно расположено также на правом берегу Иртыша, в нескольких километрах ниже Каная, близ поселка Свинчатка. В 1955 г. к западу и к востоку от поселка, на террасовидных уступах, возвышающихся над рекой на 18-35 м, А.А. Крыловой были собраны пластины, скребки и другие изделия из порфирита и зеленой кремнистой породы, отнесенные ей к концу верхнего палеолита [Крылова, 1969]. Судя по опубликованным рисункам и описаниям изделий, верхнепалеолитический возраст для большей их части несомненен.

Верхнепалеолитические материалы обнаружены также экспедицией С.С. Черникова в 1950 г. у деревни **Новоникольское** [Черников,

1952, 1956], а А.А. Крыловой в 1955 г. в устье р. Нарым (правый приток Иртыша) [Крылова, 1969]. В Новоникольском находки (пластины, микропластинки, микронуклеусы, отщепы с ретушью и др.) происходят из раскопа, заложенного в обрыве берега на месте сухой промоины. Они залегали во взвешенном состоянии на глубине 0.9-1.6 м. В устье Нарыма коллекция собрана на галечниковых отмелях по берегам реки. Здесь найдены невыразительные нуклеусы, пластины, скребки на пластинах, скребло овальной формы на массивном отщепе и превосходный наконечник удлинённой формы, обработанный почти по всему периметру, причем один край оформлен двухсторонней ретушью. Изделия слабо окатаны и не несут следов патины.

Интересный, но, к сожалению, малочисленный материал был получен при раскопках Пещеры на Бухтарме [Черников, 1952, 1956; Гохман, 1957]. Этот памятник представляет собой пещеру, образовавшуюся в известняковом карбонового возраста массиве, к которому примыкает одна из террас правого берега р. Бухтармы. Пещера обращена на запад и состоит из двух гротов (Большой и Малый), объединённых общим навесом. За четыре года работ (1950, 1952, 1953, 1954) было вскрыто около 80 кв. м, максимальная глубина раскопов достигала 3 м (до скалы). Культурный слой как таковой отсутствует, находки рассеяны по вертикали на 0.5-0.6 м. В центре Малого грота зафиксировано зольное пятно диаметром 0.6-0.7 м и толщиной до 0.25 м.

При раскопках собрано много костей животных, которые дошли в основном в довольно сильно фрагментированном виде. Определено 15 видов млекопитающих, при явном преобладании лошади (*Equus caballus fossilis*) и первобытного быка или бизона (*Bos auf Bison*), давших почти половину всех диагностируемых костей. Хорошо (около 20% костей) представлен также архар (*Ovis cf. amman*). Кроме того, имеются остатки мамонта (*Elephas sp.*), носорога (*Rhinoceros sp.*), оленя (*Cervus elaphus*), кулана (*Equus cf. hemionus*), джейрана (*Gazella cf. subgutturosa*), бурого медведя (*Ursus arctos*), волка (*Canis lupus*), барсука (*Meles meles*), лисицы (*Vulpes vulpes*), сурка (*Marmota cf. bobac*), пещерной гиены (*Crocota spelaea*) и верблюда Кноблоха (*Camelus knoblochi*). Отмечается полное отсутствие арктических видов фауны.

Каменные изделия, которых за все время найдено около 50, изготовлены из черной и зеленоватой кремнистой породы в изобилии встречающейся в галечниках Иртыша и Бухтармы. Они сохранили свежие поверхности, лишь некоторые покрыты известковым налетом. Выразительных орудий и нуклеусов в коллекции нет, в основном в ней представлены обломки пластин и отщепов, в ряде случаев со следами вторичной обработки. Видимо, прав был С.С. Черников, отнеся этот памятник к верхнему палеолиту, хотя не лишено оснований и предположение, что часть находок может иметь более древний возраст [Абрамова, 1984, с. 145].

Ряд пунктов залегания палеолитических орудий был обнаружен в долине Иртыша и по его притокам — р. Шульбинке и р. Кызылсу — Х.А. Алпысбаевым и Ж.К. Таймагамбетовым (Будене 1, Красноярское, Кызылкурган, Койтас и др.). Эти находки относятся к верхнему, а также, видимо, и к среднему палеолиту [Таймагамбетов, 19876]. На стоянке Шульбинка в устье одноименной реки (правый приток Иртыша) проводились спасательные раскопки. Здесь получен богатый (более 5000 каменных изделий) верхнепалеолитический материал, сопоставимый, по мнению исследователя памятника, с коллекциями Пещеры, Новоникольского, а также с верхнепалеолитическими индустриями Алтая и Южной Сибири [Таймагамбетов, 19876].

ЧАСТЬ II. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА СРЕДНЕЙ АЗИИ

ГЛАВА I. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Хронология — это распределение объектов в астрономическом (геологическом) времени, достигаемое методами относительно и абсолютного датирования. Периодизация — это классификация, обращенная во время, то есть группирование выстроенных в хронологической последовательности объектов по культурным (если говорить об археологической периодизации) критериям. Как уже не раз отмечалось [Гладилин, Ситливый, 1990, с. 124; Вишняцкий, Колпаков, 1991, с. 6], археологи в своих работах часто не различают периодизацию и хронологию, смешивая задачи, критерии и результаты первой и второй. Обычным делом является подмена понятий, когда, например, декларируется построение периодизации, а на практике разделение материала на группы производится по одному лишь временному признаку. Конечно, классификацию артефактов и комплексов по такому признаку, как время, тоже можно называть периодизацией, но это будет не археологическая периодизация, а хронологическая периодизация археологических материалов, объединяющая и разделяющая объекты безотносительно к тому, что они собой представляют как артефакты, как явления культуры.

1. Хронология.

Распределение палеолитических индустрий Средней Азии и Казахстана во времени представляет собой при нынешнем состоянии фактологической базы весьма трудную задачу. Подавляющее большинство памятников может быть датировано только в очень широких хронологических рамках, и далеко не для каждой пары комплексов удастся установить их взаимное соотношение во времени. Это относится не только к подъемным материалам, но и к стратифицированным: ведь фауна открытых и пещерных среднеазиатских стоянок (при современной ее изученности), как правило, почти ничего не дает для определения их древ-

ности в пределах плейстоцена, а имеющиеся абсолютные датировки, даже не отбрасывая заведомо ложные, можно пересчитать по пальцам. В итоге на хронологической шкале палеолит региона рисуется пока не как непрерывная вертикальная линия, а, скорее, как пунктир, состоящий притом большей частью из вопросительных знаков (табл. 2).

Древнейший из известных к настоящему времени комплексов — Кульдара — датируется концом эоплейстоцена (около 800-850 тысяч лет назад). К этому же времени, видимо, следовало бы отнести и находки из приводораздельных конгломератов хребта Каратау (Южный Казахстан) и из низов разреза у с. Батпак (Центральный Казахстан), но искусственное происхождение тех и других остается недоказанным. Нельзя, разумеется, исключать, что в будущем достоверные следы обитания эоплейстоценового населения будут установлены и в Казахстане, и еще в каких-то районах Средней Азии, но пока они имеются только в Южном Таджикистане (Кульдара), да и здесь фиксируются по весьма малочисленным находкам в одном пункте.

Проблематично пока выделение на территории Средней Азии и Казахстана археологических материалов нижнеплейстоценового времени. С определенной степенью уверенности в качестве таковых могут рассматриваться сейчас лишь единичные изделия, найденные в 9-м и 8-м педокомплексах южнотаджикских лессов, попадающие в хронологический интервал примерно от 500 до 400 тысяч лет назад. Что касается Сель-Унгура и Кульбулака, то их отнесение к рассматриваемому периоду должно еще найти подтверждение — или быть отвергнуто (что более вероятно) — в процессе дальнейших исследований. Сейчас ясно лишь, что первый из этих памятников не может быть моложе среднего плейстоцена.

К среднему плейстоцену, несомненно, относятся еще такие памятники как Каратау 1 и Карамайдан, а также единичные находки на уровне 7-го и 6-го педокомплексов лессов Таджикской депрессии. Не исключен среднеплейстоценовый возраст и для целого ряда местонахождений подъемного материала в Южном и Центральном Казахстане, в Восточном Прикаспии, на Копетдаге, но во всех этих случаях возможны и более поздние датировки. Трудно пока сказать что либо определенное о хронологической позиции Кошкурмана: палеозоологические и археологические данные здесь находятся в слишком явном взаимном противоречии, причина чего еще не ясна.

Наибольшее количество палеолитических памятников попадает в поздний плейстоцен. Однако, в то время как одни из них с уверенностью датируются самым началом этого периода или, точнее, рубежом среднего и позднего плейстоцена (Лахути 1, Кайрубак, Хонако 1 и 2), а другие, судя по радиоуглеродным датировкам, споро-пыльцевым данным и геологическим условиям залегания находок, его последней четвертью (Худжи, Огзи-Кичик, два нижних слоя Шугноу), то про-

межуток от 130-120 до примерно 40 тысяч лет назад остается, по-существу, незаполненным археологическим материалом. Это, конечно, не значит, что на территории Средней Азии и Казахстана нет памятников, относящихся к первой половине и середине позднего плейстоцена, но указать такие памятники конкретно пока, практически, невозможно. Более чем вероятно, например, что сюда попадут какие-то слои Кульбулака, но какие именно — можно лишь догадываться. Вполне допустимо также, что соответствующий возраст имеет часть среднепалеолитических индустрий Центрального Казахстана [Волошин, 1990, рис. 1] или Заузбойского района [Вишняцкий, 1990], но в пользу этого могут быть приведены лишь косвенные доводы. Можно сделать еще ряд вполне правдоподобных предположений, но лишь предположений, факты же имеются только для начала и заключительной четверти позднего плейстоцена. К последнему отрезку времени, естественно, относятся, кроме уже названных мустьерских памятников и все верхнепалеолитические, но насколько велика хронологическая дистанция между первыми и вторыми и всегда ли она есть вообще — пока не совсем понятно. Материалы верхних слоев Шугноу имеют, скорее всего, возраст моложе 25 тысяч лет, для других же комплексов, включая Самаркандскую стоянку, сколько-нибудь надежных данных, позволяющих предполагать ту или иную датировку, еще не получено.

2. Периодизация.

Археологические периодизации в целом могут выполнять две основные функции: (1) Они выявляют археологические культуры во времени, т. е. отражают этапы развития археологизировавшейся части культуры. Этот аспект периодизаций особенно важен для выхода на более высокие, надархеологические уровни исследования, для разного рода реконструкций и интерпретаций, когда перерывы постепенности в развитии той или иной последовательности культурных форм, выявляемые археологом, сопоставляются с изменениями природной среды, физического типа населения, демографической или политической обстановки и получают затем историческое объяснение и истолкование (смена населения, экологический кризис, аккультурация и т. д.). (2) Они служат средством ориентации в археологическом времени. В таком качестве периодизации используются, практически, только в пределах самой археологии.

Археологам — и, может быть, палеолитчикам в первую очередь — для ориентации в археологическом времени нужен общий знаменатель, к которому можно было бы привести находки из разных регионов и культур, в том числе и материалы с неясной хронологией (т. е. “плавающие” в астрономическом и геологическом времени). Отсюда возникает необходимость в общих, в том числе панойкуменных пери-

одизациях. Последние не являются отражением неких общепланетарных этапов развития. Деление всего палеолита на несколько единых этапов сугубо условно и возможно на практике лишь благодаря существованию крайне расплывчатой, чрезвычайно разнообразной в своих проявлениях, но все же общей тенденции, улавливаемой в развитии палеолитических индустрий.

Для крупных регионов, подобных среднеазиатско-казахстанскому, где представлены разные традиции обработки камня, а хронология разработана плохо, необходимо, прежде всего, распределение комплексов в археологическом времени. Для этого приходится использовать самую общую периодизацию палеолита, согласно которой он делится на нижний, средний и верхний. Нижний, средний и верхний палеолит, как условные стадии развития, могут быть определены лишь в довольно общей форме, с использованием больше сравнительных степеней, чем четких качественных и количественных критериев.

Нижнепалеолитические комплексы в целом отличаются от более поздних относительной общей аморфностью, размытостью границ между отдельными группами изделий, отсутствием серий однотипных нуклеусов и орудий на сколах, невыработанностью, неустойчивостью форм тех и других. В них обычно не прослеживается стремления к получению стандартных заготовок, но зато представлены достаточно выраженные в типологическом отношении группы макроорудий — рубил, кливеров, чопперов и т. п., изготовленных в большинстве случаев из отдельных пород. Индустрии, относимые к среднему палеолиту, отличаются более четкой структурированностью и дифференцированностью как всего инвентаря в целом, так и отдельных групп изделий (нуклеусы, сколы, орудия). В них возрастает роль вторичной обработки, особенно формообразующей, увеличивается количество и разнообразие орудий на сколах, сами сколы становятся в целом более “регулярными”, т. е. среди них выделяются группы, отличающиеся явно намеренной стандартизованностью. Меняются в общем и конкретные значения таких признаков, как симметричность, массивность, удлиненность и др. Гораздо реже, за известными исключениями, встречаются макроорудия, для выделки рубил чаще начинает применяться ретушь, в ряде случаев прослеживается тенденция к уплощению бифасов. Все перечисленные изменения и связанные с ними особенности свойственны и для верхнего палеолита, где они получают еще более наглядное выражение. Единые универсальные критерии, с помощью которых всегда можно было бы идентифицировать верхнепалеолитические комплексы, отсутствуют, как отсутствуют они и для предыдущих эпох, но в целом число работающих на различение типологических и технических признаков возрастает. На заключительных стадиях палеолита большинства регионов отчетливо проявляются тенденции к микролитизации, стандартизации и “геометризации” каменного инвентаря.

Конечно, во избежание ошибок, в каждом конкретном случае должны учитываться такие факторы, как представительность выборки (имеющихся материалов), функция изучаемого памятника в древности, особенности сырья и т. п. Хронологические признаки, напротив, не могут служить в качестве критерия периодизации рассматриваемого вида. Что касается Средней Азии, то здесь периодизация не вступает в явное противоречие с хронологией, но в принципе такая возможность существует.

Памятников нижнего палеолита на территории Средней Азии и Казахстана известно пока немного. Наиболее архаична индустрия Кульдары и, прежде всего, своей общей аморфностью, недифференцированностью. Индустрия Сель-Унгура тоже еще весьма далека от среднепалеолитических норм и должна быть определена как нижнепалеолитическая. К нижнему палеолиту относятся также Каратау I и Лахути I, но в инвентаре этих двух памятников уже просматриваются некоторые черты, позволяющие предполагать их близость к переходному состоянию, промежуточному между ранним и средним палеолитом. Как ашельские и, следовательно, нижнепалеолитические, можно с большой долей вероятности определить некоторые центральноказахстанские памятники с рубилами (ряд пунктов Семизбугу, Вишневка 3, Жаман-Айбат 4 и др.), а также часть находок на местонахождениях запада Средней Азии, где имеются рубила (Янгаджа-Каратенги | Шахбагата).

К среднему палеолиту, кроме многочисленных мустьерских памятников, должны быть отнесены все известные к настоящему времени довернепалеолитические слои Кульбулака и, со знаком вопроса, ряд представленных подъемным материалом индустрий с уплощенными бифасами (Есен-2) и листовидными наконечниками (Тюемайнак, Таскудук I и несколько других казахстанских местонахождений). Материалы этой эпохи явно преобладают в регионе над более ранними и более поздними и исследованы они в целом гораздо лучше.

Верхнепалеолитические памятники немногочисленны. В западных районах их, по существу, пока нет (по крайней мере, достоверных), в Центральном Казахстане не решена проблема их идентификации (не говоря уже о том, что отсутствуют и публикации предположительно верхнепалеолитических материалов), и лишь на юго-востоке Средней Азии и в Восточном Казахстане верхний палеолит может быть выделен с уверенностью. К верхнему палеолиту относятся Самаркандская стоянка (хотя часть материалов этого памятника, возможно, древнее), Ходжамазгиль, Сиабча, верхние слои Кульбулака, первый и второй слои Шугноу, Карасу (по крайней мере, три верхних слоя), Шульбинка и несколько других, менее представительных, комплексов. Индустрии первого слоя Шугноу, а также, возможно, Ходжа-Гора, могут рассматриваться как финальнопалеолитические.

ГЛАВА II. ТЕОРИЯ МОВИУСА И НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Согласно так называемой теории Мовиуса, споры вокруг которой, начавшись еще в середине века [Замятнин, 1951; Сорокин, 1953], не прекращаются по сей день [Schick, 1994], вся нижнепалеолитическая ойкумена делится в культурном отношении на две зоны — западную и восточную. В первую, где господствуют рубила и техника леваллуа, входят Африка, Европа (кроме восточной) и Передняя Азия, а вторая, где преобладают чопперы, клетонские отщепы и простые нуклеусы, сделанные часто из галек, охватывает Восточную Азию, северный Индостан и весь Индокитай [Movius, 1944, 1948]. Достаточно хотя бы бегло взглянуть на карту распространения “культур рубил” и “культур чопперов” [Movius, 1944, p. 103], чтобы заметить, что территория от Каспийского моря до Гиндикуша является пограничной между этими двумя зонами. Поэтому ясно, что палеолит Средней Азии должен играть в незатухающих дебатах сторонников и противников теории Мовиуса не последнюю роль.

Первая примерка теории к среднеазиатским материалам состоялась в середине 50-х годов, когда, благодаря открытию в Средней Азии множества разновременных и разнохарактерных палеолитических памятников (подробно об этом см.: Ранов, 1966), появилась возможность проанализировать имеющиеся материалы в сравнительном плане на широком фоне палеолита других территорий. В 1956г. А.П. Окладников пишет о соприкосновении на территории Средней Азии двух больших культурных областей палеолитического человечества. “Первая из них простиралась к востоку и северу от Киргизии, вторая — к югу и к западу от нее” [Окладников, 1956а, с. 19], причем в первой “широко пользовались древними восточными приемами изготовления каменных орудий из расколотых галек” [там же, с. 22]. Правда, в цитированных отрывках речь идет лишь о верхнем палеолите, но в этой же работе внимание читателя обращается на большое сходство некоторых находок А.П. Окладникова на востоке Средней Азии, относимых им к нижнему палеолиту, с известными галечными орудиями юго-восточной Азии [там же, с. 11].

В 1966 г. А.П. Окладников опубликовал большую обобщающую статью по палеолиту Средней Азии [Окладников, 1966]. Главу, посвященную нижнему палеолиту, он завершил рассмотрением вопроса “о двух культурных традициях и связи с соседними странами” [там же, с. 22]. А.П. Окладников отметил, “что уже в это время обнаруживается

расхождение путей развития культуры на западе и на востоке Средней Азии", проявляющееся в том, что орудия типа ручного рубила обнаружены лишь на крайнем западе региона, тогда как на востоке их нет совсем, но зато уже с весьма раннего времени "появляются орудия иного рода — чопперы". Вывод из этого наблюдения делается прямо по Мовиусу. "Влияние нижнепалеолитической культуры ручного рубила — пишет А.П. Окладников, — прослеживается, таким образом, лишь на крайнем юго-западе Средней Азии, в Туркмении. На востоке же и на севере как будто обнаруживается известное влияние культуры чопперов. Очень вероятно, что первобытные люди, впервые заселившие восточные области Средней Азии, в своем большинстве были скорее в родстве с синантропами — первобытным населением Юго-Восточной и Восточной Азии, чем с шельскими и ашельскими людьми — жителями Европы, Африки и Передней Азии" [Окладников, 1966, с. 22].

С близкими взглядами выступил и В.А. Ранов, который, однако, подключил к концепции и более поздние, чем нижнепалеолитические, материалы [Ранов, 1964]. Взяв на вооружение сначала идею С.Н. Замятнина о существовании трех больших культурных областей в верхнем палеолите, и высказав предположение, что следы их можно проследить и в среднем и в нижнем палеолите, он отметил, что Средняя Азия находится на стыке этих областей и выделил на ее территории две группы палеолитических памятников (так одна из идей С.Н. Замятнина, непримиримого противника взглядов Мовиуса, послужила распространению этих взглядов на среднеазиатский палеолит). "Первая группа (А) связывается с памятниками расположенными на запад от Средней Азии, в основном с культурами Передней Азии, вторая (Б) с памятниками, лежащими на востоке (культуры восточноазиатского типа)" [Ранов, 1965, с. 97]. Параллельное развитие культур групп А и Б прослеживается В.А. Рановым "начиная с нижнего палеолита и кончая временем перехода к раннему металлу" [там же, с. 104]. Для памятников первой группы характерны на самых ранних этапах рубила (предположительно), а затем леваллуа-мустьерский облик культуры, памятники второй группы объединяются, прежде всего, галечной техникой, набором "грубых рубящих орудий" (или чоппер/чоппингов).

Хотя, выдвигая первоначально рассматриваемую концепцию, ее автор прямо не упоминал теорию Мовиуса в качестве непосредственного источника, нетрудно догадаться, что именно идеи американского ученого послужили той канвой, в которую была вплетена нить рассуждений В.А. Ранова (о связи концепции В.А. Ранова со взглядами Мовиуса писали уже П.И. Борисковский [1971, с. 111], Р.Х. Сулейманов [1972] и др.). Не менее очевидно и влияние этих идей на А.П. Окладникова [Davis, 1988, p. 298]. Таким образом, не вызывает сомнения, что авторы, впервые серьезно рассматривавшие вопрос о характере

культур палеолита Средней Азии, шли по пути проложенному Мовиусом. Было ясно, что палеолит огромного региона не однороден и не может быть однороден, направление же поисков различий подсказывала получившая широкую известность схема. Она без существенных натяжек накладывалась на имеющийся материал, объясняя при этом его разнообразие. То, что схема эта в главном удовлетворяла А.П. Окладникова и В.А. Ранова, показывает, в частности, ее повторение в одной из их совместных работ [Окладников, Ранов, 1963, с. 46] и в самостоятельных работах [Окладников, 1957, с. 15].

Вскоре, однако, рассматриваемые концепции становятся объектом критики и подвергаются частичному или полному пересмотру. Главной мишенью оппонентов стали построения В.А. Ранова. Хотя критики выступали с различных позиций и истоки их несогласия с точкой зрения В.А. Ранова также различны, можно отметить две черты, общих для работ, где доказывалась неправомерность построений, восходящих к теории Мовиуса и касающихся палеолита Средней Азии: во-первых, во всех этих работах в части доказательств основной удар делался на то, что новые открытия в разных частях света не всегда укладываются в рамки схемы американского исследователя, а во-вторых, нигде важнейшая проблема палеолитоведения Средней Азии не решалась на материалах самой Средней Азии. Иными словами, аргументы приводили против теории Мовиуса, а вывод делали против концепции Окладникова-Ранова.

Немалое внимание рассматриваемой проблеме уделил в своей кандидатской диссертации и написанной на ее основе монографии Р.Х. Сулейманов [1968, 1972], ограничившийся, правда, лишь мустьерской эпохой. Приведя сначала данные о находках галечных орудий на западе палеолитической ойкумены и рубил на востоке [Сулейманов, 1972, с. 112-113], этот исследователь пишет затем [там же, с. 113], что “этнокультурная картина Средней Азии в эпоху мустье была, несомненно, более сложной, чем эклектическое сочетание стоянок двух типов, тяготеющих к Востоку и Западу”. Однако, аргументация, предшествующая последнему утверждению, по отношению к Средней Азии ничего не доказывает, а под самим этим утверждением, несомненно, подписался бы еще в 1965 г. и сам В.А. Ранов, поскольку его группы А и Б вовсе не исключают более детального дробления (что продемонстрировано в последующих работах этого автора) и не предполагают обязательной эклектичности.

Критика, с которой выступил Р.Х. Сулейманов, была поддержана и дополнена П.И. Борисковским [Борисковский, 1971, с. 110-112 и др.]. П.И. Борисковский не ограничился мустьерской эпохой, распространив свои выводы и на домустьерские материалы. Однако, аргументация и в данном случае была построена на внесреднеазиатских находках и потому была больше по построениям Мовиуса [там же, с.

41-50], чем В.А. Ранова (к чему, впрочем, П.И. Борисковский и стремился, доказывая “неустойчивость”, “аморфность” разнообразия “существовавших нижнепалеолитических памятников”).

В книге Х.А. Алпысбаева [1979] на основе анализа количественно весьма значительных материалов делается вывод о существовании в пределах Казахстана двух четко различающихся зон палеолитических культур: Южно-Казахстанской и Северо-Казахстанской. Для первой характерны галечная техника, чоппинги, отсутствие или крайняя редкость бифасов, для второй — наличие “настоящих бифасов” и леваллуазская техника. [Алпысбаев, 1979, с. 190]. Как ни странно, этому выводу предшествует прямо противоположный, а именно, что “сочетание в культуре нижнего палеолита Средней Азии черт восточной и западной провинций не подтверждается” [там же, с. 186]. Здесь же приводятся кочующие из работы в работу доводы против теории Мовиуса [там же, с. 184-186], которые, очевидно, и предопределили отношение Х.А. Алпысбаева к собственным материалам. Не удивительно, что те же факты из книги Х.А. Алпысбаева В.А. Ранов весьма убедительно истолковал в подкрепление своих взглядов [Ранов, 1965а и др.], которые, как явствует из ряда позднейших работ, в рассматриваемом отношении мало изменились. В этих работах по-прежнему говорится о переднеазиатской группе А и восточноазиатской группе Б [Ranov, 1984, s. 306; Ранов, 1988а, с. 5-6], причем как о “двух самобытных, не переходящих друг в друга традициях” [Ranov, 1984, s. 313].

Резюмируя аргументацию критиков концепции Ранова-Окладникова, можно заключить, что она сводится к двум основным положениям: (1) теория Мовиуса не подтверждается для других территорий, потому неверно и ее приложение к Средней Азии, (2) карта палеолитических культур Средней Азии была более многообразной, пестрой, чем рисует ее концепция двухлинейного развития, и потому от последней надо отказаться. Оба этих положения сомнительны не только с точки зрения логики, но и — в еще большей степени — с точки зрения их эмпирической обоснованности.

Действительно, с расширением на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов полевых археологических исследований в Восточной и Юго-Восточной Азии и с появлением новых данных о нижнем палеолите Европы и Африки стало ясно, что памятники с рубилами или с преобладанием чопперов и невыразительных изделий на отщепях встречаются не только в областях, отведенных для них на карте Мовиуса [Ларичев, 1977, Salim, 1981; Wymer, 1982, p. 83-80; Chung, 1984; Аниюткин, 1992]. Из этого, тем не менее, никак не следует, что его теория окончательно изжила себя, как поспешили объявить некоторые ее критики [Борисковский, 1971, с. 50; Ларичев, 1977, с. 31-33; Ларичева, 1980, с. 167]. Напротив, реальность для нижнего палеолита намеченных Мовиусом зон, несмотря на некоторое изменение их границ,

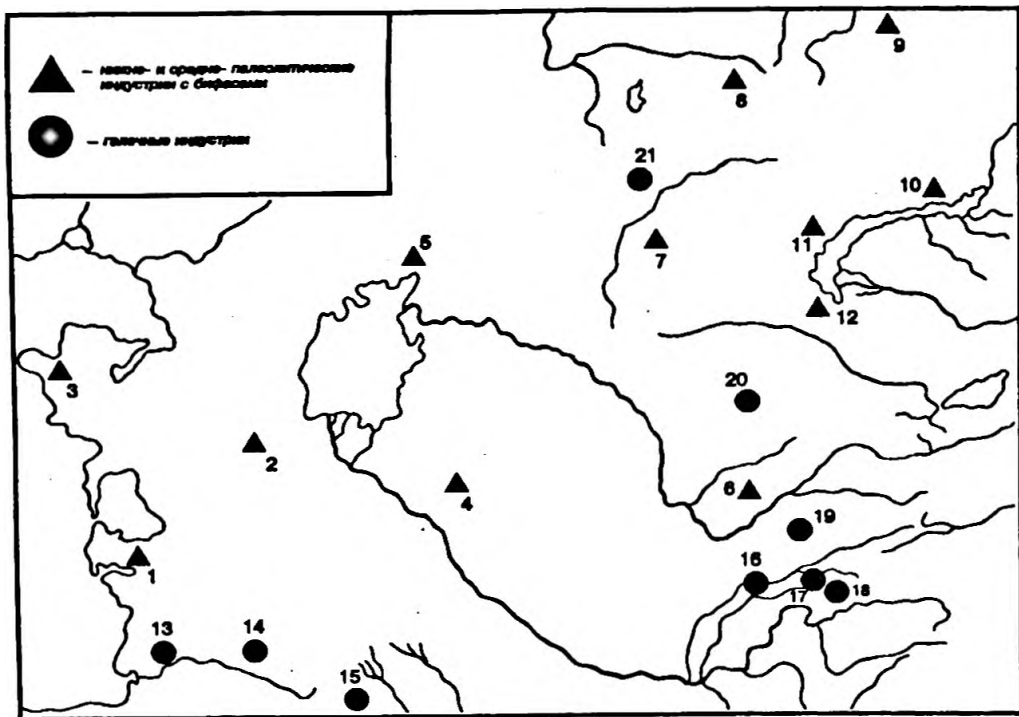

Рис. XXXV. Распространение ниже- и среднепалеолитических индустрий с бифасами и галечных индустрий:

1 – Янгаджа-Каратенгир; 2 – Есен 2; 3 – Шахбагата; 4 – Кызылнура 1; 5 – Аральск; 6 – Кульбулак, 7 – Жаман-Айбат 4, 8; – Вишневка 3; 9 – Кудайколь, 10; – Семизбугу; 11 – Бале; 12 – Хантау, 13 – местонахождения юго-западного Копетдага; 14 – местонахождения Центрального Копетдага; 15 – Кешефруд; 16 – Каратау 1, 17 - Лахути 1; 18 – Кульдара; 19 – Сель-Унгур; 20 – Борыказган, Танирказган и т.д.; 21 – Музбель 1.

очевидна теперь как никогда [Watanabe, 1985; Schick, Toth, 1993, p. 276-277; Bag-Yosef, 1994, p. 256; Schick, 1994] и отрицать их существование можно лишь при большом нежелании считаться с фактами.

Основным аргументом для оппонентов Мовиуса служит наличие в инвентаре некоторых памятников восточной зоны рубил (на что, впрочем, указывал и сам Мовиус: Movius, 1944, fig. 39-41). Однако, вещи, на которые при этом ссылаются, крайне немногочисленны и во многих отношениях небесспорны. Что касается наиболее известных китайских находок (Динцунь, Ланьтянь и др.), то почти все они либо обнаружены на поверхности [Keates, 1994, p. 147], либо же представляют собой не рубила, а галечные скребла (Чжоукоудянь 15), изделия типа pick (Кэхэ) и т.д. [Абрамова, 1994, с. 133-134]. Не менее извест-

ный “ашельский” памятник Чонгокни в Корее [Chung, 1984], имеет, как выяснилось, возраст не более 45 тысяч лет [Seonbok, 1992], а пересмотр коллекции позволил выявить в ней — среди множества чопперов, чоппингов, скребел и других галечных изделий — лишь три или четыре грубых бифаса [Ayres, Rhee, 1984]. Рубила с горы До и других вьетнамских местонахождений [Борисковский, 1966; Анисюткин, 1992] с точки зрения их типологии и особенно хронологии вызывают еще больше сомнений, чем китайские и корейские материалы.

Таким образом, во-первых, число рубил, выделенных до сих пор в нижнем палеолите Восточной и Юго-Восточной Азии, крайне незначительно — их единицы (что признают и критики Мовиуса: Seonbok, 1992, p. 195). Во-вторых, морфологически они в большинстве своем довольно аморфны и несопоставимы с рубилами западной зоны. В-третьих, их геологический возраст почти всегда неясен, а связь с нижнепалеолитическими комплексами сомнительна. Наконец, в-четвертых (и это, пожалуй, самое главное), восточную зону отличает от западной не только и даже не столько отсутствие или редкость бифасов, сколько бросающаяся в глаза относительная технологическая простота и слабая типологическая дифференцированность каменных индустрий. Как заметил В.А. Ранов, дело не в том, “есть ручные рубила или их нет” — это упрощение проблемы, мешающее пониманию истинного культурного своеобразия западного и восточного регионов, “общий фон” палеолита которых “остается особым”, взаимонепохожим [Ранов, Несмеянов 1974, с. 189-190].

Если обратиться теперь вновь к среднеазиатско-казахстанском региону, то придется признать, что и здесь географическое распределение комплексов с рубилами, с одной стороны, и галечных индустрий, с другой (рис. XXXV), также в основном подтверждает существование оппозиции восток-запад (подробней об этом см.: Vishnyatsky, 1989a). Морфологически весьма совершенные рубила известны теперь в большом количестве в нижнем/среднем палеолите запада Средней Азии (Янгаджа-Каратенгир, Есен 2, Шахбагата), а также Центрального и Северного Казахстана (Жаман-Айбат, Вишневка, Семизбугу), между тем как на востоке, в нижнепалеолитических памятниках горной части Средней Азии, их нет (исключая Кульбулак, где, впрочем, рубило найдено в заведомо среднепалеолитическом слое). Галечные индустрии, напротив, сконцентрированы на юго-востоке (Кульдара, Сель-Унгур, Каратау, Лахути) и лишь по хребту Каратау (Борыказган, Танирказган, Кемер, Токалы и др.) проникают в южную половину Центрального Казахстана (Музбель, возможно Обылысан). Чем бы ни объяснялось столь очевидное разделение древнейших палеолитических памятников региона на две технико-типологические группы с практически неперекрывающимися ареалами распространения — характером сырья, культурными традициями, экологическими разли-

чиями горных и равнинных областей, разным возрастом памятников востока и запада — оно остается фактом.

Нижнепалеолитические и более поздние памятники с бифасами изучены еще слишком плохо, чтобы относительно них можно было делать сколько-нибудь далеко идущие выводы. Ясно лишь, что если на значительной части территории Казахстана традиция изготовления двусторонне обработанных орудий не прерывается, по крайней мере, до позднего палеолита [Волошин, 1990, с. 100; 1992, с. 59], то в Средней Азии ее проявления уже в мустьерскую эпоху крайне редки. Лишь в Кызылнуре 1 и в одном из слоев Кульбулака найдены два изделия, близкие к рубилам, в остальных же памятниках орудий этого типа нет. Нет в них и двусторонне обработанных наконечников (единственное исключение представляет тот же Кульбулак, да, возможно, еще Аман-Кутан).

Нижнепалеолитические галечные индустрии Таджикской депрессии объединяются В.А. Рановым в особую культуру — каратаускую [Ранов, 1977а, 1980, с. 197-198, 1982], которая, как он полагает, развивалась не испытывая заметных внешних воздействий на протяжении многих сотен тысяч лет [Ранов, 1993, р. 6]. Конечно, использование в данном случае термина культура далеко не бесспорно, как не бесспорен и тезис о ее непрерывном автохтонном развитии (ведь Кульдару и Каратау разделяет огромный хронологический интервал в 600 тысяч лет, для которого известны лишь единичные и разрозненные находки каменных изделий), но сходство индустрий Кульдары, Каратау и Лахути в технико-типологическом отношении очевидно, и на фоне памятников сопредельных территорий они действительно воспринимаются как некоторое единство. Для них характерно почти полное отсутствие выработанных форм нуклеусов и, соответственно, сколов пластинчатых пропорций, обилие отщепов с клетонскими ударными площадками и осколков, в том числе клиновидных и цитронов, редкость и аморфность орудий на отщепах, компенсированная наличием чопперов и чоппингов и, естественно, использование в качестве сырья галек разных размеров и пород. Кроме лессовых памятников Южного Таджикистана, все эти черты в той или иной степени свойственны и инвентарю Сель-Унгура, который особенно близок материалам Каратау и Лахути. Что касается Кульдары, то ее небольшая коллекция отличается малыми размерами изделий, контрастируя в этом отношении с индустриями других памятников данной группы. Однако, вряд ли этому контрасту стоит придавать большое значение: сходство по другим параметрам налицо. Кроме того, не исключено, что материалы Кульдары представляют собой лишь мелкую фацию инвентаря какого-то еще не открытого памятника, снесенную естественным образом с места своего первоначального залегания, в то время как более крупные и массивные предметы остались непоперемещенными или перемещенными в меньшей степени. Похожее предположение было высказа-

но К. Валохом по отношению к ряду галечных комплексов Центральной Европы, также различающихся по размерам изделий [Valoch, 1986, p. 203]

Трудно сказать, как с каратауской группой индустрий соотносятся материалы местонахождений юга Казахстана (Музбель, Борьказган и т. д.). Возможно, это несколько более позднее (?) продолжение той же традиции, где место аморфных галечных нуклеусов занимают диско-видные. Во всяком случае, чопперы здесь столь же (если не более) обычны, а набор орудий на отщепах весьма скуден. Последнего, напротив, никак нельзя сказать об инвентаре Кара-Буры, где, помимо чопперов и диско-видных нуклеусов из галек имеются скребла на отщепах и, главное, классические мустьерские остроконечники. Этот памятник, видимо, вообще не следует относить к кругу галечных индустрий, поскольку и техника, и типология здесь в целом иные. Представляется маловероятной генетическая связь Кара-Буры с каратаускими индустриями или с соаном, скорее, это проявление обычной мустьерской традиции на необычном для нее сырье. Явление того же порядка наблюдается и в случае с Кутурбулаком, где также широко использовалась галька и, как итог, при несомненно мустьерском характере индустрии наличествует большое количество галечных орудий. Таким образом, если даже допускать, что в течение сотен тысяч лет от Кульдары до Лахути существовала прямая преемственность традиций обработки камня, то в мустье она, во всяком случае, прервалась, и говорить о продолжении этой ("галечной") линии в верхнем палеолите (Самаркандская) и тем более неолите (Гиссарская культура) также нет серьезных оснований, хотя галечные орудия использовались и в эти эпохи.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМА ВАРИАбельНОСТИ МУСТЬЕРСКИХ ИНДУСТРИЙ И ИХ МЕСТО В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ АЗИИ

До середины 60-х годов еще не ставился вопрос о возможности выделения в нижнем и среднем палеолите региона более мелких подразделений чем группы (А) и (Б) В.А. Ранова, или западная и восточная А.П. Окладникова [Ранов, 1965а]. Однако, уже к началу 70-х годов положение существенно образом меняется. К этому времени под воздействием работ Ф. Борда и его последователей в отечественном палеолитоведении получает широкое распространение мнение о существовании уже, по крайней мере, в мустьерскую эпоху целого ряда “культурных групп” (в иной терминологии “фаций”, “вариантов культур” и т. д.). Они были выделены на Кавказе [Коробков, 1966, Любин, 1966], на Русской равнине и в Крыму [Гладилин, 1966], Г.П. Григорьев выделял собственно археологические культуры в мустье ряда областей Европы [Григорьев, 1968]. “В результате, казавшаяся ранее единой или почти единой, мустьерская культура распалась на несколько групп, отличающихся друг от друга по ряду признаков” [Ранов, 1968а, с. 3].

Пересмотрев под новым углом зрения старые материалы, В.А. Ранов пришел к выводу, что “леваллуа-мустьерская группа [т.е. группа А, Л.В.] не является такой однородной, как это казалось до сих пор. Внутри этой группы между памятниками намечаются различия, которые по всем данным можно поставить в ранг “культурных групп” или “технических вариантов” [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 21]. Им было выделено четыре варианта среднеазиатского мустье — леваллуазский (Ходжакент, Джар-Кутан, Оби-Рахмат), леваллуа-мустьерский (Кайрак-Кумы, Тоссор, Худжи), типичное (горное) мустье (Тешик-Таш, Огзи-Кичик, Кутурбулак) и мустьеро-соан (Кара-Бура, Ак-Джар), и намечен пятый — зубчатый. Их краткие характеристики даются во множестве работ без сколько-нибудь заметных изменений [Ранов, 1968а, 1971, 1972в; Ранов, Несмеянов, 1973, с. 23-25; Ранов, 1984; Ранов, Davis, 1979, и др.], и поэтому здесь нет необходимости их повторять.

На гребне той же волны новаций, что породила изменения во взглядах В.А. Ранова, возникла и концепция членения среднеазиатского мустье, предложенная Р.Х. Сулеймановым. Им было выдвинуто положение, что “мустьерские стоянки Средней Азии по характеру индустрии можно разделить на две большие группы, различающиеся по техническим традициям, приемам расщепления и набору орудий”

[Сулейманов, 1972, с. 101]. К первой группе были отнесены Кульбулак и Бозсу, ко второй Тешик-Таш, Ходжакент, местонахождения Южной Ферганы и Оби-Рахмат. Для памятников первой группы характерны, прежде всего, зубчато-выемчатые формы, второй — дисковидные нуклеусы, скребла, резцы, струги, тогда как выемчатых изделий почти нет [там же]. Памятники второй группы были объединены Р.Х. Сулеймановым в обирахматскую культуру, к которой он относит также Кайрак-Кумы, Джар-Кутан и ряд других комплексов. Далее по ходу изложения своей концепции Р.Х. Сулейманов как бы забывает о высказанном им положении о двух группах памятников, исчерпывающих все разнообразие среднеазиатского мустье и, обозначая обе группы уже как локальные культуры, добавляет к ним третью (Учтут, Иджонт, Вауш, Тутли), намечает четвертую (Кара-Бура) и заключает, что “такова в общих чертах еще далеко не полная картина мустьерских локальных культур в Средней Азии” [Сулейманов, 1972, с. 117-118]. Близкая схема членения мустье региона была изложена М.Р. Касымовым. “Три варианта или культуры”, выделенных им, практически полностью совпадают по составу входящих в них памятников с тремя из “локальных культур” Р.Х. Сулейманова [Касымов 1972в].

В книге Р.Х. Сулейманова и Н.Х. Ташкенбаева [1980] обосновывается включение в обирахматскую группу двух новых памятников — Кутурбулака и Зирабулака, а затем рассматривается вопрос о линиях развития в среднеазиатском мустье. В итоге авторы приходят к заключению, что все уже известные памятники “можно отнести только к двум путям развития — к особому, представленному большинством памятников Средней Азии с леваллуазской техникой раскалывания..., и к зубчатому..., представленному многослойным памятником — Кульбулак” [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 75].

В.А. Рановым в основу группирования мустьерских памятников Средней Азии были положены, как он утверждал, технические признаки [Ранов, 1972а, с. 32]. Этот принцип неоднократно подчеркивался [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 22; 1974, с. 188], как и то, что осуществленное группирование стало возможным, благодаря статистическим методам [Ранов, 1972в, с. 279]. На статистические методы опирался и Р.Х. Сулейманов, что нашло отражение даже в заголовке его книги [Сулейманов, 1972]. Тем не менее, как показал проведенный анализ [Вишняцкий, 1989а], в обоих случаях итоговые схемы членения комплексов, фактически, “повисают в воздухе”, поскольку лежащие в их основе построения абсолютно бездоказательны, а “статистический метод” на деле сводится к неподкрепленным серьезным анализом декларациям.

Еще одна попытка выявить и кратко описать внутреннюю вариативность мустье Средней Азии была предпринята в небольшой статье Л.И. Кулаковской [Кулаковская, 1990]. Два намеченных ей варианта —

“мустье обыкновенное” и “мустье зубчатое” — по составу примерно совпадают с “путями развития” Р.Х. Сулейманова (хотя для Кутурбулака допускается принадлежность к варианту мустье зубчатое), но первый из них делится далее на ряд типов, названных по характерным памятникам: Тешик-Таш, Кара-Бура, Огзи-Кичик, Оби-Рахмат. Какие еще памятники входят в состав этих типов, не указывается; предполагается лишь отнесение к типу Огзи-Кичик Семиганча. Интересно, что здесь разделены объединяемые В.А. Рановым Тешик-Таш и Огзи-Кичик.

Л.И. Кулаковская замечает, что “мустье Средней Азии представляется не столь мозаичным”, как европейское [с. 213]. С этим трудно не согласиться. Более того, существующие между отдельными комплексами различия выглядят на фоне сближающих их признаков, как правило, столь незначительными и случайными, что сама обязательность постановки вопроса о “вариантах”, “типах”, “фациях” и т. п. кажется в Средней Азии далеко не безусловной. Нужно ли вообще а priori вить целью непременно разделить памятники той или иной эпохи в и или ином регионе на более дробные группы только потому, что кое разделение было осуществлено в другом регионе? Конечно, в .гоге предпринимаемых усилий такого рода цель обычно бывает достигнута (материал все стерпит), но что это дает? Очень часто, к сожалению, ничего, и один из примеров тому — дробление среднеазиатского мустье.

Мустьерские памятники Средней Азии (Кутурбулак, Огзи-Кичик, Оби-Рахмат, Худжи, Тоссор, Семиганч, Кайрак-Кумы, Джар-Кутан, Ходжакент, Актогай и др.), среди которых есть и пещерные и открытые, и стоянки (разной длительности и назначения) и мастерские, в основной своей массе являют тем не менее весьма сходный облик каменного инвентаря. Для них характерны нуклеусы радиального и параллельного скалывания, серии однотипных заготовок, как правило, сравнительно крупных размеров, пластинчатых или близких к таковым пропорций (в этом смысле можно говорить о достаточно выраженной “леваллуазкости” перечисленных комплексов), а также сочетание в орудийном наборе скребел (как правило, нескольких типов, в том числе двойных, конвергентных и т. д.) и остроконечников, которые в больших коллекциях неизменно дополняются лимасами или близкими к ним по форме изделиями. Рубила, листовидные наконечники и иные бифасиальные формы практически повсеместно отсутствуют. Технично-типологическое сходство основной массы мустьерских памятников было бы еще более впечатляющим, если бы не различия в характере использования их в древности (мастерская, стоянка) и в качестве и доступности сырья, которые обуславливают известное своеобразие отдельных индустрий. Именно этим объясняются, вероятно, наличие значительного “галечного” компонента в Кутурбулаке и пре-

обладание его в Кара-Буре, “недопредставленность” ряда типов орудий, нуклеусов и заготовок в индустрии Тешик-Таша, мелкие размеры большинства артефактов Кошкургана. Иногда разносырьевые комплексы одного памятника различаются между собой больше, чем материалы разных памятников (Зирабулак).

Таким образом, мустье Средней Азии — это именно “обыкновенное” — не в классификационном, а в буквальном смысле этого слова — мустье, лишенное специфических, присущих только ему типов орудий, но являющее классический и внутренне довольно однородный набор форм изделий и реконструируемых по ним способов обработки камня. Пока не видно оснований для дробления его на какие-либо территориальные или экстерриториальные, в том числе хронологические, группы (варианты, фации, пути развития и т. д.) и при широк межрегиональных сопоставлениях оно вполне может рассматриваться как некая целостность.

На фоне очевидного сходства большинства мустьерских памятников бросается в глаза своеобразие индустрии Кульбулака с ее легко видимыми наконечниками, рубилом, и преобладанием зубчатых изделий. Если последнее обстоятельство еще можно было бы надеяться частично объяснить внекультурными факторами, то относительно наличия в коллекции бифасиальных изделий такой вариант исключен. Правда, следует отметить, что на Кульбулаке, в отличие от подавляющего большинства других среднеазиатских памятников, основным сырьем служил кремль, и это, возможно, давало местным изготовителям орудий более широкие возможности для реализации их технического потенциала, но вряд ли причина различий только в этом. Пока, несмотря на многолетние полевые исследования, Кульбулак во всех отношениях (хронологическом, функциональном, культурном и др.) остается загадкой, и место его индустрии в палеолите Средней Азии совершенно неясно.

Столь же неясен пока и вопрос о характере мустье в Центральном Казахстане. В северных районах этого ареала, по мнению В.С. Волошина, в верхнем плейстоцене “параллельно существовали бифасная традиция, в рамках которой происходила разработка местного ашельского субстрата..., и Батпакский мустьерский комплекс, лишенный двухсторонних форм” и “обогащенный леваллуазскими формами” [Волошин, 1990, с. 105]. На юге, в Прибалхашье, А.Г. Медоевым выделены комплексы мустье с ашельской традицией [Медоев, 1982]. Материалы, на которых базируются все эти определения, практически не опубликованы, и оценить их правомерность не представляется возможным. Теоретически сам факт наличия на севере и в центральных районах Казахстана среднепалеолитических индустрий с бифасами наводит на мысль о некоторой вероятности обнаружения здесь памятников, тяготеющих к восточноевропейскому микоку, но отсутствие среди

описанных находок характерных для микока форм скребел и ножей не позволяет сейчас рассматривать такое предположение всерьез.

При рассмотрении среднеазиатского мустье на фоне хронологически сопоставимых с ним (т. е. явно или предположительно верхнеплейстоценовых) среднепалеолитических индустрий окружающих регионов бросается в глаза, с одной стороны, отсутствие или крайняя редкость прямых аналогий на севере и юге, и, с другой, обилие их к западу и востоку.

Очевидно, что уже одним только отсутствием бифасиальных изделий мустьерские индустрии Средней Азии и Южного Казахстана резко отличаются от центральноказахстанских (исключая, может быть, мустье Батпака, о котором пока известно очень мало). Еще более далеки они типологически от представленного микокоидными комплексами среднего палеолита юга Восточной Европы (Ильская 1, Сталинградская). Средний палеолит (или средний каменный век) Южной Азии (Индия, Пакистан) также являет совершенно иной набор технико-типологических характеристик [Борисковский, 1971, с. 83-89], тяготея в этом отношении, скорее, к синхронным индустриям более восточных районов (Китай).

К среднему палеолиту Южной Азии вообще неприменимо такое понятие, как "мустье" (о чем неоднократно писал П.И. Борисковский). Здесь нет остроконечников, лимасов, скребла, как правило, атипичны, ретушь обычно не формирует край, а лишь подправляет, следуя за его очертаниями. Хотя нуклеусы, определяемые индийскими и пакистанскими авторами как дисковидные и даже леваллуазские, встречаются довольно часто, среди использованных заготовок сколы обычно не более многочисленны, чем плитки, куски и т. д. Характерны расплывчатость морфологии орудий, редкость или отсутствие серийных форм. Все эти черты в равной мере свойственны и инвентарю пещерной стоянки Сангао в Пакистане (хотя автор монографии, посвященной этому памятнику, считает возможным называть его мустьерским: Salim, 1986), и позднему соану Пенджаба, и материалам с местонахождений Раджастхана и Центральной Индии.

Не исключено, что сказанное здесь о среднем палеолите Южной Азии справедливо и для территории Афганистана или, по крайней мере, большей ее части. Во всяком случае, хорошо знакомый с происходящими из этой страны материалами Р. Дэвис рекомендует избегать пока употребления по отношению к ним термина "мустье" [Davis, 1978, p. 41]. К сожалению, палеолит Афганистана изучен вообще очень слабо и составить сколько-нибудь удовлетворительное представление можно лишь о его заключительных этапах [Davis, 1978, p. 48-70]. Индустрия единственного среднепалеолитического памятника со слоем — грота Дарай-Кур в Бадахшане (недалеко от таджикской границы) — описана лишь в предварительном плане и не поддается однозначной

оценке. В первых публикациях сообщалось о наличии в коллекции рубилец [см. также: Ранов, 1978, с. 231], впоследствии Р. Дэвис писал, что их нет, а есть лишь редкие скребла и изделия верхнепалеолитических типов [Davis, 1978, p. 41]. Характер нуклеусов и сколов, если судить по описаниям и немногочисленным рисункам, все же не исключает возможность определения Дарай-Кура как мустьерского памятника.

Резко контрастируя со средним палеолитом Южной Азии, среднеазиатское мустье демонстрирует в то же время несомненное сходство с примерно синхронными ему переднеазиатскими и ближневосточными индустриями. Последнее обстоятельство впервые отметил, описывая материалы Тешик-Таша, А.П. Окладников [Окладников, 1949а, с. 81], и за полвека, прошедшие с тех пор, появилось множество новых подтверждений его правоты. Мустье Леванта (после ябрудьена) и Загроса, в основе своей пластинчатое, практически лишенное бифасов и ярко специфических, присущих лишь ему, форм орудий – это то же “обыкновенное” мустье, которое распространено в Средней Азии. Разумеется, определенные различия между мустьерскими индустриями перечисленных регионов существуют, как существуют и внутрирегиональные различия между отдельными комплексами, но среди них трудно указать такие, которые нельзя было бы объяснить влиянием сырьевого фактора (вид и качество сырья, его обилие, размеры исходных отдельностей породы и т. д.) и/или особенностями эксплуатации соответствующих памятников. Даже причину несколько большей выраженности леваллуа в Леванте, по сравнению с Загросом, многие работающие там исследователи видят сейчас именно в разнице размеров и форм желваков и галек кремня, доступных мустьерским обитателям названных областей [см. напр.: Yalcinkaya et al., 1993, p. 104; Solecki & Solecki, 1993, p. 129]. Равным образом и “своеобразие индустрии среднеазиатских мустьерских памятников зависит, – как писал В.А. Ранов, – прежде всего, от первичного материала – магматических окремненных пород, менее пластичных, чем, например, кремень кавказских стоянок” [Ранов, 1977а, с. 212-213]. Да и выражается это своеобразие, по сути, лишь в том, что внешне облик инвентаря, скажем, Оби-Рахмата (окремненный известняк) или Худжи (кварцевые песчаники и алевролиты) не столь эффектен, как облик Варвази (кремень) или Биситуна (кремень), где намного больше так называемых “законченных”, т. е. интенсивно ретушированных изделий, хотя в общем они представлены теми же формами, что и в Средней Азии.

На востоке мустье, близкое по основным параметрам среднеазиатскому, известно на Алтае. Индустрии большинства местных пещерных и открытых памятников как бы продолжают линию, идущую из Передней Азии через предгорья Памира и Тянь-Шаня. Исключение в этом плане представляет собой стоянка Усть-Каракол 1, давшая несколько разнообразных бифасиальных изделий [Археология и палеоэкология..., 1990, с. 72-73].

ГЛАВА IV. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Верхнепалеолитические индустрии Средней Азии, в отличие от мустьерских, при всей своей малочисленности на редкость разнообразны. Нет, пожалуй, ни одной пары памятников, которые по технико-типологическим показателям можно было бы объединить в одну группу (за возможным исключением находящихся в близком соседстве Самаркандской, Сиабчи и Ходжамазгиля). Тем не менее, имеется весьма существенная особенность, общая для материалов первого-третьего слоев Кульбулака, стоянок Самаркандской впадины, Шугноу и Карасу. Эта особенность — сохранение в типологии и отчасти в технике выраженных мустьерских элементов, при некотором недоразвитии элементов собственно верхнепалеолитических. Исключением является лишь Ходжа-Гор, но это, скорее всего, памятник гораздо более поздний, чем названные выше, стоящий уже непосредственно у истоков одной из линий развития среднеазиатского мезолита.

Несмотря на отмеченное разнообразие верхнепалеолитических индустрий региона, ни одна из них не имеет явных аналогий в сопредельных странах. Ни барадост Загроса с его ориньякоидностью [Ol-szevski, Dibble, 1994], ни инвентарь третьего слоя Кара-Камара (север Афганистана), где господствует пластинчатая технология, а орудия представлены почти исключительно одними только скребками высокой формы (т. н. каренатными) и ретушированными пластинами [Davis, 1978, p. 53], ни Ак-Купрукская культура (Афганистан), ни, наконец, поздний палеолит Южной Азии, бедный скребками на пластинах, но зато демонстрирующий некоторую тенденцию к микролитизации и геометризации инвентаря (Ренингута и др.), не дают комплексов близких среднеазиатским. Гораздо более перспективным кажется поиск параллелей восточноказахстанским памятникам в южной и западной Сибири, но он может дать положительные результаты лишь когда Шульбинка и другие комплексы будут должным образом изучены и опубликованы.

Весьма далек пока от разрешения давно уже обсуждаемый вопрос о причинах малочисленности верхнепалеолитических памятников в Средней Азии. На этот счет в разное время высказывались разные точки зрения, которые в целом сводятся к следующим предположениям: (1) в регионе нет верхнего палеолита в собственном смысле, т. е. в европейском или ближневосточном виде, поскольку в хронологически соответствующий ему период здесь продолжалось развитие мустьерских традиций и существовали индустрии (Шугноу, Огзи-Кичик, Оби-Рахмат, верхние слои Кульбулака), которые лучше определять как “постмустье”. В конечном счете “в недрах постмустье вырастают

предпосылки для мезолита, из мустьерских типов вырастают непосредственно микролиты, на мустьерских заготовках изготавливаются микролиты или наконечники стрел” [Григорьев, Ранов, 1973, с. 197]; (2) малочисленность известных верхнепалеолитических памятников объясняется недостаточной изученностью территории Средней Азии и/или плохой сохранностью отложений соответствующего возраста, которые в основном либо уничтожены, либо слишком глубоко погребены. В этом случае есть надежда, что более активные целенаправленные поиски приведут к существенному увеличению корпуса материалов рассматриваемой эпохи, как это имело место, например, в соседней Индии, где, выделенный впервые лишь в конце 60-х годов, поздний палеолит представлен сейчас уже примерно полусотней памятников [Misra, 1989, fig. 21]; (3) в период позднеледникового максимума похолодания примерно от 30 до 12 тысяч лет назад природные условия на большей части территории региона были столь неблагоприятны (гипераридизация), что охотничье-собирательское население либо покинуло его полностью, либо сохранялось только в немногих рефугиумах. Поэтому, несмотря на довольно длительную историю исследований, до сих пор известно “лишь небольшое количество верхнепалеолитических памятников, и ни один из них не может быть с уверенностью датирован временем позднеледникового максимума” [Davis, 1990, p. 266]. Как известно, позднеледниковых комплексов, попадающих по результатам радиоуглеродного датирования в интервал от 28-30 до 14-15 тысяч лет назад, нет пока также ни в Севере Афганистане, ни в Загросе [Davis, 1978; Smith, 1986], где палеогеографическая обстановка была близка среднеазиатской.

Пожалуй, ни одна из перечисленных гипотез не может пока быть целиком отвергнута как абсолютно необоснованная и неправдоподобная. Хотя утверждение, что “из мустьерских типов вырастают непосредственно микролиты” выглядит явным преувеличением, нельзя исключить ни вероятность того, что мустье в Средней Азии, как и в ряде других регионов, действительно существовало дольше, чем на Ближнем Востоке или в Европе (для проверки этого допущения нужны надежные датировки Огзи-Кичика, Худжи, Оби-Рахмата, двух нижних слоев Шугноу и т. д.), ни вероятность довольно позднего сохранения мустьерских традиций в местных верхнепалеолитических индустриях (Шугноу, слой 2, Кульбулак, Самаркандская, Карасу). При этом вполне возможно также, что во время позднеледникового максимума ухудшение климата в самом деле “привело к депопуляции Средней Азии” [Davis, 1990, p. 273] и развитие автохтонных культур было, таким образом, прервано. Что же касается ссылок на недостаточную исследованность региона и надежд на обнаружение большего числа верхнепалеолитических памятников в будущем, то их реалистичность могут позволить оценить лишь новые полевые исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВРЕМЯ И ПУТИ ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА В ПАЛЕОЛИТЕ И ГЕНЕЗИС МЕСТНЫХ ИНДУСТРИЙ

Судя по возрасту самых древних находок в лессах Южного Таджикистана (Кульдара), человек впервые появился в Средней Азии не позднее 800 тысяч лет назад. Эта дата выглядит вполне правдоподобно в свете данных по хронологии древнейших памятников Азии и хорошо согласуется с преобладающими представлениями о времени начала широкого расселения гоминид за пределы Африки.

Появляющиеся время от времени на протяжении уже многих лет сообщения об обнаружении в Центральной, Восточной или Юго-Восточной Азии археологических или антропологических находок возрастом за полтора, а то и два миллиона лет до сих пор не выдерживали проверки, и чем далее, тем меньше вероятность того, что они ее когда-нибудь выдержат. Так, последние датировки гоминид из Моджокерто и Сангирана (Ява), согласно которым их древность составляет около 1.8 млн. лет [Swisher et al., 1994], получены по образцам пемзы, связь которых с ископаемыми костями сомнительна, и поэтому, как и прежде, “нет достаточных оснований полагать, что *Homo erectus* был на Яве раньше 1.2 млн. лет назад” [Storm, 1995, 126-127]. Нет таких оснований и для Китая, где древнейшие следы пребывания человека (Гонгванглинг, Донгутто, Сяшанглианг и т.д.) имеют возраст не более или лишь немногим более 1 млн. лет [Schick, Zhuan, 1993; Keates, 1994; Huang, Wang, 1995; Ranov et al., 1995]

Начиная со второй половины 70-х годов все чаще стали появляться сообщения об открытиях палеолитических изделий нижнеплейстоценового (по принятой на западе шкале) или даже поздненеогенового возраста в Центральной и Южной Азии. Большая часть таких сообщений поступает из северной Индии и северо-восточного Пакистана. Для местонахождения Риват (близ Равалпинди, Пакистан) постулируется дата около 2 млн. лет [Dennell et al., 1994], но характер находок, сделанных в щебнистом конгломерате и выделенных из массы собранных там же естественных камней, вызывает серьезные сомнения. В еще большей степени это относится к кварцитовым галькам, собран-

ным индийскими геологами в отложениях формации Нагрота (возраст более 1.6 млн. лет) в штате Джамму и Кашмир, и к другим их находкам такого же рода в этой части Индии [Verma, 1989]. По-видимому, в качестве наиболее достоверных древнейших находок для данного региона и Индостана в целом могут сейчас рассматриваться (с известными оговорками) несколько изделий, обнаруженных английскими исследователями в северном Пакистане у г. Дина в аллювиальных отложениях возрастом от 400 до 700 тыс. лет [Rendell & Dennell, 1985], и немногочисленные предположительно ашельские артефакты, происходящие из пункта Бори близ Пуны (штат Махараштра, запад Центральной Индии) и связанные со слоем пепла, для которого имеется аргоновая дата 670 тыс. лет [Mishra et al., 1995].

Таким образом, вряд ли следует ожидать появления в Средней Азии или Казахстане находок, возраст которых существенно превышал бы возраст Кульдары. За пределами Африки такие памятники вообще пока извещены лишь на тесно с ней соседствующем Ближнем Востоке [Horowitz, 1988; Ronen, 1991; Tchernov, 1988; Brunnacker et al., 1989], тогда как наибольшая древность каменных изделий и костных останков гоминид из других регионов — если брать в расчет только достоверные материалы и хорошо обоснованные и проверенные датировки — составляет около 1 миллиона лет. Вероятно, именно в это время совершился первый “исход” части африканских *Homo erectus*, которые, пройдя освоенный уже Ближний Восток, заселили в течение сравнительно короткого (видимо, в несколько десятков тысяч лет) промежутка времени многие районы Азии вплоть до ее восточных окраин.

Откуда пришли первопоселенцы в Среднюю Азию точно сказать пока невозможно: имеющиеся данные о возрасте и характере древнейших индустрий сопредельных регионов допускают несколько более или менее правдоподобных предположений на этот счет. В пользу миграции с запада говорит, во-первых, отсутствие там непреодолимых географических барьеров, и, во-вторых, то, что именно в этом направлении должно было идти освоение Азии гоминидами, начавшими расселяться за пределы их африканской прародины. Слабым местом гипотезы является, прежде всего, отсутствие в настоящее время на пространстве между Ближним Востоком и Южным Таджикистаном надежно датированных памятников, возраст которых превышал бы возраст Кульдары или хотя бы был сопоставим с ним. Еще более серьезные проблемы возникают при допущении прихода первых обитателей Средней Азии с юга, например, из предгорий Гималаев или Гиндукуша. Кроме того, что такой путь, в отличие от западного, предполагает пересечение или обход высоких горных хребтов, он и археологически пока не прослеживается. Нижний палеолит Пакистана и северной Индии представлен в основном подъемными материалами,

которые не получили еще надежной хронологической привязки, а когда такая привязка есть, сомнительным оказывается искусственное происхождение предметов, принимаемых и выдаваемых за артефакты (см. выше). Как бы там ни было, не вызывает сомнения, что первые обитатели Средней Азии пользовались в общем примерно теми же способами обработки камня, что и гоминиды, заселявшие в нижнем палеолите Восточную и Юго-Восточную Азию. В.А. Ранов наиболее близкие аналогии материалам выделенной им каратауской культуры усматривает в древнейших памятниках северо-западной Индии (соан) и лессовых плато Китая [Додонов, Ранов, 1984, с. 79-80; Ranov, 1993, р. 6], отмечая, что сходство сырьевой базы и, возможно, другие, не менее важные особенности, могли в далеком прошлом привести к конвергентному сходству не связанных друг с другом исторически палеолитических культур столь отдаленных районов Азии” [Ранов, 1988а, с. 20]. Действительно, речь в данном случае, видимо, может идти лишь об общем сходстве галечных индустрий восточной зоны развития палеолитических культур.

Невозможно сказать, было ли обитание носителей галечных культур в Средней Азии постоянным, или имели место перерывы в заселении. Неясно и сколь велика была территория, освоенная ими, ограничивалась ли она предгорьями Памира и Тянь-Шаня или же захватывала и равнинные районы. Более предпочтительным в свете имеющихся археологических данных кажется первый вариант ответа на этот вопрос, но нельзя исключить, что будущие открытия изменят наблюдаемую сегодня картину.

Нет пока никаких оснований считать, что все многообразие палеолитических индустрий Средней Азии и Казахстана есть результат автохтонного развития. Скорее, отдельные части этого огромного региона заселялись с разных сторон и в разное время, при этом в каких-то случаях могла иметь место и смена населения. Последнее, в частности представляется весьма вероятным для второй половины позднего плейстоцена, когда в горах юго-востока Средней Азии, и в том числе в исконном ареале каратауских памятников, распространяются мустьерские индустрии [Вишняцкий, Любин, 1995]. Попытки вывести их из предшествующих во времени галечных требуют гораздо большего числа допущений и натяжек, чем миграционная версия. И антропологические, и археологические данные в качестве наиболее простого и правдоподобного объяснения происхождения среднеазиатского мустье предполагают приход его носителей из Передней Азии и Ближнего Востока [Ранов, 1990]. При этом горы Средней Азии не стали, судя по всему, конечным пунктом на пути носителей мустьерских традиций с запада на восток: миграционная волка докатилась, по меньшей мере, до Алтая [Chard, 1974, р. 9-10; Васильевский, 1985, с. 49], где присутствие неандертальцев подтверждается теперь как будто не только архе-

ологическими, но и некоторыми антропологическими находками [Turner, 1990].

Имеющиеся данные не позволяют пока сколько-нибудь точно определить время появления в Средней Азии мустьерских индустрий, но наибольшее их распространение приходится, судя по немногочисленным датировкам (Худжи, Огзи-Кичик), на довольно поздний период (40-30 тысяч лет назад). Не исключено, что и все среднеазиатское мустье хронологически укладывается в рамки второй половины или даже последней трети верхнего плейстоцена. Если принимать миграционную версию распространения мустье с Ближнего Востока через Переднюю Азию и далее в Среднюю и Центральную Азию, то следовало бы ожидать, что возраст древнейших памятников в каждом из регионов будет уменьшаться с запада на восток, и среднеазиатское мустье окажется моложе переднеазиатского и древнее алтайского, но количество и качество полученных к настоящему времени абсолютных дат таковы, что ни обосновать ни отвергнуть с их помощью рассматриваемую гипотезу нельзя. Кроме того, действительная хронологическая разница между временем заселения некоторых из перечисленных регионов носителями мустьерских индустрий могла быть настолько незначительной, что при самых совершенных методах датирования она останется неуловимой.

Если о времени появления в Средней Азии мустье можно сказать пока очень немного, то о времени появления здесь и в Казахстане ашеля — и того меньше, поскольку он представлен пока почти исключительно подъемными материалами. Тем не менее, для Восточного Прикаспия (запад Туркмении, Устюрт, Мангышлак), Центрального и Северного Казахстана, т. е. для большей части среднеазиатско-казахстанского региона, именно эти материалы являются древнейшими следами пребывания человека. Судя по географическому распространению индустрий с рубилами, наиболее вероятным и непосредственным их источником можно считать ашель Кавказа, хотя есть и попытки обосновать автохтонное происхождение. По мнению В.С. Волошина, большая древность палеолита Центрального Казахстана и “наличие в северных районах развитого ашеля с выразительными бифасами ... лишает смысла поиск истоков ашеля на Ближнем Востоке (М.Н. Клапчук), тем более, что Средняя Азия не дает примеров столь выразительного ашеля, как Казахстан” [Волошин, 1992, с. 59]. Однако, на самом деле древность палеолита Центрального Казахстана неизвестна, и все еще нет серьезных оснований (если не считать таковыми “индустрии” типа актастинской или арыстандинской) говорить не только об эоплейстоценовом, но даже и о нижнеплейстоценовом заселении этого региона. Поэтому, при всей сложности вопроса о времени и конкретных путях проник-

новения ашеля в Среднюю Азию и Казахстан, в целом миграционистское объяснение и в данном случае кажется сейчас лучше согласующимся с фактами, чем автохтонистское.

Явное несовпадение ареалов распространения ашельских и мустьерских индустрий в Средней Азии и Казахстане, наряду с практически полным отсутствием в последних бифасов, заставляет с сомнением относиться к возможности прямой генетической связи между ними. Скорее, имело место сосуществование ашеля и выросших на его основе среднепалеолитических индустрий с бифасами сначала с галечными индустриями, а потом со сменившими их в результате миграции мустьерскими. Что же касается генезиса местного верхнего палеолита, то на этот счет, ввиду крайней скудости данных, сейчас невозможны не только выводы, но даже и сколько-нибудь далеко идущие предположения. Правда, для большинства известных индустрий, таких как Кульбулак, Карасу, Шугноу, есть более или менее веские основания допускать происхождение на местной мустьерской основе, но если в Средней Азии и прилегающих районах действительно, как полагают многие исследователи, памятники начала верхнего палеолита отделены от памятников конца этой эпохи многотысячелетним периодом без населения (см. выше), то тогда генезис вторых не обязательно связан с первыми. Чтобы прояснить этот вопрос необходимы новые и притом целенаправленные полевые исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З.А. 1984. Ранний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.
- Абрамова З.А. 1984а. Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.
- Абрамова З.А. 1988. Грот Тешик-Таш — памятник мирового значения // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Абрамова З.А. 1994. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. СПб.
- Абрамова З.А., Мандельштам А.М. 1977. Бегарсландаг — новый памятник каменного века в районе Узбоя // БКИЧП. N.47.
- Абрамова Т.А. 1980. Изменение увлажненности Каспийского региона в голоцене по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- Абрамова Т.А. 1985. Палинологические исследования донных осадков Каспийского моря // Вестник МГУ. Серия геогр. N.5.
- Авизова А.К., Бижанов Е.Б., Вишняцкий Л.Б. 1991. Новые памятники каменного века на Западном Устюрте // Памятники Туркменистана. N.1.
- Алексеев В.П. 1973. Положение тешик-ташской находки в системе гоминид // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.
- Алексеев В.П. 1985. Человек. Эволюция и таксономия. М.
- Алимов К., Дуке Х., Крахмаль К. 1989. Кавардан — новый памятник палеолита // ОНУ. N.4.
- Алпысбаев Х.А. 1960. Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане // Вестник АН КазССР. N.5.
- Алпысбаев Х.А. 1961. Новые палеолитические местонахождения в бассейне рек Аристанды-Бурылтай (Боролдай) в Южном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.12.
- Алпысбаев Х.А. 1961а. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане // СА. N.1.
- Алпысбаев Х.А. 1962. Находки памятников каменного века в хребте Каратау // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.14.

- Алпысбаев Х.А. 1972. Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана в 1969-70 гг. // УСА. Вып.1.
- Алпысбаев Х.А. 1972а. Разведка памятников каменного века Казахстана в 1971г. // УСА. Вып.2.
- Алпысбаев Х.А. 1977. Палеогеография Южного Казахстана (хребет Каратау) // Палеоэкология древнего человека. М.
- Алпысбаев Х.А. 1978. О находках индустрии каменного века в Каржантау и Караоба // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Алпысбаев Х.А. 1979. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата.
- Алпысбаев Х.А. 1980. Индустрия палеолита Южного Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Алпысбаев Х.А., Костенко Н.Н. 1968. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Алпысбаев Х.А., Костенко Н.Н. 1974. Стратиграфические условия некоторых палеолитических стоянок Южного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата.
- Амосова А.Г. 1990. Фиксация артефактов в культурном слое мустьерской стоянки Огзи-Кичик и их статистический анализ // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Андрусов Н.И. 1889. Материалы для геологии Закаспийской области // Труды Арало-Каспийской экспедиции. Вып.7. Юрьев.
- Андрусов Н.И. 1914. Предварительный отчет о геологических исследованиях в Закаспийском крае летом 1913 года // Известия геологического комитета. Т.33.
- Анисюткин Н.К. 1992. Находки ручных рубил на территории Вьетнама // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О. 1995. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб.
- Арсланов Х.А., Локшин Н.В., Мамедов А.В., Алескеров Б.Д., Герасимова С.А., Тертычный Н.И., Тертычная Т.В., Чернов С.Б. 1988. О возрасте хазарских, хвалынских и новокаспийских отложений Каспийского моря (по данным радиоуглеродного и ураново-иониевого методов) // БКИЧП. N.57.
- Артюхова О.А. 1979. Первые данные о каменном веке Сапсынагашских озер (Центральный Тургай) // Развитие географии в Казахстане. Алма-Ата.

- Артюхова О.А. 1980. Новые данные о каменном веке Тургая // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Артюхова О.А. 1982. Первые данные о каменном веке Сапсынагашских озер (Центральный Тургай) // Динамика природных процессов равнинных и горных территорий Казахстана. Алма-Ата.
- Артюхова О.А. 1986. Палеолитические стоянки-мастерские северо-восточного Приаралья // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена. Кишинев.
- Артюхова О.А. 1990. Мустье Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Артюхова О.А. 1992. Мустьерские памятники Семиречья (Актогай 1-4) // Маргулановские чтения. М.
- Артюхова О.А. 1994. Кошкурган — мустьерский памятник // РА. N.4.
- Артюхова О.А., Аубекеров Б.Ж. 1988. Изучение палеолитических памятников Южного Казахстана и Семиречья // АО 1986г. Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая. 1990. Новосибирск.
- Аскарлов А.А., Ташкенбаев Н.Х. 1970. Древнейшее прошлое Самарканда // ОНУ. N.9.
- Аубекеров Б.Ж. 1989. Изменение климата Казахстана в плейстоцене // Палеоклиматы и оледенения в плейстоцене. М.
- Аубекеров Б.Ж. 1990. Геологический возраст палеолита Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Аубекеров Б.Ж., Чалыхьян Э.В. 1974. Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда. Алма-Ата.
- Бабаев А.Г., Горелов А.С. 1985. Развитие древней речной сети Бадхыз-Карабильской возвышенности // Проблемы освоения пустынь. N.5.
- Бабаев А.Г., Дурдыев Х.Г. 1982. Краткая физико-географическая характеристика Западного Копетдага // Природа Западного Копетдага. Ашхабад.
- Бажанов В.С., Костенко Н.Н. 1962. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата.
- Батыров Б.Х., Батиров А.Р. 1988. Ископаемые млекопитающие пещеры Сель-Унгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Берг Л.С. 1929. Рельеф Туркмении // Туркмения. Т.2. Л.
- Бердыев Г.Б. 1965. Четвертичные отложения Туркменистана // Вопросы геологии Туркмении. Ашхабад.
- Бердыев Г.Б., Симаков А.К. 1963. К палеогеографии и новейшим

- движениям Копетдага в четвертичном периоде // Новые данные по геологии Туркменской ССР. М. Береговая Н.А. 1960. Палеолитические местонахождения СССР. М.-Л. (МИА. N.81.).
- Береговая Н.А. 1984. Палеолитические местонахождения СССР. Л. Бибилова В.И. 1958. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан // СА. N.3.
- Бижанов Е. 1979. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестник КФАН УзбССР. N.3.
- Бижанов Е. 1980. Верхнепалеолитические местонахождения с юго-восточного Устюрта // Вестник КФАН УзбССР. N.1.
- Бижанов Е. 1981. Новые памятники каменного века Чурукского массива (северо-восточный Устюрт) // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
- Бижанов Е. 1983. Палеолитические местонахождения впадины Шахпахты на Устюрте // Вестник КФАН УзбССР. N.2.
- Бижанов Е. 1988. Палеолит Устюрта // Вестник КФАН УзбССР. N.1.
- Благовещенский Э.Н. 1940. Петрографические и геоморфологические районы восточных Кара-Кумов // Известия ВГО. Т.72. Вып.2.
- Борисковский П.И. 1947. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана // Труды Ашхабадского гос. пед. института. Вып.1.
- Борисковский П.И. 1947а. Палеолитические местонахождения в Туркмении // КСИИМК. Вып.18.
- Борисковский П.И. 1966. Первобытное прошлое Вьетнама. М.-Л.
- Борисковский П.И. 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.
- Буряков Ю.Ф., Криксис Я.К., Равшанов Р., Ростовцев О.М. 1972. Работы в Самаркандской области // АО 1971 г. М.
- Валуева М.Н. 1971. Этапы развития позднекайнозойской флоры Мангышлака, Устюрта, Приуралья // Тезисы докладов третьей Международной палинологической конференции. Новосибирск.
- Валуева М.Н. 1973. Развитие позднекайнозойских флор Мангышлака, Устюрта и Приаралья // Палинология плейстоцена и плиоцена. М.
- Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. 1987. Изменения режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремении. М.
- Васильев Ю.М., Додонов А.Е. 1989. Межзональная корреляция верхнеплиоцен-четвертичных отложений: вопросы методологии и некоторые результаты (СССР) // Труды Геол. института АН СССР. N.431.
- Васильковский Н.П. 1957. К стратиграфии четвертичных отложений Восточного Узбекистана // ТКИЧП. Т.13.

- Велиев С.С., Мамедов А.В., Алескеров Б.Д. 1989. Плейстоценовая история Каспийского моря и климатические ритмы Европы // Известия АН АзССР. Серия наук о Земле. N.6.
- Величко А.А., Арсланов Х.А., Герасимова С.А., Исламов У.И., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Ударцев В.П., Чиколини Н.И. 1990. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур (Советская Средняя Азия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Величко А.А., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Ударцев В.П. 1988. Палеоэкология ашельской стоянки Сель-Унгур (предварительное сообщение) // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Виноградов А.В. 1981. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М.
- Виноградов А.В., Бижанов Е.Б. 1978. Первые палеолитические находки с юго-восточного Устюрта // АО 1977г.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. 1969. Кызылнура 1 – первый мустьерский памятник в Кызылкумах // СА. N.1.
- Вислогузова А.В. 1961. Бассейн р.Аристанды // Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. Алма-Ата.
- Вислогузова А.В. 1973. К вопросу о геологическом возрасте древнего палеолита хребта Каратау (Южный Казахстан) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
- Вислогузова А.В. 1980. Новые данные по геологии палеолита бассейна р.Арыстанды (хр.Каратау, Южный Казахстан) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Вишняцкий Л.Б. 1987. Палеолитическое местонахождение Га-Куш в Туркмении // КСИА. Вып.189.
- Вишняцкий Л.Б. 1989. Палеолит Красноводского полуострова // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. N.3.
- Вишняцкий Л.Б. 1989а. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методы, концепции) // СА. N.1.
- Вишняцкий Л.Б. 1990. О возрасте палеолита северо-западной Туркмении // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Вишняцкий Л.Б. 1993. Рецензия на: Ж.К.Таймагамбетов. Палеолитическая стоянка имени Ч.Валиханова. Алма-Ата. 1990. // РА. N.2.
- Вишняцкий Л.Б., Колпаков Е.М. 1991. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
- Вишняцкий Л.Б., Любин В.П. 1995. Палеолит Туркмении: древнейшие индустрии и проблема первоначального заселения // Археоло-

- логический альманах. Донецк. N.4.
- Вишняцкий Л.Б., Хамракулиев С. 1986. Мастерские каменного века в районе Янгаджи // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. N.2.
- Волошин В.С. 1971. Новые находки каменного века в Центральном Казахстане // АО 1970г.
- Волошин В.С. 1975. Работы в Центральном Казахстане // АО 1974г.
- Волошин В.С. 1976. Работы в Центральном Казахстане // АО 1975.
- Волошин В.С. 1977. Работы по каменному веку в Целиноградской области // АО 1976г.
- Волошин В.С. 1980. Работы по палеолиту в Целиноградской области // АО 1979г.
- Волошин В.С. 1981. Работы в Целиноградской области // АО 1980.
- Волошин В.С. 1982. Каменные наконечники в палеолите Центрального Казахстана // Тезисы докладов XI конгресса ИНКВА. Т.3. М.
- Волошин В.С. 1983. Раскопки стоянки Вишневка I // АО 1981г.
- Волошин В.С. 1987. Работы Целиноградской экспедиции // АО 1985г.
- Волошин В.С. 1987а. Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Волошин В.С. 1988. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка 3 // СА. N.4.
- Волошин В.С. 1989. Мустьерская индустрия из Кошкургана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Волошин В.С. 1989а. К типолого-стратиграфической схеме по палеолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Волошин В.С. 1990. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америк. Новосибирск.
- Волошин В.С. 1992. Об истоках палеолита в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения. М.
- Волошин В.С., Мазниченко А. 1978. Работы в Целиноградской области // АО 1977г.
- Гайдученко Л.Л., Таймагамбетов Ж.К. 1982. Палеолитические местонахождения на озере Маралды в Северо-Восточном Казахстане // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск.
- Ганзей С.С. 1987. Позднекайнозойские отложения Понто-Каспия и трековый возраст пепловых прослоев // Метод треков в геологии и географии. Владивосток.

- Гарутт В.Е. 1972. Скелет хазарского мамонта *Mammuthus cf. chosaricus* Dubrovo из среднеплейстоценовых отложений р.Орья (бассейн р.Камы) // Вопросы стратиграфии и корреляции плиоценовых и плейстоценовых отложений северной и южной частей Предуралья. Уфа.
- Герасимов И.П. 1937. Каспийское море в четвертичный период. (К вопросу о стратиграфии древнекаспийских отложений) //Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып.3. Л.-М.
- Гинзбург В.В., Гохман И.И. 1974. Костные остатки человека из Самаркандской стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.
- Гинзбург Э.Х., Горенштейн Н.М., Ранов В.А. 1980. Статистико-математическая обработка шести мустьерских памятников Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Гладилин В.Н. 1966. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР (тезисы доклада). VII Международный конгресс доисториков. М.
- Гладилин В.Н., Ситливый В.И. 1990. Принципы археологической периодизации палеолита // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Гохман И.И. 1957. Палеолитическая стоянка "Пещера" на Бухтарме // КСИИМК. Вып.67.
- Гречкина Т.Ю. 1990. Некоторые итоги исследования Зирабулакск палеолитической стоянки // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
- Гречкина Т.Ю., Ташкенбаев Н.Х. 1990. К вопросу о кварцевых изделиях Кутурблага (3 слой) // ИМКУ. Вып.23.
- Григорьев Г.В. 1941. Находка мустьерского остроконечника в Самарканде // КСИИМК. Вып.8.
- Григорьев Г.П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.
- Григорьев Г.П. 1988. Тешик-Таш и мустье Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Григорьев Г.П., Ранов В.А. 1973. О характере палеолита Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент.
- Громова В.И. 1949. Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.
- Данов А.В. 1928. Геологический очерк Карлюкского района Керкинского округа ТССР // Третий Всесоюзный геологический

- съезд. Путеводитель экскурсии. Л.
- Данов А.В. 1957. Гаурдак-Кугитангский район // Геология СССР. Т.22. Туркменская ССР. М.
- Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. 1993. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу пункт 2, ранний-поздний палеолит). Новосибирск.
- Джуракулов М.Д. 1966. История изучения каменного века Средней Азии. Автореферат кандидатской диссертации. Самарканд.
- Джуракулов М.Д. 1987. Самаркандская стоянка. Ташкент.
- Джуракулов М.Д. 1992. Каменный век бассейна Заравшана. Автореферат докт. дисс. Самарканд.
- Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. 1986. Геология археологических памятников Зеравшана. Ташкент.
- Джуракулов М.Д., Холюшкин Ю.П. 1972. Топоры и рубящие орудия Самаркандской верхнепалеолитической стоянки // Труды Самаркандского гос. ун-та. Нов. серия. Вып.218.
- Джуракулов М.Д., Холюшкин Ю.П., Холюшкина В.А., Батыров Б.Х. 1980. Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Додонов А.Е. 1986. Антропоген Южного Таджикистана. М.
- Додонов А.Е., Ломов С.П., Ранов В.А., Сосин П.М. 1982. Вопросы палеогеографии и палеоэкологии палеолитической стоянки Лахути в Южном Таджикистане // Стратиграфия и палеогеография антропогена. М.
- Додонов А.Е., Ранов В.А. 1976. Новые палеолитические находки в лессах бассейна р.Кызылсу // БКИЧП. N.46.
- Додонов А.Е., Ранов В.А. 1984. Антропоген Средней Азии: стратиграфия, корреляция, палеолит // Четвертичная геология и геоморфология. М.
- Додонов А.Е., Ранов В.А., Пеньков А.В. 1978. Находки палеолита в древних почвах Южного Таджикистана и их геологическая позиция // БКИЧП. N.48.
- Додонов А.Е., Ранов В.А., Шарапов Ш.Ш. 1989. Карамайдан – новая точка с палеолитическими орудиями и среднеплейстоценовой фауной в палеопочвах Южного Таджикистана // БКИЧП. N.58.
- Долуханов П.М. 1977. Работы в Западной Туркмении // АО 1976г.
- Долуханов П.М. 1985. Аридная зона Старого Света в позднем плейстоцене и голоцене // ИВГО. Т.117. Вып.1.
- Долуханов П.М. 1987. Палеоэкологические условия на территории Средней Азии в позднем плейстоцене и голоцене // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению

- культур Центральной Азии. Вып.12.
- Долуханов П.М. 1988. История средиземных морей. М.
- Долуханов П.М. 1989. Климатические колебания в аридной зоне Старого Света (по палеогеографическим и археологическим данным) // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.
- Доскач А.Г. 1980. К вопросу о причинах колебаний уровня Каспийского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- Дроздов О.А. 1986. О некоторых методах реконструкции увлажнения Европейской территории СССР за последние тысячелетия // Труды Гос. гидрологического института. N.320.
- Дуброво И.А. 1960. Древние слоны СССР // Труды Палеонтологического института АН СССР. Т.35.
- Дуброво И.А. 1966. Систематическое положение слона хозарского фаунистического комплекса // БКИЧП. N.32
- Дэвис Р. 1980. Археология плейстоцена на юге Афгано-Таджикской депрессии // Граница неогена и четвертичной системы. М.
- Ефименко П.П. 1931. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения // СГАИМК. N.3.
- Ефименко П.П. 1964. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде. Вероятность раннего возраста стоянки // Труды Самаркандского гос. ун-та. Нов. серия. Вып.135.
- Жидовинов Н.Я., Кармишина Г.И., Романов А.А., Седайкин В.М., Федкович З.Н., Букина Т.Ф., Коваленко Н.Д., Кузнецова Н.И. Еремин В.Н. 1982. Опорные разрезы плиоцена и плейстоцена Нижнего Поволжья // XI Конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т.2. М.
- Жуков В.А. 1973. Результаты разведки на плато Сагыр-Ахун (Малое Даштако) // АРТ. Вып.10.
- Жылкибаев К.Ж. 1975. Древние слоны Казахстана. Алма-Ата.
- Заднепровский Ю.А., Ранов В.А. 1966. Новые находки каменного века в Южной Киргизии // БКИЧП. N.32.
- Замятин С.Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР. Т.16.
- Зубаков В.А., Борзенкова И.И. 1983. Палеоклиматы позднего кайнозоя. Л.
- Иванов Г.В. 1979. Археологические памятники Бадхыза // Памятники Туркменистана. N.1.
- Иванова Н.Г., Несмеянов С.А. 1980. Результаты палинологического изучения Самаркандской верхнепалеолитической стоянки // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Исламов У.И. 1984. Первая нижнепалеолитическая пещерная стоянка в Ферганской долине // ОНУ. N.8.

- Исламов У.И. 1988. Итоги и перспективы изучения пещерной стоянки Сель-Унгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. 1988. Палеолитическая стоянка Сель-Унгур в Ферганской долине // ВА. Вып.80.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. 1987. Древнепалеолитические орудия труда из Ферганской долины // ОНУ. N.4.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. 1990. Некоторые проблемы палеоэкологической реконструкции ашельской стоянки Сель-Унгур // ОНУ. N.12.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. 1992. Комплексные исследования древнепалеолитической пещерной стоянки Сельунгур // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск.
- Исламов У.И., Оманжулов Т. 1984. Пещерная стоянка Сель-Унгур // ИМКУ. Вып.19.
- Исламов У.И., Оманжулов Т. 1990. Памятники каменного века в зоне Тупалангского водохранилища // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент.
- Каляев Г.И. 1957. Копет-Даг. Геоморфология // Геология СССР. Т.22. Туркменская ССР. М.
- Каплин П.А., Леонтьев О.К., Рычагов Г.И., Парунин О.Б., Свиточ А.А., Шлюков А.И. 1977. Хронология и палеогеография плейстоцена Понто-Каспия (по данным абсолютного датирования) // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М.
- Карпычев Ю.А. 1992. Трансгрессивно-регрессивные стадии Каспийского моря и изменения климата в позднем плейстоцене и голоцене по ^{14}C датировкам отложений // Геохронология четвертичного периода. М.
- Касымов М.Р. 1960. Новое палеолитическое местонахождение близ селения Бричмулла // Известия АН УзбССР. N.3.
- Касымов М.Р. 1966. Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964г. // ИМКУ. Вып.7.
- Касымов М.Р. 1972. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент.
- Касымов М.Р. 1972а. Результаты археологических работ в долине р.Сох в 1966-1967гг. // ИМКУ. Вып.9.
- Касымов М.Р. 1972б. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // МИА. N.185.
- Касымов М.Р. 1972в. Культуры и варианты палеолита Узбекистана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
- Касымов М.Р. 1978. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопок 1975г. // ИМКУ. Вып.14.
- Касымов М.Р. 1978а. Местонахождение каменного века в Туябугузе

- // Древности Туябугуза. Ташкент.
- Касымов М.Р. 1979. Новые открытия палеолитических памятников в бассейне р.Ахангарана // ИМКУ. Вып.15.
- Касымов М.Р. 1990. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана. Автореферат докт. дисс. Новосибирск.
- Касымов М.Р. 1990а. О проблемах изучения палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана // ОНУ. N.9.
- Касымов М.Р., Алимов К. 1978. Уникальные находки эпохи палеолита // ОНУ. N.8.
- Касымов М.Р., Годин М.Х. 1982. О комплексном исследовании палеолитической стоянки Кульбулак // ИМКУ. Вып.17.
- Касымов М.Р., Годин М.Х. 1984. Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак // ИМКУ. Вып.19.
- Касымов М.Р., Годин М.Х., Худайбердыев Т.Н. 1992. Домустьерские культуры на территории Узбекистана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Касымов М.Р., Дуке Х., Гречкина Т.Ю. 1979. О новых данных по каменному веку Туябугуза // ИМКУ. Вып.15.
- Касымов М.Р., Коробков И.И., Годин М.Х. 1988. Стратиграфия, литология и характеристика каменной индустрии многослойной стоянки Кульбулак // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Касымов М.Р., Крахмаль К.А. 1984. Стоянка каменного века "Келес" // ОНУ. N.1.
- Касымов М.Р., Менвапов С. 1975. Новые находки палеолитических орудий в окрестностях Янгиюля // ОНУ. N.6-7.
- Касымов М.Р., Тетюхин Г.Ф. 1980. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // ИМКУ. Вып.16.
- Касымов М.Р., Тетюхин Г.Ф., Годин М.Х., Хусанбаев Д.И. 1985. К вопросу о комплексном исследовании многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане // КСИА. Вып.181.
- Клапчук М.Н. 1964. Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане // СА. N.3.
- Клапчук М.Н. 1965. Археологические находки в Карагандинской области // СА. N.3.
- Клапчук М.Н. 1966. Обнажения у с.Батпак и их стратиграфическое значение // Тезисы докладов научно-технической конференции Центрально-Казахстанского геологического управления. Караганда.
- Клапчук М.Н. 1967. Археологические исследования в бассейнах рек Нура и Сарысу // АО 1966г.
- Клапчук М.Н. 1968. Новые археологические находки в бассейнах

- рек Нура и Сарысу // АО 1967г.
- Клапчук М.Н. 1969. К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Клапчук М.Н. 1969а. Разведки в Центральном Казахстане // АО 1968г.
- Клапчук М.Н. 1970. Галечные орудия местонахождения Музбель 1-2 в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Клапчук М.Н. 1971. Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане // СА. N.1.
- Клапчук М.Н. 1976. Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат 4 в Центральном Казахстане // СА. N.3.
- Клейнер Ю.М., Кузнецов Ю.Я., Хоннариан С.О., Шолохова В.В. 1976. Основные этапы формирования рельефа Закаспия в поздне-неогеновое и четвертичное время // Геоморфология. N.4.
- Клиге Р.К. 1982. Палеолимнологические особенности режима аридных областей // XI конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т.3. М.
- Кожамкулова Б.С. 1969. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата.
- Кожамкулова Б.С. 1981. Позднекайнозойские копытные Казахстана. Алма-Ата.
- Кожамкулова Б.С., Пак Т.К. 1988. Позднеплейстоценовая териофауна стоянки Актас (Кокчетавская область) и ее сопоставление с одновозрастной фауной Восточного Казахстана // Материалы по истории фауны и флоры Казахстана. Вып.10. Алма-Ата.
- Конопля П.Т. 1959. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии // Известия АН КиргССР. Серия обществ. наук. Т.1, вып.1.
- Коробков И.И. 1966. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий (тезисы доклада). VII Международный конгресс доисториков. М.
- Коробков И.И. 1971. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // МИА. N.173.
- Коробкова Г.Ф. 1972. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1958-1960 гг.) // МИА-185.
- Костенко Н.Н., Алпысбаев Х.А. 1966. Палеолит в районе Турланского перевала хребта Каратау // Вестник АН КазССР. N.8.
- Костенко Н.Н., Алпысбаев Х.А. 1969. Значение палеолита для расчленения антропогенных отложений // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Костенко Н.П. 1958. Геоморфологический анализ речных долин

- горных стран // БКИЧП. N.22.
- Костенко Н.П., Несмеянов С.А., Ранов В.А. 1961. О находке палеолитических орудий на возвышенности Ак-Джар (Южный Таджикистан) // Доклады АН ТаджССР. Т.4. N.6.
- Костенко Н.П., Ранов В.А., Макарова Н.В. 1969. К вопросу об использовании археологических данных в целях стратиграфии четвертичных отложений // БКИЧП. N.36.
- Крылков Ю.В., Ранов В.А. 1959. Археологические находки мустьерского времени на возвышенности Кара-Бура и их геологическая интерпретация // Доклады АН ТаджССР, Т.2. N.5.
- Крылова А.А. 1959. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане // КСИИМК. Вып.76.
- Кулаковская Л.И. 1990. Мустье Азии: взгляд из Европы // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Лазаренко А.А. 1990. Детальная стратиграфическая шкала лессовой формации Средней Азии // Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. Т.2. Таллин.
- Лазаренко А.А., Громов В.И. 1970. Находка палеолитического отщепка в отложениях Ташкентского комплекса в районе г.Пскента // Труды Международного симпозиума по литологии и генезису лессовых пород. Т.1. Ташкент.
- Лазаренко А.А., Ланге К.О., Бирина А.Г., Малаева Е.М., Куликов О.А., Обухов В.Ю., Семенов В.В. 1990. Новые данные по хронс и климатостратиграфии и палеогеографии лессовой формации Туркмении // Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. Т.2. Таллин.
- Лазаренко А.А., Ранов В.А. 1975. Новая палеолитическая стоянка Каратау-I в Южном Таджикистане // УСА. Вып.3.
- Лазаренко А.А., Ранов В.А. 1977. Каратау I — древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии // БКИЧП. N.47.
- Ларичев В.Е. 1977. Открытие рубил на территории Восточной Азии и проблема локальных культур нижнего палеолита // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Ларичева И.П. 1980. Новые данные по палеолиту Азии (по материалам конгресса в Ницце) // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Лев Д.Н. 1949. Древний палеолит в Аман-Кутане (предварительное сообщение). Самарканд.
- Лев Д.Н. 1949а. Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане // СЭ. N.1.
- Лев Д.Н. 1953. Пещеры эпохи палеолита близ г.Самарканда // Природа. N.6.
- Лев Д.Н. 1956. Древний палеолит в Аман-Кутане (исследования

- 1953-1954 гг.) // Труды Узбекского гос. ун-та. Нов. серия. Вып.61.
- Лев Д.Н. 1957. Новые памятники палеолита в Узбекистане // ТКИЧП. Вып.13.
- Лев Д.Н. 1965. Самаркандская палеолитическая стоянка // ИМКУ. Вып.6.
- Лев Д.Н. 1972. Итоги работы археологического отряда Самаркандского гос. университета им.А.Навои в 1966г. // Труды Самаркандского гос. ун-та. Нов. серия. Вып.218.
- Левен Я.А. 1958. Генезис и развитие пещеры Аман-Кутан // Труды Узбекского гос. ун-та. Нов. серия. Вып.85.
- Леонтьев О.К., Маев Н.Г., Рычагов Г.И. 1977. Геоморфология берегов и дна Каспийского моря. М.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. 1962. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе.
- Ломов С.П., Ранов В.А. 1984. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение. N.4.
- Лузгин Б.К. 1967. О палеогеографии советского Копетдага в антропогене // Вестник МГУ. Серия геол. N.1.
- Лузгин Б.К., Ранов В.А. 1966. О первых находках палеолита в Центральном Копетдаге // БКИЧП. N.32.
- Любин В.П. 1966. Исследование Малой Воронцовской и Навалишенской пещер // АО 1965г.
- Любин В.П. 1970. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М. (МИА. N.166).
- Любин В.П. 1984. Палеолит Туркмении // СА. N.1.
- Любин В.П. 1984а. Первоначальное заселение Средней Азии // Природа. N.1.
- Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. 1990. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // СА. N.4.
- Мавлянов Н.Г., Касымов М.Р. 1984. Находка палеолитического орудия в разрезе Аркутсай предгорной части Каржантауского хребта // Узбекский геологический журнал. N.3.
- Мальгина Е.А. 1961. Результаты споро-пыльцевого анализа четвертичных и верхнеплиоценовых отложений из Прибалханского района Западной Туркмении // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т.1. М.
- Мальгина Е.А. 1964. Палеогеографические условия Западной Туркмении в конце плиоцена и начале четвертичного периода. Автореферат канд. дисс. М.
- Мамедов А.В., Алескеров Б.Д. 1985. Проблемы стратиграфии и хронологии плейстоцена Каспия // Геохронология четвертичного периода. Таллин.

- Мамедов А.В., Алескеров Б.Д. 1989. Новые данные о стратиграфии, хронологии и палеогеографии плейстоцена Каспия // Известия АН АзССР. Серия наук о Земле. N.3.
- Мамедов Э.Д. 1980. Плейстоценовый этап геологического развития пустынной зоны СССР (центральные районы). Автореферат докторской диссертации. М.
- Мамедов Э.Д. 1981. Экология человека каменного века в пустынях Средней Азии // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Мандельштам А.М. 1962. Отчет об археологической разведке в северной части Красноводского района в 1962 г. Архив ИИМК РАН. Ф-35. оп.1. N.12.
- Матвиенко В.Н., Кожамкулова Б.С. 1986. Актас – стоянка позднепалеолитического человека в Северном Казахстане // Вестник АН КазССР. N.1.
- Медведев Г.И., Несмеянов С.А. 1988. Типизация “культурных отложений” и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.
- Медведев Г.И., Скляревский М.О. 1982. Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с золотой коррозией обработанных поверхностей (возраст – культура – география) // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск.
- Медоев А.Г. 1962. Предварительные данные о палеолите в долине р.Туранги (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып.2.
- Медоев А.Г. 1962а. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз // Вестник АН КазССР. N.3.
- Медоев А.Г. 1964. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. N.6.
- Медоев А.Г. 1965. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. N.4.
- Медоев А.Г. 1968. Стоянка-мастерская уу озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата.
- Медоев А.Г. 1970. Ареалы палеолитических культур Сары- Арка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Медоев А.Г. 1972. Радиальная система изготовления нууклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Медоев А.Г. 1980. Ориентиры древности. Декоративное искусство СССР. N.2.
- Медоев А.Г. 1980а. Проблемы палеолита Казахстана (начальный этап) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата.
- Медоев А.Г. 1982. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата.
- Мирсаатов Т.М. 1977. Горные разработки в эпоху камня. Ташкент.

- Мурзаев Э.М. 1957. Физико-географическое описание и экономическая характеристика // Геология СССР. Т.22. Туркменская ССР. М.
- Мурзаева В.Э. 1988. Озера аридной зоны и их реакция на плейстоценовые похолодания // Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона. Т.2. Владивосток.
- Насретдинов Х.К. 1962. Ходжакентская пещера N.2 – мустьерский памятник близ Ташкента // ОНУ. N.4.
- Насретдинов Х.К. 1963. Пещера Акташ – палеолитическая стоянка под Ташкентом // ОНУ. N.6.
- Насретдинов Х.К. 1963а. Разведка следов каменного века в Бостандыкском районе в 1959г. // ИМКУ. Вып.4.
- Насретдинов Х.К. 1964. Грот Обирахмат // ИМКУ. Вып.5.
- Настюков Н.З., Праслов Н.Д. 1972. Новые памятники каменного века на западном чинке Устюрта // УСА. Вып.1.
- Несмеянов С.А. 1977. Палеогеография палеолитических стоянок в горных областях Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М.
- Несмеянов С.А. 1978. К геологии открытых стоянок каменного века Средней Азии // Жизнь Земли. Вып.13.
- Несмеянов С.А. 1980. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск.
- Несмеянов С.А., Ранов В.А. 1962. Палеолитические находки у Шахристана // Доклады АН ТаджССР. Т.5. N.6.
- Несмеянов С.А., Ранов В.А. 1964. О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор (Южная Фергана) // Труды Института истории АН ТаджССР. Т.42.
- Нехорошев П.Е. 1993. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // РА. N.3.
- Никитюк Л.А. 1932. Геологические и гидрогеологические исследования в восточной части Красноводского полуострова // Геологические и гидрогеологические исследования Красноводского полуострова. М-Л.
- Никонов А.А., Пахомов М.М., Романова Е.А., Сулержицкий Л.Д., Шумова Г.М. 1989. Новые данные по палеогеографии позднего плейстоцена Памиро-Алая // Палеоклиматы и оледенения в плейстоцене. М.
- Никонов А.А., Ранов В.А. 1978. Стойбище первобытных людей в Гиссарской долине // Природа. N.4.
- Никонов А.А., Шумова Г.М. 1981. Об условиях залегания и геологическом возрасте палеолитических находок в Он-Арче (Киргизская ССР) // БКИЧП. N.51.

- Никшич И.И. 1932. Бассейн рек Сумбара и Чандыра // Труды Всесоюзного Геолого-Разведочного Общества. Т.174. Л.
- Никшич И.И., Данов А.В., Васильевский П.М. 1929. Геологический очерк Туркмении // Туркмения. Т.2. Л.
- Нурмамбетов Э.И., Акиянова Ф.Ж. 1989. Радиоуглеродные датировки ископаемой териофауны Северного Казахстана и некоторые палеогеографические реконструкции // Вестник АН КазССР. N.1.
- Окладников А.П. 1939. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане // КСИИМК. Вып.2.
- Окладников А.П. 1939а. Находка неандертальца в Узбекистане // ВДИ. N.1.
- Окладников А.П. 1940. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш (предварительное сообщение) // Труды Узб. Филиала АН СССР. Вып.1.
- Окладников А.П. 1940а. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии (Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш) // СА. Вып.6.
- Окладников А.П. 1940б. Первобытный человек Узбекистана // Наука и жизнь. N.1.
- Окладников А.П. 1940в. Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан) // КСИИМК. Вып.6.
- Окладников А.П. 1949. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. Вып.28.
- Окладников А.П. 1949а. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.
- Окладников А.П. 1951. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова // Труды ЮТАКЭ. Т.2.
- Окладников А.П. 1953. Изучение памятников каменного века в Туркмении // Известия АН ТССР. N.2.
- Окладников А.П. 1956. Древнейшее прошлое Туркменистана // Труды Института истории, археологии, этнографии АН ТССР. Т.1.
- Окладников А.П. 1956а. Палеолитическое время на Тянь-Шане и Енисее // История Киргизии. Т.1. Фрунзе.
- Окладников А.П. 1957. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет // СА. N.4.
- Окладников А.П. 1958. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т.7.
- Окладников А.П. 1958а. Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА. N.66.
- Окладников А.П. 1958б. Работы палеолитического отряда в 1958г.

- (предварительное сообщение) // Известия АН УзбССР. Серия общественных наук. N.4.
- Окладников А.П. 1959. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л.
- Окладников А.П. 1961. Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана // КСИА. Вып.82.
- Окладников А.П. 1963. Краткий отчет о раскопках Ходжакентской пещеры в 1958г. // ИМКУ. Вып.4.
- Окладников А.П. 1963а. Каменный век // История Киргизии. Т.1. Фрунзе.
- Окладников А.П. 1966. Палеолит // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.
- Окладников А.П. 1968. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // Бахрушинские чтения. Вып.1. Новосибирск.
- Окладников А.П., Исламов О.И. 1961. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу-2) // ИМКУ. Вып.2.
- Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т. 1964. Капчигайская палеолитическая мастерская // ИМКУ. Вып.5.
- Окладников А.П., Леонов Н.И. 1961. Первые находки каменного века в Фергане // КСИА. Вып.86.
- Окладников А.П., Ранов В.А. 1963. Каменный век // История таджикского народа. Т.1. М.
- Оманжулов Т. 1982. Новая пещерная стоянка мустьерского времени в Узбекистане // ИМКУ. Вып.17.
- Оманжулов Т. 1984. Мустьерские памятники Ташкентского оазиса (техничко-типологическое исследование). Автореферат кандидатской диссертации. Л.
- Оманжулов Т. 1988. Мустьерские памятники Ташкентского оазиса и их место в палеолите Средней Азии // Проблемы взаимодействия природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Палиенко Э.Т. 1963. Ярусность и возраст рельефа Копетдага // Новые данные по геологии Туркменской ССР. М.
- Парфенов Г.В. 1961. Работа кружка юных археологов Института истории и археологии АН УзбССР в 1960г. // ОНУ. N.1.
- Пахомов М.М. 1973. Изменение структуры растительного покрова гор востока Средней Азии как биостратиграфическая основа расчленения плейстоцена // Палинология плейстоцена и плиоцена. М.
- Пахомов М.М. 1982. Палеогеография гор востока Средней Азии в позднем кайнозое и вопросы флороценогенеза (по материалам споро-пыльцевого анализа). Автореферат докторской диссертации. М.

- Пахомов М.М. 1991. Корреляция событий плейстоцена в Средней Азии и динамика поясности гор // Известия АН СССР. Сер. геогр. N.6.
- Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. 1982. Динамика природной среды низкогорий Южного Таджикистана в позднем плейстоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.
- Пахомов М.М., Пенькова А.М., Ершова Л.Н. 1980. Цикличность климатического процесса и его отражение в палинологических данных по кайнозою Памиро-Алая // Граница неогена и четвертичной системы. М.
- Пашалы Н.В., Векилов Б.Г., Газанзаде Ф.Г., Сараджалинская Т.М., Карягды С.К. 1985. Корреляция плейстоценовых отложений Азербайджана // Геохронология четвертичного периода. Таллин.
- Пошка А. 1960. Пещера Сель-Ун-Хур // ВА. Вып.2.
- Праслов Н.Д., Настюков Н.З. 1973. Новые материалы по каменному веку западного чинка Устюрта // КСИА. Вып.136.
- Ранов В.А. 1959. Результаты разведок каменного века в 1956г. // Труды АН ТаджССР. Т.91.
- Ранов В.А. 1961. Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959г. // АРТ. Вып.7.
- Ранов В.А. 1962. О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии // Новейший этап геологического развития территории Таджикистана. Душанбе.
- Ранов В.А. 1964. О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. М.
- Ранов В.А. 1965. Каменный век Таджикистана. Вып.1. Палеолит. Душанбе.
- Ранов В.А. 1965а. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии // Основные проблемы изучения четвертичного периода. М.
- Ранов В.А. 1968. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945-1965) // МКТ. Вып.1.
- Ранов В.А. 1968а. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Известия отделения обществ. наук АН ТаджССР. Вып.3.
- Ранов В.А. 1969. Самаркандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии // Известия АН ТаджССР, отд. общ. наук. Вып.4(58).
- Ранов В.А. 1970. "Галечная техника" в культурах каменного века Сибири и Средней Азии // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.
- Ранов В.А. 1971. К изучению мустьерской культуры в Средней Азии // МИА. N.173.

- Ранов В.А. 1972. Семиганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // МИА. N.185.
- Ранов В.А. 1972а. К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
- Ранов В.А. 1972б. О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита // УСА. Вып.2.
- Ранов В.А. 1972в. Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита (опыт сравнения археологической периодизации) // Страны и народы Востока. Т.ХII. М.
- Ранов В.А. 1973. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу (раскопки 1969-1970гг.) // АРТ. Вып.10.
- Ранов В.А. 1975. Работы отряда по изучению каменного века в 1971г.(Раскопки на площадке перед пещерой Огзи-Кичик) // АРТ. Вып.11.
- Ранов В.А. 1977. Работы отряда по изучению каменного века в 1973г. // АРТ. Вып.13.
- Ранов В.А. 1977а. Основные черты периодизации палеолита Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М.
- Ранов В.А. 1978. Палеолит Переднеазиатских нагорий // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.
- Ранов В.А. 1978а. Перспективы изучения каменного века в горной части бассейна р.Зеравшан // МКТ. Вып.3.
- Ранов В.А. 1980. Древнепалеолитические находки в лессах Южного Таджикистана // Граница неогена и четвертичной системы. М.
- Ранов В.А. 1980а. Раскопки в Огзи-Кичике в 1975г. // АРТ. Вып.15.
- Ранов В.А. 1982. Нижнепалеолитическая каратауская культура Южного Таджикистана // Тезисы докладов XI конгресса ИНКВА. Т.2. М.
- Ранов В.А. 1986. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979г. // АРТ. Вып.19.
- Ранов В.А. 1987. Десять лет исследований каменного века Южного Таджикистана и Памира (в 1971-1988 гг.) // АРТ. Вып.20.
- Ранов В.А. 1987а. Работы отряда по изучению каменного века в 1980г. // АРТ. Вып.20.
- Ранов В.А. 1988. Древнейшие страницы истории человечества. М.
- Ранов В.А. 1988а. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Автореферат докторской диссертации. Новосибирск.
- Ранов В.А. 1990. О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.
- Ранов В.А., Амосова А.Г. 1984. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978г. // АРТ. Вып.18.
- Ранов В.А., Амосова А.Г. 1990. Работы отряда по изучению ккамен-

- ного века в 1982г. // АРТ. Вып.22.
- Ранов В.А., Додонов А.Е. 1988. О периодизации и стратиграфии нижнепалеолитических стоянок Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В. 1987. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // БКИЧП. N.56.
- Ранов В.А., Жуков В.А. 1979. Работы отряда по изучению каменного века в 1974г. // АРТ. Вып.14.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А. 1973. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А. 1974. Совещание по каменному веку Средней Азии // БКИЧП. N.41.
- Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М. 1976. Люди каменного века на подступах к Памиру (Палеолитическая стоянка Шугноу и ее место среди окружающих памятников) // Acta Archaeologica Carpathica. T.16.
- Ранов В.А., Шарапов Ш., Никонов А.А. 1973. Фауна млекопитающих, археология и геология стоянки Огзи-Кичик (Южный Таджикистан) // Доклады АН ТаджССР. T.16. N.7.
- Ранов В.А., Юнусалиев М.Б. 1975. Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тоссор // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х. 1983. Палеолитическая стоянка Кумтепинская скала // Известия АН ТаджССР. N.2.
- Ранцман Е.Я. 1975. Горы Средней Азии // Равнины и горы Средней Азии и Казахстана. М.
- Робертс К.Н. 1982. Возраст и палеоклиматическое значение позднплейстоценового озера Кония, Турция // XI Конгресс ИНКВА. T.2. М.
- Сваричевская З.А. 1965. Геоморфология Казахстана и Средней Азии. Л.
- Свиточ А.А. 1991. Колебания уровня Каспийского моря в плейстоцене (классификация и систематическое описание) // Каспийское море. Палеогеография и геоморфология Каспийского региона в плейстоцене. М.
- Свиточ А.А., Парунин О.Б., Янина Т.А. 1992. Радиоуглеродная хронология отложений и событий позднего плейстоцена Понто-Каспия (обсуждение результатов и полемические заметки) // Геохронология четвертичного периода. М.
- Свиточ А.А., Янина Т.А. 1983. О времени хвалынской трансгрессии Каспия по данным абсолютного датирования // Геолого-геоморфологические исследования Каспийского моря. М.

- Свиточ А.А., Янина Т.А. 1996. Будущее Каспия – в его прошлом // Природа. N.2.
- Свиточ А.А., Янина Т.А., Парунин О.Б. 1987. Хронология плейстоценовых трансгрессий Каспия по данным абсолютного датирования (обсуждение результатов) // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М.
- Серебряный Л.Р., Пшенин Г.М., Пуннинг Я.-М.К. 1980. Оледенение Тянь-Шаня и колебания уровня Арала (поэтапный анализ событий позднечетвертичной истории Средней Азии) // Известия АН СССР. Сер. геогр. N.2.
- Скворцов Ю.А. 1949. Элементы новейших тектонических движений Узбекистана. Ташкент.
- Сорокин В.С. 1953. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита // СЭ. N.3.
- Сулейманов Р.Х. 1964. О находке мустьерской пластины в Узбекистане // ОНУ. N.11.
- Сулейманов Р.Х. 1968. Грот Оби-Рахмат и математико-статистическая гипотеза обирахматской культуры. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент.
- Сулейманов Р.Х. 1972. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент.
- Сулова П.В. 1949. Плейстоценовая орнитофауна из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.
- Таймагамбетов Ж.К. 1984. Периодизация эпохи палеолита Южного Казахстана (по материалам стоянки им. Ч.Валиханова). Автореферат канд. дисс. Новосибирск.
- Таймагамбетов Ж.К. 1986. Исследования в Джезказганской области // АО 1984г.
- Таймагамбетов Ж.К. 1987. Проблемы палеолита Западного Казахстана // Задачи советской археологии. Суздаль.
- Таймагамбетов Ж.К. 1987а. Разведка в Центральном Казахстане // АО 1985г.
- Таймагамбетов Ж.К. 1987б. Памятники каменного века // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Таймагамбетов Ж.К. 1989. Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата.
- Таймагамбетов Ж.К. 1989а. История изучения палеолита Казахстана // Актуальные проблемы историографии древнего Казахстана. Алма-Ата.
- Таймагамбетов Ж.К. 1990. О значении многослойной палеолитической стоянки имени Ч.Ч.Валиханова // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки.

- Новосибирск.
- Таймагамбетов Ж.К. 1990а. Палеолитическая стоянка им. Ч.Ч.Валиханова. Алма-Ата.
- Таймагамбетов Ж.К. 1990б. Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск.
- Ташкенбаев Н.Х. 1969. О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала // ИМКУ. Вып.8.
- Ташкенбаев Н.Х. 1971. Новые памятники древнекаменного века в Самаркандской области // ОНУ. N.11.
- Ташкенбаев Н.Х.1972. Исследование новой мустьерской стоянки Кутурбулак (Самаркандская область) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
- Ташкенбаев Н.Х. 1972а. О новых памятниках эпохи палеолита на территории Самаркандской области // УСА. Вып.2.
- Ташкенбаев Н.Х. 1972б. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка) // ИМКУ. Вып.9.
- Ташкенбаев Н.Х. 1973. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак // ИМКУ. Вып.10.
- Ташкенбаев Н.Х. 1973а. Кутурбулак — новый мустьерский памятник Узбекистана // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР Ташкент.
- Ташкенбаев Н.Х. 1974. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып.3. Ташкент.
- Ташкенбаев Н.Х. 1975. Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак // ИМКУ. Вып.12.
- Ташкенбаев Н.Х. 1979. О работах на Зирабулакской палеолитической стоянке // АО 1978г.
- Ташкенбаев Н.Х. 1985. О новых палеолитических местонахождениях в Самаркандской области // ОНУ. N.1.
- Ташкенбаев Н.Х. 1987. Некоторые данные по палеолиту Зарафшанской долины // ИМКУ. Вып.21.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. 1980. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент.
- Тетюхин Г.Ф., Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. 1978. Геоморфологическое положение мустьерского местонахождения Кутурбулак // ИМКУ. Вып.14.
- Тетюхин Г.Ф., Уткина Г.А. 1961. Археологические находки в бассейне рек Кашкадарья и Зеравшана // Известия Узб. филиала ВГО. Т.5.
- Толстов С.П. 1958. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1949–1953гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.2.

- Трубихин В.М. 1985. Магнитостратиграфия и хронология антропогена Каспийского бассейна // Геохронология четвертичного периода. Таллин.
- Трубихин В.М. 1987. Палеомагнитный метод и датирование региональных геологических событий Понто-Каспия // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М.
- Туголесов Д.А. 1948. О причинах трансгрессий и регрессий Каспийского моря // Известия АН СССР. Сер. геол. N.6.
- Ульрих Г. 1982. Искусственные повреждения на ископаемых человеческих костях // XI Конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т.3. М.
- Ушко К.А. 1982. Стратиграфия и корреляция верхнеплиоценовых и четвертичных отложений Каспийской области // XI Конгресс ИНКВА. Тезисы докладов. Т.2. М.
- Федоров П.В. 1957. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря // Труды Геологического института АН СССР. Вып.10.
- Федоров П.В. 1988. Проблема изменений уровня Черного моря в плейстоцене // Бюллетень Московского Общества испытателей природы. Отд.геол. Вып.64. N.3.
- Клопин И.Н., Хлобыстин Л.П. 1969. Поиски памятников каменного века в Копетдаге // АО 1968г.
- Чердынцев В.В. 1969. Уран-243. М.
- Черников С.С. 1951. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестник АН КазССР. N.12.
- Черников С.С. 1952. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 года // КСИИМК. Вып.48.
- Черников С.С. 1956. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. Вып.64.
- Черняховский А.Г. 1962. К вопросу о расчленении плиоцен-четвертичных отложений хребта Каратау // БКИЧП. N.27.
- Чупина Л.Н. 1963. Палинологический комплекс мустьерской стоянки Карасу I с р.Арыстанды (Западный Тянь-Шань) // Материалы по истории фауны и флоры Казахстана. Вып.4. Алма-Ата.
- Шадрухин А.В., Токарский О.Г. 1985. К вопросу о колебаниях уровня Каспия в плиоцене и плейстоцене // Вопросы геологии и геофизики Прикаспия. Саратов.
- Шимчак К., Гречкина Т.Ю. 1996. Польско-Узбекистанская археологическая экспедиция. Первый сезон полевых работ // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб.
- Шкатова В.К., Арсланов Х.А., Шадрухин А.В., Шлюков А.И., Молодьков А.Н., Герасимова С.А., Молоствовский Э.А., Жежел О.Н. 1989. Стратиграфия и возраст хазарских и хвалынских отложений нижней Волги по данным радиоизотопных и физических

- методов датирования // Геохронология четвертичного периода. Таллин.
- Шуршалина М.А. 1957. Бадхыз и Карабиль. Геоморфология // Геология СССР. Т.22. Туркменская ССР. М.
- Юнусалиев М.Б. 1970. В глубь тысячелетий по долинам Киргизии. Фрунзе.
- Юнусалиев М.Б. 1974. Исследования в Кетмень-Тюбе // АО 1973г.
- Юнусалиев М.Б. 1978. Работы на палеолитическом комплексе Саламат-Булак // АО 1977г.
- Юнусалиев М.Б. 1981. Домустьерский комплекс Саламат-Булак // Известия АН КиргССР. N.3.
- Юнусалиев М.Б. 1985. Мин-Булак – памятник каменного века // АО 1984г.
- Юрьев А.А. 1964. О возрасте террас р.Зеравшан в связи с геологогеоморфологическим изучением окрестностей пещеры Аманкутан // Известия Узб. филиала ВГО. Т.8.
- Юсупов А.Х. 1984. Палеолитический горизонт многослойного поселения Сай-Сайед // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. 1982. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1976г. // АРТ. Вып.16.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. 1987. Исследование археологических памятников на юге Таджикистана в 1980г. // АРТ. Вып.20.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. 1988. Палеолитические местонахождения среднего течения р.Вахш // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. Ташкент.
- Ariai A.A., Thibault C. 1975-77. Nouvelles precissions a propos de l'outillage ancien ssur galetss du Khorossan (Iran) // Paleorient. Vol.3.
- Ayres W.S., Rhee S.N. 1984. The Acheulian in Asia? A review of research on Korean // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol.50.
- Bar-Yosef O. 1994. The Lower Paleolithic of the Near East // Journal of World Prehistory. Vol.8. N.3.
- Bordes F. 1955. L'industrie mousterienne de Teshic-Tash. Affinites et age probable // L'Anthropologie. T.59. N.3/4.
- Brunnacker K., Boenigk W., Bruder G., Hahn G.G., Ronen A., Tillmans W. 1989. Artefakte im Altquartar von Obergalilaa (Nordisrael) // Eiszeitalter und Gegenwart. T.39.
- Chung Y.W. 1984. Acheulean handaxe culture of Chongok-ni in Korea // The Evolution of the East Asian Environment. Vol.II. Palaeobotany, Palaeozoology and Palaeoanthropology. Hong Kong.
- Chard C.S. 1974. Northeast Asia in Prehistory. Madison.
- Darlas A. 1995. L'industrie du Paleolithique moyen de Mavri Myti (Lakkopetra, Grece) // BSPF. T.92. N.3.
- Davis R.S. 1978. The Palaeolithic // The Archaeology of Afganistan.

London.

- Davis R.S. 1984. The Soan in Central Asia? Problems in Early Palaeolithic culture history // Studies in the Archaeology and Palaeoanthropology of South Asia. Oxford.
- Davis R.S. 1988. The implications of improved chronological determinations for the Soviet Central Asian Paleolithic // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia.
- Davis R.S. 1990. Central Asian hunter-gatherers and the last glacial maximum // The World at 18000 BP. Vol.1. High latitudes. London.
- Davis R.S., Ranov V.A., Dodonov A.E. 1980. Early man in Soviet Central Asia // Scientific American. Vol.243. N.6.
- Dennell R.W. et al. 1994. Archaeological evidence for hominids in Northern Pakistan before one million years ago // 100 Years of Pithecanthropus. The Homo erectus Problem. Frankfurt.
- Gabori M. 1988. Nouvelles decouvertes dans le Paleolithique d'Asie centrale sovietique // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia.
- Horowitz A. 1988. Synthese de la stratigraphie et des paleoclimats quaternaires du rift de la Mer Morte, Israel // L'Anthropologie. T.92. N.3.
- Huang W., Wang D. 1995. La recherche recente sur le Paleolithique ancien en Chine // L'Anthropologie. T.99. N.4.
- Keates S.G. 1994. Archaeological evidence of hominid behaviour in Pleistocene China and Southeast Asia // 100 Years of Pithecanthropus. The Homo erectus Problem. Frankfurt.
- Klein R.G. 1968. Chellean and acheulean on the territory of the Soviet Union: a critical review of the evidence as presented in the literature // American Anthropologist. Vol.2. Pt.2.
- Menghin O. 1937. Origin and development of the Early Paleolithic cultures // Early Man. London.
- Mishra S. et al. 1995. Earliest Acheulian industry from Peninsular India // Current Anthropology. Vol.36. No.5.
- Misra V.N. 1989. Stone Age India: an ecological perspective // Man and Environment. Vol.14. No.1
- Movius H.L. 1944. Early man and Pleistocene stratigraphy in southern and eastern Asia // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Vol.19. N.3.
- Movius H.L. 1948. The Lower Palaeolithic cultures of southern and eastern Asia // Transactions of the American Philosophical Society, n.s. Vol.38. N.4.
- Movius H.L. 1953. Paleolithic and mesolithic sites in Soviet Central Asia // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol.57.
- Mrazek P., Falk Z. 1983. Stone artefacts found in the western desert of Iraq – their surface weathering // Annals of the Naprstek Museum, Praha. Vol.11.

- Olszewski D.I., Dibble H.L. 1994. The Zagros Aurignacian // *Current Anthropology*. Vol.35. N.1.
- Ranov V.A. 1984. Zentralazien // *Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. Band 4. Neue Forschungen zur Altsteinzeit.
- Ranov V.A. 1993. Tout commence au Paleolithique // *Les Dossiers de l'Archeologie*. N.185.
- Ranov V.A., Carbonell E., Rodriguez X.P. 1995. Kuldara: earliest human occupation in Central Asia in its Afro-Asian context // *Current Anthropology*. Vol.36. N.2.
- Ranov V.A., Davis R.S. 1979. Toward a new outline of the Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Anthropology*. Vol.20. N.2.
- Rendell H., Dennell R.W. 1985. Dated Lower Palaeolithic artefacts from Northern Pakistan // *Current Anthropology*. Vol.26. No.3.
- Ronen A. 1991. The Yiron-gravel lithic assemblage artifacts older than 2.4 my in Israel // *Archaeologisches Korrespondenzblatt*. T.21.
- Sadek-Kooros H. 1974. Paleolithic cultures in Iran // *Proc. of the 2nd annual Symp. on archaeol. research in Iran*.
- Salim M. 1981. Handaxe collections of Northern Pakistan // *Journal of Central Asia*. Vol.4. N.1.
- Salim M. 1986. The Middle Stone Age Cultures of Northern Pakistan. Islamabad.
- Schick K. 1994. The Movius line reconsidered: Perspectives on the earlier Paleolithic of eastern Asia // *Integrative Paths to the Past: Paleoanthropological Advances in Honor of Clark Howell*.
- Schick K., Toth N. 1993. *Making Silent Stones Speak: Hominid Evolution and the Dawn of Technology*. New York.
- Schick K. D., Zhuan D. 1993. Early Paleolithic of China and eastern Asia // *Evolutionary Anthropology*. Vol. 2. Nr 1.
- Seonbok Yi. 1992. Towards an explanation of Northeast Asian Palaeolithic // *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки*. Новосибирск.
- Smith P.E.L. 1986. *Palaeolithic archaeology in Iran*. Philadelphia.
- Solecki R.S., Solecki R.L. 1993. The pointed tools from the Mousterian occupations of Shanidar Cave, Northern Iraq // *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*.
- Stapert D. 1976. Some natural surface modifications on flint in the Netherlands // *Palaeohistoria*. Vol.18.
- Storm P. 1995. The evolutionary significance of the Wajak skulls. Leiden.
- Swisher C.C., Curtis G.H., Jacob T., Getty A.S., Suprijo A., Widiasmoro B.L. 1994. Age of the earliest known hominids in Java, Indonesia // *Science*. Vol.263.
- Tchernov E. 1988. La biochronologie du site de 'Ubiidiya (vallee du Jordan) et les plus anciens hominides du Levant // *L'Anthropologie*. T.92. N.3.

- Turner C.G. Paleolithic teeth of the Central Siberian Altai Mountains // Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. Novosibirsk.
- Valoch K. 1986. The Central European Early Paleolithic // Fossil Man. New Facts – New Ideas. Brno.
- Verma B.C. 1989. Time stratigraphic position of the early palaeolithic culture in the Siwaliks of northwest India based on fission-track age of the associated sediments // Current Science. Vol.58. No.5.
- Vishnyatsky L.B. 1989. The discovery of palaeolithic handaxes in Western Turkmenia: a preliminary report // Paleorient. Vol.15. N.2.
- Vishnyatsky L.B. 1989a. The Movius's theory and the Palaeolithic of Soviet Central Asia (with special reference to some recent finds in Turkmenia) // Journal of Central Asia. Vol.XII. N.2.
- Watanabe H. 1985. The chopper-chopping tool complex of Eastern Asia: an ethnoarchaeological reexamination // Journal of Anthropological Archaeology. Vol.4. N.1.
- Wymer I. 1982. The Paleolithic Age. London.
- Yalcinkaya I., Otte M., Bar-Yosef O., Kozłowski J., Leotard J.M., Taskiran H. 1993. The excavations at Karain Cave, Southwestern Turkey: an interim report // The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus.
- Yingsan F. 1994. The pebble tool or chopper/chopping tool industry in China // Human Evolution. Vol.9. N.4.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО — Археологические открытия. М.
- АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
- ВА — Вопросы антропологии.
- ВГО — Всесоюзное Географическое общество.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- КФАН
УзбССР — Каракалпакский филиал АН УзбССР. Нукус.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М-Л.
- МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
- РА — Российская археология.
- СА — Советская археология.
- СЭ — Советская этнография.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
- ТКИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода.
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской комплексной археологической экспедиции. Ашхабад.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

Агайдар	145	154, 157, 162, 163	
Азартекинская пещера	128		
Аирбаз	115		
Айдарлы 2	6, 144	Га-Куш	6, 22, 30
Айни	70	Георгиевский Бугор	6, 131
Ак-Джар	6, 95, 166	Гишали	77
Акколь	6, 133	Гульхор	85
Аксакатасай	128	Гуфилабад	97
Аксара	146	Гыштсай	128
Актас	147		
Ак-Таш	115		
Ак-Таш (грот)	127	Дагбитская улица	69, 76
Актогай 1 - 4	6, 131, 168	Дакат	114
Алам-Куль	6, 22, 24-27, 30, 31, 154	Дарбаза III	135
Аман-Кутан	6, 67, 68, 123, 164	Дарбаза-Кыр	70
Амир-Темир	59, 60	Даргом	69
Ангренсор	6, 148	Дари-Ангар	54
Арал	97	Дауренбек 1, 12	135
Аральск	6, 142, 162	Даш-Гую	46
Арыстанды	132	Дегерез	135
Афрасиаб	69	Джанурпа	19
Ашхабадка	45	Джар-Кутан	6, 111 - 113, 116, 124, 127, 166-168
Аякагитма	78	Джебел	20
		Джеты-Огуз	131
		Джууку	131
Байкадам	135	Досан 1	146
Балахана	6, 50-53	Душак	45
Бале	147, 162		
Батпак	6, 146, 146, 153	Есен 2	6, 32-35, 154, 157, 162, 163
Бегарсландаг	22, 24, 27, 29, 31	Есен 3	35
Белек	19		
Бозсу I-VI	128, 129, 167	Жалгизарча I, II	128
Борыказган	6, 133, 134, 144, 162, 163, 165	Жалпак	6, 142
Бостери	131	Жалпаксу I-III	128
Бричмулла	128	Жаман-Айбат 4	6, 143, 157, 162, 163
Будене 1	151	Жанатас	6, 130, 135
Бургулюксай I-IX	128	Жаутурек	128
Буритау (Тигровая Балка)	97	Жидели 1, 2	146
Бурлжар	128		
Вауш	70, 167	Зарташ	115
Верхний Дальян	114	Зах	128
Вишневка	6, 145, 146,	Зирабулак	6, 66, 67, 167,

	169	Киякты	128
		Койки-Тау	97
		Коймат II	29, 31
Иджонт	70, 167	Койтас	151
		Конайбек	145
		Коскудук 7	145
		Космола	144
Кавардан	128	Кошкурган	6, 135, 153, 169
Казангап	6, 134	Красноводск-Джебел	20
Каиндысор II, IV	142	Красноярское	151
Каирмасай	114	Кудайколь	148, 162
Кайрагач	108	Кук-Яйлов	128
Кайрак-Кумы	6, 44, 108-112, 115, 116, 131, 166, 167	Кулисуфлен	97
		Кульбулак	6, 117-122, 129, 130, 153-155, 157, 162-164, 167, 169, 172, 173, 178
Кайрубак	84, 153	Кульдара	6, 79, 80, 81, 153, 154, 157, 162-165, 174, 175
Калача	115	Кумакапе	6, 36
Калыптинская пещера	128	Кумтепинская скала	92
Кальфи Норбой	92	Куприк-Бали	128
Канай	149	Курджалак-Кум	97
Капчигай I	108	Куртки	20
Капчигайские мастерские	113, 114, 116	Кутурбулак	6, 60, 62-69, 91, 92, 165, 166-168
Карабас 3	146		
Кара-Бура	6, 92-95, 97, 131, 144, 165-169	Кухи-Пиез	97
		Кухисим	128
Кара-Кала	39	Кызылалмасай 1	128
Каракалинский ручей	39	Кызылалмасай 2	120, 128
Каракамыш	128	Кызыл-Бурун	6, 22-27
Каракельский ручей	39	Кызыл-Имам	39
Каракудук	6, 34	Кызыл-Кала	97
Карамайдан	82, 157	Кызылкурган	151
Карам-Куль	115	Кызылнура 1	6, 78, 162, 164
Карасор	148	Кызылнура 15, 16	6, 78
Карасу (Валиханова)	6, 136, 138, 139, 140, 154, 157, 172, 173, 178	Кызылтау	147
		Кыргыджакский ручей	39
Каратау I	6, 80, 82, 83, 107, 153, 154, 157, 162-164		
Карын-Ярык	35		
Каскыр-Булак	19	Лахути I	6, 82-84, 107, 153, 154, 157, 162, 163, 164, 165
Каттакишлак	77		
Катта-Курган (Мачай)	60	Лявлякан	78
Келес	128, 129		
Кемер I-III	6, 133, 163	Макпалсай	128
Кенжебайсай 7	145		
Кзыл-Аскер	97		
Кзыл-Джар 3	144		
Кзылкиндык	6, 133		
Кзыл-Октябрь	115		
Кзылрысбек	135		
Кишкат	114		

Малое Дашгако	97	Сарыкурган	115
Маралды 1, 2	149	Сарым-Сакли	114
Маргидарский канал	70	Сарыозень I	146
Мизар	146	Сарыунгур	128
Минбулак	132	Сасык-Ункур	108
Мирное	142	Саурбулак	115
Музбель I	6, 144, 162, 163, 165	Свинчатка	149
Намазгох I	54	Секитма	115
Нарым	150	Сель-Унгур	6, 102-107, 153, 154, 157, 162, 164
Нейза-Таш	116	Семиганч	6, 66, 92, 95, 96, 168
Ничке-Су	131	Семизбугу	6, 147, 154, 157, 162, 613
Новалисай	128	Сиабча	6, 76, 157, 172
Новоникольское	149	Сулейменсай	135
		Сусынген	128
Обалысан I	143, 163	Такаликсай	69
Оби-Борик	77	Тамга	131
Оби-Рахмат	6, 66, 100, 113, 122-127, 154, 166-168, 171-173	Танирказган	6, 133, 134, 144, 162, 163
Огзи-Кичик	6, 66, 85-93, 96, 101, 153, 154, 166, 168, 172, 173, 177	Танхыз-Дарья	70
Огиз-Тау I, II	145	Таскудук I	6, 148, 157
Он-Арча	129	Тешик-Таш	6, 54-60, 69, 92, 96, 123, 124, 166-169, 171
Онежек I-VII	37	Токалы I-III	6, 135, 163
Оркутсай	128	Томчи-Су	38, 44
Охна	115	Тоссор	6, 112, 130, 131, 166, 168
Оталгызов	38, 44	Турланский перевал	140
		Тусье	128
Пальман	108	Тутибулак	102
Пальтау	127	Туябугузское вдхр.	128, 129
Пенджикент	77	Тюемайнак	6, 142, 157
Передержка	144, 145	Унджи	116
Пещера	150	Ура-Тюбе	114
Пинхан	46	Ургут	70
		Уркаш I	142
Раватходжа	77	Уч-Курган	108
Рахматур	46	Учтут	70, 167
		Ушбас	140
Сайлык	128	Уяз	114
Сай-Сайед	92	Уялы	102
Сакгар	39		
Саламат-Булак	6, 130	Хантау	6, 147, 162
Самаркандская	6, 70-77, 154, 155, 157, 165, 172, 173	Ходжа-Гаир	108

Ходжа-Гор	6, 114, 116, 157, 172
Ходжакент I, II	6, 113, 124, 126, 127, 166-168
Ходжамазгиль	6, 77, 157, 172
Хонако I, II	84, 153
Хорангон	102
Худжи	6, 85-89, 101, 112, 131, 153, 154, 166, 168, 171, 173, 177
Чаткал I, II	128
Чашма	107
Чим-Курган	97
Чингиз	6, 149
Чунгара	115
Чурук 12	35
Шабакты	133
Шахбагата	6, 36, 157, 162, 163
Шахпахты	34
Шахристан	114
Шиванбай	128
Шоркуль	108
Шутноу	6, 97-101, 153-155, 157, 172, 173, 178
Шульбинка	151, 157
Эгри-Гек	46
Экибастуз	148
Эчкиликсай	78
Юсупхона	128
Яблоновское	38, 44
Яккабаг	128
Янгаджа-Каратенгир	6, 13, 14, 19, 154, 157, 162, 163

CONTENTS

FOREWORD	5
PART I. Paleolithic sites of Central Asia and Kazakhstan	8
CHAPTER I. Paleolithic of the desert tablelands between the Aral Sea and the Caspian Sea.....	8
1. Paleogeography	8
2. Krasnovodsk peninsula	12
3. Transuzboi folded area	21
4. Usturt	32
5. Mangyshlak.....	35
CHAPTER II. Paleolithic of the south-west mountain area	37
1. Kopet Dag	37
2. Badghyz	45
CHAPTER III. Paleolithic of the south-east mountain area	46
1. Paleogeography	47
2. Southern Tien-Shan.....	49
3. Tajik depression	78
4. Fergana depression.....	102
5. North-Western Tien-Shan	116
6. Central and Northern Tien-Shan	129
7. Karatau ridge and adjacent areas of South Kazakhstan	132
CHAPTER IV. Paleolithic of North, Central and East Kazakhstan	141
PART II. Major problems of the Paleolithic of Central Asia and Kazakhstan.....	152
CHAPTER I. Chronology and periodization.....	152
1. Chronology	152
2. Periodization.....	155
CHAPTER II. Movius' theory and the Paleolithic of Central Asia and Kazakhstan.....	158
CHAPTER III. Variability of the Mousterian industries and their place in Asian Middle Paleolithic	166
CHAPTER IV. Upper Paleolithic.....	172
CONCLUSION. Initial settlement of the region and the genesis of local industries.....	174
BIBLIOGRAPHY	179
ABBREVIATIONS.....	207
SITE INDEX	208
CONTENTS	212

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ЧАСТЬ I. Палеолитические памятники Средней Азии.....	8
ГЛАВА I. Палеолит Арало-Каспийских пустынных плато.....	8
1. Палеогеография.....	8
2. Красноводский полуостров.....	12
3. Заузбойский складчатый район.....	21
4. Устюрт.....	32
5. Мангышлак.....	35
ГЛАВА II. Палеолит гор юго-запада Средней Азии (Копетдаг и Бадхыз).....	37
1. Копетдаг.....	37
2. Бадхыз.....	45
ГЛАВА III. Палеолит гор юго-востока Средней Азии (Тянь-Шань и Памир).....	46
1. Палеогеография.....	47
2. Южный Тянь-Шань.....	49
3. Таджикская депрессия.....	78
4. Ферганская депрессия.....	107
5. Северо-западный Тянь-Шань.....	1
6. Центральный и северный Тянь-Шань.....	1
7. Хребет Каратау и прилегающие районы Южного Казахстана.....	13
ГЛАВА IV. Палеолит Северного, Центрального и Восточного Казахстана.....	141
ЧАСТЬ II. Основные вопросы изучения палеолита Средней Азии.....	152
ГЛАВА I. хронология и периодизация.....	152
1. Хронология.....	152
2. Периодизация.....	155
ГЛАВА II. Теория Мовиуса и нижний палеолит Средней Азии и Казахстана.....	158
ГЛАВА III. Проблема варибельности мустьерских индустрий и их место в среднем палеолите Азии.....	166
ГЛАВА IV. Верхний палеолит.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Время и пути заселения среднеазиатско- казахстанского региона в палеолите и генезис местных индустрий.....	174
ЛИТЕРАТУРА.....	179
СОКРАЩЕНИЯ.....	207
УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ.....	208
CONTENTS.....	212
СОДЕРЖАНИЕ.....	213

Л. Б. Вишняцкий
Палеолит Средней Азии и Казахстана

Оригинал-макет: *В.В.Питулько*

ЛР №060898, выдана 19 марта 1992 г.

Печать офсетная, 13,5 п.л. Тираж 500 экз.
Заказ № *516*

Европейский Дом
191187 Санкт-Петербург, ул.Фурманова, д.3

Петербургкомстат. 197376 С.Петербург, ул. Профессора Попова, д. 39

Л. Б. ВИПНЯЦКИЙ

«ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕЙ
АЗИИ
И КАЗАХСТАНА»

Палеолит огромного среднеазиатско-казахстанского региона, простирающегося от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке и от предгорий Урала на севере до Памира и Копетдага на юге, исследован крайне неравномерно и в целом пока еще слабо. Тем не менее, новой информации становится все больше и все больше ощущается потребность в обобщении имеющихся фактов, в сводной работе, где бы излагались и суммировались накопленные материалы и хотя бы кратко формулировались и рассматривались основные вопросы, связанные с их осмыслением и интерпретацией. Такого рода сводки выходили в середине 60-х, 70-х, а затем 80-х годов, и в этой книге, продолжая установившуюся традицию, автор пытается подвести итоги тому, что сделано к середине 90-х годов, то есть, фактически, за весь советский период изучения палеолита Средней Азии и Казахстана.

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ДОМ